

Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова

МАТЕРИАЛЫ

Международной научной конференции

Жизнь языка

К 100-летию со дня рождения М. В. Панова

19–21 ноября 2021 г.

Москва 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андронов А. В.</i> К проблеме фонетического вмешательства в фонологические рассуждения.....	5
<i>Антонова О. В.</i> Кóвид или коvíд (к вопросу об акцентуации новейших заимствований)	6
<i>Арутюнова Е. В.</i> И все-таки они хорошие! Как убедить в этом читателя академических правил орфографии.....	7
<i>Базаров Е. Э.</i> <i>Можно_/, /– я расскажу...:</i> об одном непростом случае употребления слова <i>можно</i>	9
<i>Бархударова Е. Л.</i> Концепция М. В. Панова о двух типах фонетических систем в контексте лингводидактики.....	11
<i>Барышева С. Ф.</i> Функционирование клитик-предлогов современной публичной речи .	12
<i>Беляев Д. Д.</i> И всё-таки он хороший!	14
<i>Бешенкова Е. В.</i> Языковые антиномии как внутренние стимулы развития письма.....	16
Александр Бирих. Роль социолектов в развитии словарного состава русского языка конца XX - начала XXI века.....	17
<i>Богданова-Бегларян Н. В.</i> Массовые опросы как инструмент изучения сегодняшней «жизни языка».....	19
<i>Бугаева И. В.</i> Русская орфография и пунктуация в современных рекламных текстах..	20
<i>Букринская И. А., Кармакова О. Е.</i> Просторечная лексика в современной языковой ситуации	21
<i>Вещикова И. А.</i> О фоностилистических воззрениях М.В. Панова в контексте современной научной ситуации.....	23
<i>Стефан Гжибовский.</i> Синтагмо- и парадигмо-фонология в сопоставительном фонологическом анализе	24
<i>Гик А. В.</i> Семантика и стилистика междометий «ай» и «ой» в поэтическом языке (на материале «Словаря языка русской поэзии XX века»).....	26
<i>Голубева-Монаткина Н. И.</i> Французское многоязычие в проекте «Социальная история языков Франции».....	27
<i>Грановская Л. М.</i> О языке Гражданской войны в России: заметки.....	28
<i>Грек А. Г.</i> Язык русской поэзии: лекционный курс М.В. Панова и «Очерки по языку русских поэтов» И. И. Ковтуновой.....	31
<i>Джанджакова Е. В.</i> Вариант прочтения рассказа Чехова «Невеста»	33
<i>Евтушенко О. В.</i> Об одном виде повтора отношений в прозаических текстах.....	34
<i>Занадворова А. В.</i> Прагматический потенциал имен числительных	36
<i>Зубова Л. В.</i> Объектный генитив в современной поэзии	37
<i>Иванова О. Е.</i> Лексикализация предложно-падежного сочетания как орфографическая проблема.....	39
<i>Йокояма О. Б.</i> Лексика в поэзии Панова	40
<i>Каленчук М. Л.</i> Понятие фонетической позиции в концепции Московской фонологической школы: новые подходы	41

<i>Калло Е. М., Лилеева А. Г.</i> «Сочетание несочетаемого» – основа поэтики «домашнего» журнала (на материале анализа структуры и языка журналов «Гротексный многопотам» и «Транвай13», 1985 – 1998 г., ответственный редактор М. В. Панов).....	43
<i>Киров Е. Ф.</i> Общие принципы функционирования языка и фонетическая синтагматика	45
<i>Клейнер Ю. А.</i> Нейтрализация: ограниченная дистрибуция, вариант фонемы, архифонема?.....	47
<i>Коробейникова Т. Н.</i> Условия утраты оканья в одном севернорусском говоре	48
<i>Корпечкова Е. В.</i> Качественная характеристика звуков 1-го предударного слога в говорах с разными типами диссимилятивного вокализма.....	50
<i>Красовицкий А. М.</i> О роли коартикуляции в фонетических изменениях.....	52
<i>Крылов С. А.</i> О научных истоках «Позиционной морфологии русского языка» М. В. Панова	55
<i>Крысин Л. П.</i> Михаил Викторович Панов: теория антиномий	58
<i>Кукушкина Е. Ю.</i> Жанр речевого портрета: современный искусствоведческий дискурс	59
<i>Кулева А. С.</i> Сниженная лексика в поэтическом языке (на материале 8 т. «Словаря языка русской поэзии XX века»).....	61
<i>Лазуткина Е. М.</i> Морфемный состав слова и его смысл	62
<i>Лебедев А.С., Плунгян В.А.</i> Декумуляция в русском словоизменении и некоторые инновации в склонении местоимений.....	64
<i>Лённгрэн Т. П.</i> У истоков украинской фонологии: «преступница» языковед олена курило	65
<i>Маринова Е. В.</i> Аналитические прилагательные в современном русском: типология и особенности функционирования	67
<i>Мечковская Н. Б.</i> Образный взгляд на звуки речи, слова и лингвистические вопросы (К определению стиля М.В. Панова).....	68
<i>Нефедова Е. А.</i> К вопросу об эволюции современных говоров: диалект – региолект ...	70
<i>Нечаева И. В.</i> К изучению вариативности в орфографии.....	72
<i>Николенкова Н. В.</i> Графико-орфографическое оформление имен собственных (антропонимы и топонимы) в истории русской письменности второй половины XIX — начала XXI вв.	73
<i>Новиков В. И.</i> Наследие М.В. Панова и современная гуманитарная наука	74
<i>Парубченко Л. Б.</i> Уроки нравственности: к 100-летию М.В. Панова	75
<i>Пахомов В. М.</i> Наследие М. В. Панова и проблемы популяризации орфографической науки на рубеже 2010-х и 2020-х.....	80
<i>Петрова З. Ю.</i> О некоторых особенностях персонифицирующих метафор и сравнений в поэзии В. Хлебникова	82
<i>Петрухина Е. В.</i> Борьба противоположностей в русской аспектуальной системе.....	84
<i>Полилова В. С.</i> Стиховедческие наблюдения М. В. Панова в свете современной науки о стихе	85
<i>Попов М. Б.</i> М. В. Панов и мифы о Щербовской фонологической школе.....	86

<i>Пост Мархье. Региональное варьирование в речи русской городской молодежи: экспериментальное исследование количественной и качественной редукции предупредительных гласных в речи молодых москвичей и пермяков</i>	87
<i>Прохватилова О. А. Интонационно-звуковая организация современной православной миссионерской проповеди</i>	89
<i>Ревзина О. Г. Вклад М. В. Панова в научную стилистику</i>	90
<i>Розанова Н. Н. От речевого портрета горожанина – к речевому портрету города: о возможных подходах к изучению языка современного города</i>	93
<i>Розина Р. И. Разговорные глаголы падения в контексте лексической типологии</i>	94
<i>Савинов Д. М. Об особенностях исследования языковой нормы в диалектных системах</i>	95
<i>Ирена Савицка, Татьяна Зиновьева. Можно ли говорить о фантомах Панова в польском языке?</i>	97
<i>Северская О. И. «Стих глубокого дыхания, яркости, крутизны»: идиостиль М. В. Панова-поэта</i>	97
<i>Селиванов М. П. Актуальные проблемы изучения фонетики заимствований</i>	100
<i>Сигал К. Я. Эстетическая специализация синтаксической формы</i>	101
<i>Скачедубова Е. С. К вопросу об акцентуации страдательных причастий прошедшего времени в современном русском литературном языке: норма и узус</i>	102
<i>Соколянский А. А. Эволюция фонологических взглядов М. В. Панова</i>	104
<i>Стрейкмане Э. Р. Звонíšь и звóнишь — ошибка или новая норма?</i>	106
<i>Тер-Аванесова А. В., Дьяченко С. В. Фонетика заимствований в русских говорах с семифонемным вокализмом: основы, содержащие е-образные фонемы</i>	107
<i>Тискин Д. Б. Наблюдения о согласовании глагола с заглагольным материалом в русском языке</i>	109
<i>Фатеева Н. А. «Глаза» в поэтических портретах В. Хлебникова</i>	111
<i>Фролова О. Е. Поэтика Д. Хармса в интерпретации М. В. Панова</i>	113
<i>Шапошников В. Н. Грамматика субстантивных сочетаний. Сложные именные образования в современном русском языке</i>	115
<i>Шаралова Е. В. На периферии категории интенсивности: многообразие лексических интенсификаторов в письмах Ф. М. Достоевского</i>	116
<i>Шарыкина О. А. О порядке значений в словарных статьях многозначных слов (на материале «Толкового словаря русской разговорной речи»).....</i>	119
<i>Шестакова Л. Л. «Эпитет позволяет видеть мир диалектически»: представление М.В. Панова об эпитете в приложении к поэзии серебряного века</i>	121
<i>Шилихина К. М. Метакоммуникация как путь преодоления антиномий говорящего и слушающего, узуса и возможностей языковой системы</i>	122
<i>Шмелев А. Д. Кодификация русского правописания: соотношение прескрипции и дескрипции</i>	124
<i>Шмелева Т. В. Хиатус как феномен синтагматической фонетики: свидетельства письма</i>	125
<i>Шульга М. В. О принципах морфологического описания</i>	127

Алексей Викторович Андронов
СПбГУ
(Санкт-Петербург, Россия)
baltistica@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ФОНЕТИЧЕСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ

Вряд ли кто-либо из современных лингвистов станет всерьёз отстаивать точку зрения, что фонологические решения основываются на анализе физических характеристик звучащей речи. Влияние материального субстрата на устройство фонологической системы не поддаётся формализации, и всё же апелляцию к фонетическим характеристикам можно нередко встретить в литературе на разных этапах «фонологического» описания. В данной работе рассматривается несколько характерных примеров такого фонетического вмешательства в фонологические рассуждения.

Структура фонологического описания представляется нами в соответствии со взглядами школы Л. В. Щербы. Подчеркнём, что она исходит из реальности языковой системы и самостоятельности её фонологического компонента. Экспликация этой системы (являющаяся задачей лингвистики) предполагает описание составляющих её единиц и правил их функционирования. Единицы системы, как минимальные — инвентарные, так и более крупные — конструктивные (иначе называемые единствами: слоги, слова, фразы), должны быть определены синтагматически (сегментация) и парадигматически (идентификация), а также охарактеризованы в их отношении к единицам того же порядка — на основании фонологических признаков и, для единств, внутреннего устройства (классификация). Многие фонологические концепции не предполагают специального исследования всех этих вопросов, концентрируясь и детально разрабатывая лишь часть из них. В данном докладе эти вопросы также будут затронуты в разной степени: на некоторые лишь указано, некоторые рассмотрены более подробно.

Сегментация. Обратим внимание на проблему минимальной линейной фонологической единицы в германских языках (Ю. К. Кузьменко, Ю. А. Клейнер): несогласие рассматривать как нечленимую единицу англ. [it] при готовности признать нечленимость [in] (и общепризнанной монофонемности дифтонгов типа [ai]) во многом основывается на собственно фонетической разнице между шумными и сонорными согласными.

Идентификация. Классическим примером является указание отсутствия фонетического сходства у английских [ŋ] и [h] как основание для отказа в признании их вариантами одной фонемы на основе критерия дополнительной дистрибуции (самого по себе замкнутого внутри фонологии и нефункционального).

Классификация. Ярким примером является отказ русским фонемам /c/, /č/, /x/ в признаке глухости из-за наличия у них звонких аллофонов (Ю. С. Маслов) или сомнения в фонологичности признака нижнего подъёма у русской фонемы /a/ из-за наличия среди её аллофонов гласных [ʌ] и [ъ], не относящихся к нижнему подъёму (М. Б. Попов).

Слог. Притягательность фонетической трактовки понятия слога чрезвычайно велика (ср. уже традиционное, хотя, в сущности, и малопонятное, определение слога как «минимальной произносительной единицы» или терминологические затруднения, связанные с понятием «слоговых» языков, «слог» которых функционально несопоставим со слогом языков фонемных). Характерным примером являются и работы Л. М. Хаймана о проблеме слога в языке гокана, в которых автор размышляет над слишком разительным расхождением фонологического слога, понимаемого как модель синтагматической организации фонем, и фонетического (универсального и «привычного») слога.

Слово. Фонологическим признаком слова (акцентного единства) является ударение, однако о его наличии и месте часто судят по фонетическим характеристикам интенсивности, высоты и длительности. Расхождения в указаниях «положительных и отрицательных акцентных средств» (П. Гард) являются примером противоречия между фонетикой и фонологией, которое во многих случаях по традиции разрешается в пользу фонетики.

Наконец, характерным свидетельством фонетического вмешательства является немалая доля исследований по **фонологической типологии и ареальной лингвистике**, группирующих языки по использованию той или иной артикуляционной характеристики — без внимания к деталям её фонологического статуса (помимо многих современных исследований, ср. критические замечания Е. Д. Поливанова к книге Р. О. Якобсона о евразийском языковом союзе).

О. В. Антонова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

ovantonova@gmail.com

КОВИД ИЛИ КОВИ́Д (К ВОПРОСУ ОБ АКЦЕНТУАЦИИ НОВЕЙШИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ)

В настоящее время лексический состав современного русского литературного языка стремительно расширяется за счет вливания новейших заимствований. Одной из наиболее ярких черт, отражающих необычное поведение заимствований как особой орфоэпической подсистемы, является так называемое акцентное безразличие — устойчивое колебание в выборе места ударения, которое для исконно русских слов в целом не характерно. Наблюдения над спонтанной речью окружающих носителей современного русского литературного языка показывают, что вариативность в ударении на начальном этапе освоения заимствованной лексики, отмеченная исследователями ранее, сохраняется и сегодня. Так, в новейшем заимствовании из английского языка *ковид* (а также в группе слов-дериватов) на начальном этапе освоения наблюдались ярко выраженные колебания в акцентуации. Для выяснения распределения акцентологических вариантов в узусе респондентов было проведено развернутое анкетирование (в рамках настоящего исследования этот вид опроса был признан

наиболее целесообразным, так как ударение, являясь неизменным атрибутом цельноформленности слова, хорошо осознается говорящими и находится в фокусе их внимания, и нет нужды «выманивать» спонтанное произнесение, как это бывает необходимо в рамках методики сбора данных по фонетической проблематике, не связанной с вопросами акцентологии), включавшее набор вопросов, посвященных акцентуации лексемы *ковид* и ее дериватов: *ковидный*, *ковид-диссидент*, *ковидиот* – информантам предлагалось отметить предпочтительный вариант (также существовала возможность выбрать оба варианта, если они покажутся информанту допустимыми). Полученные данные в рамках комплексного анализа были объединены с результатами сплошной выборки интересующих нас лексем из устных средств массовой информации, а также с зафиксированными фактами спонтанных произнесений в речи окружающих людей, носителей литературной нормы. Важным аспектом опроса являлось сравнение различий в ударении среди информантов – медицинских работников и информантов-немедиков, однако анализ не позволил обнаружить в их речи каких-либо существенных различий. Абсолютное большинство респондентов в двух группах предпочли ударение *кови́д*, *кови́дный*, *ковидио́т*, *кови́д-диссидент*. Таким образом, следует констатировать, что именно у данных акцентных вариантов налицо факторы, которые необходимы, согласно современным орфоэпическим воззрениям, для их кодификации: устойчивое бытование в узусе респондентов, владеющих литературной нормой, и соответствие внутреннему языковому закону или тенденции. Соответствие второму фактору в нашем случае заключается в успешном встраивании в существующую в языке акцентную модель. Для сущ. *кови́д* это модель акцентологического оформления названий определенного класса воспалительных заболеваний, ср. *оти́т*, *гайморит* (к ней примыкают прил. *кови́дный*, сущ. *кови́д-диссидент*); для сущ. *ковидио́т* – аналогия с хорошо освоенной лексемой *идио́т*.

Итак, у варианта *кови́д* в настоящее время налицо оба фактора, необходимых для кодификации: устойчивое бытование в узусе и успешное встраивание в существующую в языке модель акцентологического оформления названий определенного класса болезней.

Е. В. Арутюнова
ИРЯ РАН
(Москва, Россия)
arutyunova.elena@gmail.com

И ВСЕ-ТАКИ ОНИ ХОРОШИЕ! КАК УБЕДИТЬ В ЭТОМ ЧИТАТЕЛЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ ПРАВИЛ ОРФОГРАФИИ

Академическими правилами орфографии можно назвать форму научного описания орфографии как системы с действующими в ней законами, закономерностями и тенденциями, созданное на основе анализа максимально обширного лексического и грамматического материала, доступного на данном этапе лингвисту. Такое описание неизбежно будет отличаться от системы правил, принятых в справочниках и

методической традиции и нацеленных на представление «основных сведений по нормативному правописанию» (Д. Э. Розенталь), на формирования у читателя навыков грамотного письма.

К настоящему времени структура академического описания орфографии выработана и включает в себя: 1) правила, 2) отдельные исключения, 3) исключения-подправила, 4) примечания, которые содержат дополнительную информацию об области действия правил, 5) списки примеров (Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова). Представляется, что академические правила нуждаются в дополнительной информации, расширяющей возможности научного описания орфографии через систему правил и помогающей широкому читателю соотнести его с информацией, полученной в школе, при работе со справочной литературой по правописанию.

М. В. Панов был убежден, что культура письма включает в себя не только владение правилами, но и понимание тех языковых законов, на которых эти правила основаны, понимание того, как соотносятся звучащая речь и письменная, какова роль орфографии в письменной коммуникации и – шире – в культуре. Более того, он считал, что сведения о лингвистических основах орфографии должны составить содержание школьного обучения, что они не только формируют сознательное отношение к нормам письменной речи, но и помогают повысить уровень практической грамотности. В своих книгах о русской орфографии и в учебниках М. В. Панов представил блестящий образец научного по содержанию, но доступного по форме комментария к правилам орфографии, в котором были затронуты различные лингвистические и социальные аспекты норм письма.

Опираясь на труды М. В. Панова по орфографии, можно сформулировать актуальные задачи комментирования академических правил.

1. Показать лингвистические основы той орфографической модели, которая создается в академическом описании. Для каждого раздела орфографии это принципы выделения орфографических проблем и отражения их в композиции описания, принципы, определяющие выбор написания. Например, для раздела употребления букв определяющим сейчас признается принцип, сформулированный А. А. Зализняком, «согласно которому в позициях нейтрализации фонем выбор записи определяется тем, какая представлена морфема (а именно, морфема записывается так же, как в позиции, где нейтрализации нет)».

2. Обосновать правомерность кодификации для проблемных областей письма, для норм, впервые кодифицированных в форме правил. К факторам, определяющим кодификационное решение, часто относятся и поэтому заслуживают отражения в комментариях исторические тенденции в узусе и кодификации.

3. Выявить случаи множественной орфографической мотивации, которая часто становится причиной орфографических колебаний в узусе и трудностей для пишущих.

4. Сравнить возможные или существующие в учебной и научной литературе формулировки правил, основанные на различных критериях, и охарактеризовать специфику этих правил по охвату материала и др.

5. Указать факторы, как современные, так и исторические, создавшие исключения из правил.

6. Отразить факты перекодификации или бытования ненормативных орфографических вариантов для слов, которые особо отмечены в русской культуре и методической традиции и поэтому могут служить прецедентом для пишущего (например, *пискарь* у М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Такие комментарии смогут удовлетворить потребности самой широкой аудитории – лингвистов, преподавателей, издательских работников и вообще всех, кто интересуется русским языком, чтобы у каждого была возможность нырнуть в русскую орфографию на нужную ему глубину. Таким же широким был и адресат научно-популярных работ о русской орфографии М. В. Панова.

Е. Э. Базаров
ИРЯ РАН
(Москва, Россия)
eubaz@yandex.ru

МОЖНО_/,- Я РАССКАЖУ...: ОБ ОДНОМ НЕПРОСТОМ СЛУЧАЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВА *МОЖНО*

К грамматическим средствам выражения вопросительности в русском языке традиционно относят интонацию, порядок слов, местоименные слова (*кто, что, куда, когда* и т. д.) и частицы (*ли, разве, что ли, правда* и т. д.). Разумеется, эти средства в той или иной мере описаны в нормативных грамматиках русского языка. В непринужденной разговорной речи часто используется еще один, можно сказать нетривиальный, способ построения вопросительного предложения, а именно употребление слова *можно* в функции вопросительной частицы, или шире – вопросительного слова, в высказываниях типа *Можно_/,- я открою окно?*

Особенность такого синтаксического построения заключается в том, что в исходном виде невопросительное предложение при помощи слова *можно* преобразуется в вопросительное; это сближает указанное слово с частицами (ср.: *Вы придете ко мне в гости, правда?, Ты забыл купить хлеб, что ли?* и т. п.). Такое сходство функций отмечается в «Русской грамматике», в § 2601, посвященном некоторым вопросительным частицам, читаем примечание: «Функцию вопросительной частицы выполняет слово (здесь и далее выделено нами. – Е. Б.) *можно*, открывающее собой вопросительное предложение в форме буд. вр. (вопрос о разрешении): *Можно – я доски возьму?* (Плат.); *Можно я одно замечание сделаю?*» (Шукш.) [РГ, с. 388].

Поводом для выделения нами отдельных фрагментов выдержки из РГ стали два непростых вопроса, ответы на которые сложно найти в словарях и справочниках:

- 1) теоретический: какой части речи слово *можно*?
- 2) прикладной: нужен ли после *можно* какой-либо знак препинания, а если нужен, то какой именно?

В попытке ответить на вопрос о частеречной принадлежности слова носитель языка в первую очередь обращается к словарям русского языка, поиск по которым даст нам примерно следующие результаты:

1. «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой: ‘безл. в знач. сказ.’ [МАС, с. 287];
2. «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова: ‘в функц. сказ.’ [БТС, с. 550];
3. «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка: ‘предик[атив]’ [ГСРЯ, с. 453].

Как известно, к предикативам относятся слова разных частей речи, способные выступать в функции главного члена (сказуемого/предиката) безличного предложения и при этом часто управляющие инфинитивом (*неохота работать, приказано отступить, смешно слушать* и пр.). Конечно, в этом отношении слово *можно* также подходит под указанное описание (ср. *По выходным можно спать сколько угодно*), но только не в составе высказываний рассматриваемого нами типа, так как предикатом в них является личная форма глагола. Так к какой же части речи отнести слово *можно*, употребленное в таком предложении, ведь назвать его предикативом нельзя? Видимо, в связи с этим в РГ *можно* осторожно именуется **словом** (см. выше).

Прикладной вопрос (о пунктуационном оформлении таких вопросительных предложений) сложен в меньшей степени, чем теоретический. Отметим, что в «Правилах русской орфографии и пунктуации» (ПАС) под ред. В. В. Лопатина и справочниках Д. Э. Розенталя такие случаи не рассматриваются. Как видно, РГ фиксирует два варианта записи подобных высказываний: с тире и без какого-либо знака препинания (см. выше). Однако, например, в «Словаре русского речевого этикета» А. Г. Балакай мы обнаруживаем третий способ оформления – с запятой: в словарной статье *можно* приводится этикетная формула ‘**Можно, я** (сделаю что-л.)?’ [СРРЭ, с. 279]. Тексты из НКРЯ также пестрят различными вариантами пунктуационного оформления таких предложений.

Доклад будет посвящен более детальному рассмотрению подобных проблемных вопросов, связанных с предложениями данного типа.

Литература

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. – СПб., 2001.

ГСРЯ – Грамматический словарь русского языка / А. А. Зализняк. – М., 2008.

МАС – Словарь русского языка. Т. 1–4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. – М., 1981–1984. Т. 2.

Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980.

СРРЭ – Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. 2-е изд. – М., 2001.

Е.Л. Бархударова
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
e.barhudarova@rambler.ru

КОНЦЕПЦИЯ М.В. ПАНОВА О ДВУХ ТИПАХ ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

В 1977 году была опубликована статья М.В. Панова «О двух типах фонетических систем». Опираясь на соотношение парадигматики и синтагматики в звуковом строе языка, М.В. Панов предложил разделить все языки на преимущественно парадигматические и преимущественно синтагматические.

В языках с преимущественно парадигматическим звуковым строем главенствует парадигматика и фонетическая система зиждется на двух типах позиционной мены звуков – параллельном и пересекающемся, то есть приводящем к нейтрализации звуковых единиц (о типах позиционной мены звуков см. [Аванесов 1956: 23]). В языках с преимущественно синтагматическим звуковым строем важную роль играют закономерности, сопряженные с ограниченной дистрибуцией фонем и разного рода запретами на их сочетаемость. Поставленная в статье М.В. Панова проблема соотношения парадигматики и синтагматики в звуковом строе языка коррелирует с целым рядом положений, значимых в контексте методологии анализа иностранного акцента в русской речи.

Во-первых, наиболее устойчивые ошибки в иностранном акценте часто обусловлены переносом позиционных закономерностей системы родного языка на изучаемую. Следует учитывать, что большинство иноязычных систем являются преимущественно синтагматическими, что определяет «скрытый» характер нейтрализации звуковых единиц. По этой причине особенно сложной оказывается задача разграничить в акценте ошибки, обусловленные отсутствием фонологических противопоставлений, и ошибки, связанные с позиционными запретами в родном языке.

В разных акцентах одинаковые на первый взгляд отклонения могут определяться разными причинами. Так, в испанском акценте смешение [с] и [з] обусловлено отсутствием в родном языке противопоставления глухих и звонких свистящих. В немецком же акценте в основе неразличения этих звуков лежит ограниченная дистрибуция немецких фонем: в абсолютном начале слова глухая свистящая не сочетается с гласными, а звонкая – с согласными. В корейском акценте ошибочное произнесение аффрикаты [dz] на месте щелевого [з] (*[dz]абор – забор) объясняется отсутствием в системе корейского языка звонкой свистящей фонемы. У японцев та же ошибка связана с особенностями позиционной реализации японской фонемы /z/.

Во-вторых, как было показано в работах К.В. Горшковой, в языках с господством парадигматики орфоэпическая норма должна быть достаточно строгой. Большинство учащихся, в родных языках которых роль синтагматики сильнее, чем роль парадигматики, не привыкли к жестким орфоэпическим правилам, что не может не оказывать существенного влияния на процесс освоения русского произношения.

В-третьих, в языках с преимущественно синтагматическим звуковым строем иное, чем в русском языке, соотношение литературной и диалектной фонетики. В результате в русской речи иностранцев часто преобладают фонетические отклонения, обусловленные интерферирующим воздействием родного диалекта. В этом случае расхождения в акценте носителей одного и того же языка могут быть настолько значимы, что порой по сути следует говорить не об одном акценте, а о совокупности разных акцентов. Соответственно, создание национально ориентированных курсов русской звучащей речи для носителей немецкого, норвежского, португальского, китайского, арабского и ряда других языков – весьма непростая задача.

В заключение следует подчеркнуть, что статья М.В. Панова «О двух типах фонетических систем» наряду с другими трудами ученого положила начало разработке основ «позиционной» фонетики, сыгравшей важную роль как в лингвистике, так и в лингводидактике.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Панов М.В. О двух типах фонетических систем // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.

С. Ф. Барышева

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

baryshevasf@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КЛИТИК-ПРЕДЛОГОВ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

Один из самых интересных объектов изучения современной звучащей речи – это клитики. В центре нашего внимания – случаи нарушения целостности фонетического слова (отрыв предлогов) и фонетические особенности клитик в позиции перед паузой.

Причины отрыва клитики могут быть разные: как коммуникативные (в ситуации подбора слова), так и языковые (возможно, это «отзвук» грамматической тенденции к агглютинации, о которой много писал М.В. Панов).

О том, что отрыв не случаен и он оформляется в тенденцию, свидетельствуют многие факты и прежде всего частотность этого явления: отрываются и слоговые предлоги и консонантные; и односложные и многосложные; отрыв в пределах одной фразы может быть неединичным: *связан с / рассмотрением доступа к / источникам информации* (радиречь); *можно прочитать в / сборнике под / редакцией* (научная конференция). Уже формируются группы предлогов по частотности отрыва, причем в этом процессе особенно заметна роль левого контекста, своего рода лексикализация:

- а) для предлога *о* – это сочетание с глаголами речи, прежде всего *говорить о /*
- б) для предлога *с* – сочетания *связано с /; в связи с /*
- в) для предлога *из* – сочетание *один из /*

Охарактеризуем фонетические особенности предлогов в позиции перед паузой.

1. Предложный консонантизм:

а) нарушение позиционных чередований по глухости/звонкости: на месте конечной звонкой фонемы звонкие реализации отмечены во предлогах *в, из, без, через, перед*; при этом чаще других в звонком варианте выступает предлог *в* (соотношение звонких и глухих реализаций 10:1);

б) появление гласных призвуков/звуков следующих типов: [в^э – в^{э:} – в^э – вэ – вэ: – вэ];

в) модификации конечного согласного: его удлинение или дикционное усиление.

Причинами первого явления могут быть, во-первых, общая тенденция разрушения позиционных чередований звуков, во-вторых, прагматика – отрыв как речевой сигнал выделения слова. Причина второго – естественное стремление говорящего к оформлению оторванной единицы как слоговой. Причинами третьего вида являются, безусловно, прагматические установки говорящего.

2. Предложный вокализм (на месте /o/)

При отрыве предлога возможен тот же спектр вариантов гласной фонемы /o/, что и в составе фонетического слова. В статье М.Л. Каленчук и Р.Ф. Касаткиной (1999) описаны 4 фонетические модели приставок с фонемой /o/:

- 1) с редуцированным гласным;
- 2) с редуцированным выделенным гласным;
- 3) с нередуцированным гласным;
- 4) с нередуцированным выделенным гласным.

К этим моделям, распространяющимся и на фонетику предлога, добавим еще один вариант произнесения гласного – с долготой:

- 5) с редуцированным долгим гласным;
- б) с нередуцированным долгим гласным.

Приведем примеры указанных моделей из современной публичной речи:

- 1) *поговорим [a] / новой книге;*
- 2) –
- 3) *пророчеству [o] / Рождестве Иоанна Крестителя;*
- 4) *мы говорим [ó] / том;*
- 5) *разговор [a:] / молодежи;*
- б) *соглашение [o:] / встрече.*

Конечно, не все модели одинаково частотны. Так, случаи отрыва предлога с кратким редуцированным гласным (модели 1 и 2) единичны.

Факторы, вызывающие отсутствие редукции гласного и его акцентное выделение в предлогах, а также варианты реализации конечных согласных фонем предлогов, описаны М.Л. Каленчук (2007).

ЛИТЕРАТУРА

Алтайская Е. М. Закономерности акцентирования сочетаний предлогов с существительными в современном русском литературном языке // Развитие фонетики сегодня. – М., 2007.

Зотова С. В. Особенности произношения некоторых предлогов в современном русском языке // Культура русской звучащей речи: традиции и современность. – М., 2004.

Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Особенности звукового оформления русских приставок // Russian Linguistics. – № 23. – 1999.

Каленчук М. Л. Особенности произношения русских предлогов // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина. – М., 2007.

Д. Д. Беляев

Тульская лаборатория судебной экспертизы МЮ РФ

(Тула, Россия)

beltula@gmail.com

И ВСЁТАКИ ОН ХОРОШИЙ!

М.В. Панов – убеждённый защитник **фонематического** (фонемного) принципа русской орфографии **ФМ** как словом, так и делом. Именно он стал идеологом «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» (**проект 1964**), ориентированного прежде всего на усиление роли **ФМ**. Предшествующие «Постановления Орфографической подкомиссии» (1912) удалось частично реализовать благодаря революции 1917 г. **Проект 1964**, напротив, после бурной полемики был свёрнут в ходе замораживания «оттепели». Но его потенциал не исчерпан и сегодня.

Принцип орфографии обобщает однотипные решения орфограмм (проблемных ситуаций, требующих выбора между нормативным и ненормативным написанием). **ФМ** – основной принцип 1-го раздела («Правописание морфем») – это адекватное отображение фонемного состава морфем в соответствии с графической системой.

Орфограммы 1-го раздела:

1) **звуковые** (источник – нейтрализация), «Обозначение гласных [Г] / согласных [С] звуков»;

2) **буквенные** (источник – возможность графических нарушений), «Написание букв гласных фонем **Бг** / букв согласных фонем **Бс**, / вспомогательных букв **Ь**, **Ъ**».

Операции **ФМ**.

1. Проверка, 4 типа: **ПР-1** (формы того же слова); **ПР-2** (дериванты/дериваты); **ПР-3** (прочие однокоренные слова); **ПР-4** (одноаффиксные слова). Номера типов отражают порядок приоритетов: *сч[и]тáть* – **ПР-1** *сч[и]тáнный*, <и> → **и** (не **ПР-2** *сч[и]т!*); *дубн[и]к[и]* – **ПР-1** *дубн[и]к*, <а> → **я** (не **ПР-4** *цветн[и]к!*).

В **проекте 1964**: **зор[я]*, **зорн[и]ца...* – **ПР-1/2** *з[о]ри* (не **ПР-2/3** *з[а]рево!*). Большинство прочих безударных [Г] проверяется однозначно. Но ситуацию с **плав[е]ц*, **плавч[и]ха* (← *плав[а]ть*) осложнил неcodифицированный дериват *плавч[е]ский* (1999–2019: 10 примеров) – более приоритетная **ПР-2**: в деривационных актах «субстантив → адъектив» вокализм стабилен. Неприемлемы **мок[а]ть*, **скок[а]ть* (**ПР-1** *м[а]канный*, *ск[а]чет*).

2. Презумпции, при отсутствии или конкуренции проверок:

1) **презумпция простоты** («Обозначение непроизносимых [С]»);

2) **презумпция исходных признаков** – начальных пунктов несимметричных ассимиляций («Обозначение [С]», «Написание Ъ»).

3. Графические закономерности: фонемно-буквенный принцип **ФБП** и графические законы (**ГЗ-1**, обозначение ⟨С'⟩ : ⟨С⟩ ; **ГЗ-2**, выбор **Бг**; **ГЗ-3**, обозначение силлабем ⟨jГ⟩).

Проект 1964 устранял многие нарушения **ФБП** (лишние буквы):

1. (**Ж, Ш, Щ, Ч +**) **Ъ** (позже Панов обсуждал роль **Ъ** как грамматического сигнала).

2. Двойные **Бс**: а) *иригация, *тенис...; б) *стекляный, *оловяный, *деревяный. Здесь возникает обратный эффект, недостающие буквы: а) на стыке морфем, *ас-симилиция – дис-симилиция...*; б) на базе **ПР-1**, в т. ч. не отражённой в НКРЯ и РОС формы *оловянец* (1942–2019: 22 примера). Более того, ср.: *песчанец* (1809–2019: 61 пример, 1 в НКРЯ) – *песчанный* (1836–2020: 801 пример, 20 в НКРЯ).

Важная часть проекта – устранение нарушений **ГЗ-2**: (**Ж, Ш, Щ, Ч +**) **Ё, Ю; (Ц +) Ы**. Не затронута буква **Э**. Но термин *дизрема* М.В. Панов оформил согласно закону.

За счёт исключения из алфавита **Ъ** грамматическое правило написания разделительных знаков заменялось на **ФМ (ГЗ-3)**. Но отказ от **Ъ** после *меж-, сверх-...* закон нарушал (позже Панов этот отказ дезавуировал). Ослабляла позиции **ФМ (ГЗ-1 + ГЗ-2)** вариативность *ы/и* после префиксов в заимствованных корнях.

Наученные горьким опытом орфографических баталий, создатели нового «Свода правил русского правописания» существенно сократили список инноваций 1-го раздела. Но избежать сокрушительной «защиты русского языка» не удалось. Статус **ФМ** понизился. М.В. Панов даже в популярных и учебных текстах называл вещи своими именами: фонема, слабая и сильная позиции, нейтрализация, фонемный принцип орфографии. В «**Полном академическом справочнике**» (2006) фонема не упоминается даже в скобках (как морфема). Русское письмо – **звуко-буквенное**. Фигурирует безымянный «принцип необозначения на письме мены звуков под влиянием **положения в слове**». (Ниже в скобках всё же поясняется, что это фонетическая позиция.) Пример недооценки **ФМ** факторов кодификации: блокируется написание *спининг – **ПР-3 спин** (интернет и НКРЯ дают более 900 примеров такого написания, в основном на рыбацких сайтах).

М.В. Панов резко, но точно определил источник массового непонимания орфографической проблематики: «письмо убого и невежественно отождествляется с языком». Борьба с этим бедствием, начатая ещё И.А. Бодуэном де Куртенэ, требует чёткой методики обучения и терминологии.

Согласно **ФБП**, фонема **обозначается** буквой / буква **обозначает** фонему, выступая как её внешний, условный заместитель. Популярные термины **передать(ся)** «изображать, воспроизводить», **передача**, как и выражения «буква на месте звука», «звук на месте буквы», создают иллюзию органичной связи компонентов «звукобуквы». Опасны субстантиваты «гласные», «согласные» и словосочетания «гласные/согласные буквы». Нет букв ударных и безударных, мягких, шипящих, непроизносимых и т. д. Звуки сочетаются со звуками, буквы – с буквами. Определение к названию звука согласуется в м. р., буквы – в ж. р.

Выражения типа: «несовпадение звука и буквы», «позиционная мягкость *л*», «йотированные/смягчающие буквы *е, ё, ю, я*», «гласные *о/ё* после шипящих», «безударное беглое *е* не перед йотом», «написание непронизносимых согласных букв», «правописание безударных гласных» – препятствуют формированию адекватных представлений об орфографической системе.

Е.В.Бешенкова
ИРЯ РАН
(Москва, Россия)
evbeshenkova@gmail.com

ЯЗЫКОВЫЕ АНТИНОМИИ КАК ВНУТРЕННИЕ СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ ПИСЬМА

В работах М.В. Панова описание механизмов функционирования языка, в т.ч. его письменной формы, опирается на анализ антиномий: говорящего и слушающего, пишущего и читающего; узуса и системы; кода и текста; сторон языкового знака; информационной и экспрессивной функций языка; «устной и письменной формы языка»; разных принципов орфографии; кодифицированной нормы и внутренних законов письма; необходимости в устойчивой орфографии и необходимости следовать за постоянно изменяющимся языком. Способ описания функционирования письменной формы языка через ее имманентные антиномии был развит Н.Д. Голевым, частично этот способ задействован в модели русского письма как саморазвивающейся системы (Некипелова, Бешенкова), но полное его воплощение остается делом будущего. Результаты действия антиномий могут быть обособленными, а могут и налагаться друг на друга. Есть ли отличительные черты у типов написаний, получаемых в результате действия той или иной антиномии? Можно ли проверить, правильно ли выбрана антиномия для описания той или иной картины исследуемой области письма? Попробуем ответить на последний вопрос на примере орфографии кратких отпричастных прилагательных.

В правилах 1956г. определение написания *н* или *нно* в кратких «отпричастных» (или отглагольных) прилагательных опирается на презумпцию, что языковое противопоставление грамматических категорий причастия и имени прилагательного регулярно отражается на письме в выборе форм на *-на* (*-но, -ны*) для причастий и форм на *-нна* (*-нно, -нны*) для прилагательных. Т.е. письмо реализует возможности системы, является здесь отражательным (антиномия «отражательность письма – его условность»). При этом лингвисты (Л.П. Калакуцкая и др.) отмечают, что в других причастных формах это противопоставление не отражается и, следовательно, нет необходимости его отражать и в данных формах. В правилах 2006 г. сохранен подход правил 1956, но введен параграф, говорящий об условном написании одной *н* в формах прилагательных с зависимым словом (*уверена в, сосредоточена на*).

В РОС зафиксировано менее 200 отглагольных прилагательных с финалями *-анна, -енна, -янна* (и 77 на *-ённа*, форм на *-ёна* нет) в кратких формах и около 8 000 форм на *-ана, -*

ена, -яна с пометой *кр.ф.* без уточнения причастие это или прилагательное (*кр.ф. заплаканы, кр.ф. бракованы, кр.ф. взбудоражена* (ср. *кр.ф. прил. заспанны, кр.ф. прил. встревожен и встревоженна*).

Группа отглагольных кратких прилагательных с финалями *-анна, -енна, -янна* весьма разнородна: 1) некоторые из них возводятся к устаревшим глаголам и их причастным формам (**воздержанный**; *кр. ф. ПРИЧ. (от воздержать, устар.) -ан, -ана; кр. ф. ПРИЛ. (то же, что воздержный) -ан, -анна*, а также *презреть, презрены, отрешить, отрешены, умыслить, умышлены, упитать, упитаны, напыщенны*), 2) другие далеко отошли от значения или сочетаемости исходного глагола (*уравновешенный человек, выдержанный характер, осмысленный взгляд, законченный вид, изысканный, наигранный, начитанный, развинченная походка*), 3) третьи имеют формы и с одним *н*, и с двумя *н* (*кр.ф. прил. выдержана и выдержанна, насыщена приключениями и жизнь насыщенна; она озабочена, расстроена и лицо озабоченно, расстроено*).

Столь малое число маркированных на письме прилагательных, противопоставленных живым причастиям, наличие и среди них прилагательных с *н* и *нн* в зависимости от значения заставляют усомниться, что перед нами результат действия антиномии «отражательное – условное». Условность письма проявляется в разных областях письма, в том числе и в передаче на письме градуированных языковых противопоставлений, как нашем случае. Однако то, что именно лексическая выделенность единицы, ее отрыв от глагола приводит к появлению и закреплению написания с *нн*, говорит о действии другой антиномии: антиномии сторон языкового знака, при которой «означающее стремится к приобретению новых значений, а означаемое – к приобретению новых средств выражения» (М.В. Панов).

Александр Бирих
Трирский университет
(Трир, Германия)
bierich@uni-trier.de

РОЛЬ СОЦИОЛЕКТОВ В РАЗВИТИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА XX - НАЧАЛА XXI ВЕКА

1. Историческое развитие любого литературного языка может быть, по словам Б.А. Ларина, представлено «как ряд последовательных „снижений“, варваризаций, но лучше сказать – как ряд концентрических развёртываний». Нет никакого сомнения в том, что русский язык конца XX – начала XXI в. испытывает одно из таких «снижений», которые он уже претерпевал неоднократно (достаточно вспомнить вторую половину XVIII в., 40-е – 60-е годы XIX в., время после Октябрьской революции, 60-е годы XX в. и т.д.). Большую роль в этом процессе играют социолекты, под которыми понимаются наборы (совокупности) языковых средств (коды), обслуживающие коммуникативные потребности определенных социальных групп, объединённых по возрасту, полу, роду деятельности, интересам и т.п.

2. Среди социолектов, оказавших особое влияние на развитие словарного состава русского языка конца XX-начала XXI века, можно выделить следующие:

2.1 **профессиональные жаргоны** различных социальных групп (политиков, предпринимателей, военных, компьютерных специалистов, журналистов, музыкантов и т.п.), ср.: а) жаргон предпринимателей (коммерсантов): *откат* ‘доля прибыли’, *черный нал* ‘наличные’, *толкнуть* ‘продать’, *наварить* ‘получить прибыль’; б) жаргон компьютерных специалистов: *клава* ‘клавиатура’, *железо* ‘корпус и основные блоки компьютера’, *собака* ‘определяющий символ в адресах электронной почты - @’; в) административно-политический жаргон: *вызвать на ковёр кого-л.* ‘вызвать подчинённого для выговора, разноса’, *распилить* (деньги) ‘выделить деньги на определенные нужды’, *проталкивать* (вопрос) ‘ускорять осуществление чего-л.’; г) армейский жаргон: *дембель* ‘демобилизация’, *косить* (от армии) ‘симулируя несуществующее заболевание, уваливать’ и т.д.

2.2 **криминальные жаргоны** (арго): а) уголовный жаргон: *обуть* ‘ограбить, обобрать’, *мочить* ‘убивать’, *братва* ‘воровское сообщество’; б) тюремно-лагерный жаргон: *урка* ‘преступник, уголовник; заключённый, относящийся к преступному миру’, *зек (зэк)* ‘заключённый’, *шмон* ‘обыск, облава’, *зона* ‘место заключения осуждённых; лагерь’, *баланда*, *бурда* ‘жидкая невкусная похлёбка (обычно в тюрьме)’ и др.; в) жаргон наркоманов: *сидеть на игле* ‘регулярно употреблять наркотики (внутривенно)’, *колоться* ‘употреблять внутривенно наркотики’, *колеса* ‘наркотики в форме таблеток’, *косяк* ‘сигарета или папироса с наркотическим веществом’, *обдолбанный* ‘в состоянии наркотического опьянения’ и т.д.

2.3 Из **молодёжного жаргона** в современный русский язык проникли прежде всего слова и выражения, представляющие в образной форме различные свойства и действия человека, ср., напр.: *возникать* ‘вмешиваться во что л., высказывая своё несогласие и т.п.’, *выпендриваться* ‘важничая, выставлять себя напоказ; проявлять гонор’, *прикид* ‘модная дорогая одежда’, *крыша поехала у кого* ‘кто-л. сходит с ума, ведёт себя подобно сумасшедшему’ и т.д.

3. В докладе даётся подробная характеристика тематических групп социолектизмов, вошедших в русский язык в конце XX- начале XXI века. Особое внимание обращается на историю и этимологию отдельных социолектизмов с затемнённой мотивировкой: *лох* ‘наивный, доверчивый человек, простака, которого легко обмануть’ (из польского арга (*loch*) 1) ‘мужик, крестьянин’; 2) ‘жертва преступления’); *оттягиваться / оттянуться* (из арга наркоманов; первоначально ‘курить сигарету или папиросу с наркотическим веществом (марихуаной или гашишем)’); *забивать / забить стрелку* ‘назначить время и место встречи, договориться о встрече с кем-л.’ (из криминального арга; первоначально ‘зафиксировать («забить») определённое время («стрелку или стрелки часов»)); *переводить / перевести стрелку (стрелки)* ‘отводить от себя подозрение, сваливать вину на кого-л.’ (из криминального арга; связано, однако, не с часовыми стрелками (такая мотивация не объясняет переносного значения), а со стрелкой железнодорожной, т.е. ‘устройством на рельсовых путях для перевода подвижного состава с одного пути на другой’ (*автоматическая стрелка, перевести стрелку*) и т.д. Все социолектизмы подробно иллюстрируются примерами.

Н. В. Богданова-Бегларян
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
n.bogdanova@spbu.ru

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ СЕГОДНЯШНЕЙ «ЖИЗНИ ЯЗЫКА»

Как сообщает Википедия, М. В. Панов «одним из первых обратил внимание на фундаментальные отличия русской “разговорной речи” от “кодифицированного литературного языка”, был инициатором записей устной речи и изучения фонетических и грамматических особенностей этого типа текстов; его интересовало также русское просторечие, речевые ошибки и другие проявления вариативности языковой системы», в чем он видел «ростки новых тенденций», которые могут «стать завтрашней нормой». Под руководством М. В. Панова была начата практика массового анкетирования говорящих, получившая развитие в 4-хтомной коллективной монографии «Русский язык и советское общество» (1968). Трудно переоценить важность этого начинания.

Значительно позже инструментарий лингвистов усовершенствовался за счет технических средств фиксации, мониторинга и анализа современной повседневной речи, что вывело лингвистику на новый уровень: см., например, «Большой орфоэпический словарь русского языка» (М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина, 2012), в котором активно используются пометы социолингвистического характера, или коллективную монографию петербургских исследователей «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах» (2016), в которой приводятся данные многоуровневого анализа материалов уникального речевого корпуса «Один речевой день» – важного ресурса для решения прикладных лингвистических задач в области речевых технологий.

Однако при всей значимости инструментального и корпусного анализа устной речи старый метод массовых опросов остается важным инструментом лингвиста. Особенно когда надо получить данные буквально сегодняшнего дня (корпус, как известно, дело долгое и кропотливое). Особенно когда надо обратиться не просто к речевым реализациям, а к ментальному лексикону носителей языка, о содержании которого говорящий, как правило, и не подозревает. Особенно когда речь идет о начинающих исследователях: студентах, магистрантах, аспирантах. Вот о них сейчас и речь.

Один из моих курсов, который я традиционно читаю в СПбГУ, а с этого года – еще и в Санкт-Петербургском филиале НИУ ВШЭ, носит мультимедийный характер и открывает возможность слушателям самим взять в руки упомянутый «инструмент лингвиста» и провести небольшое исследование с использованием массового опроса на платформе Гугл. Большую часть моего курса составляют результаты конкретных исследований, проведенных на корпусном материале повседневной русской речи, и студенты, получив на лекциях представление об особенностях такой речи, к итоговому зачету/экзамену сами находят какое-нибудь интересное речевое явление и исследуют

его по предложенной экспериментальной модели. Результаты этих работ оказываются весьма интересными. Мало того, что я узнаю на экзамене много нового, часто это намечает новые пути исследования современной русской речи.

Так, я узнала, что такое БАБРИЛОВО и ХОЛИВАР; что этапами эволюции ШКОЛОТЫ являются АБИТУРИЕНТОТА, а затем и СТУДЕНТОТА; и какое настроение хуже: ДУШНОЕ или ТОКСИЧНОЕ. Особенно много интересного выявило исследование обычного, на первый взгляд, слова СТЕКЛО: оказалось, что оно может быть *ходячее* и *концентрированное*, в нем можно *купаться* и даже *утонуть* или *утопить* кого-нибудь, его можно *поедать* и *извергать*, СТЕКЛА может быть *слишком много*, вплоть до *передоза*, у этой единицы есть синонимы (*агония*, *ледяная крошка*) и антонимы (*флафф*, *радость*), на его основе родилось множество коллокаций, таких как *ползти по битому стеклу*, *нести стекло в мир*, *хотела шутку – получилось стекло*, и мн. др. И современная молодежь не только знает все эти выражения, но и активно их употребляет. При знакомстве с результатами опросов, проведенных студентами, действительно появляется чувство, что «15-летние придумали какое-то слово, значение которого тебе надо смотреть в Интернете» (цитата из презентации – в оправдание актуальности исследования).

В заключение: при всей современности технических и корпусных методов анализа «жизни языка», без массовых опросов, похоже, лингвистам по-прежнему не обойтись.

И. В. Бугаева
РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева
(Москва, Россия)
bugaevaiv@mail.ru

РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ И ПУНКТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Научная деятельность М.В. Панова была разнообразной и многогранной. Одной из важнейших заслуг ученого была разработанная им теория антиномий, позволяющая описывать механизмы языковой эволюции. В данном исследовании при анализе современных рекламных текстов мы исходим из антиномии экспрессивной и информационной функций языка. Именно рекламные тексты, содержащие необходимую информацию о товаре или услуге, становятся местом столкновения языковой нормы и креативного нарушения нормы различными экспрессивными средствами, получившими обобщающее название «языковой игры».

Материалом исследования послужили рекламные тексты наружной рекламы, зафиксированные в Москве в период 2018-2020 годов.

Результаты исследования показали, что в рекламном дискурсе наметилась тенденция сознательного нарушения норм современного русского литературного языка с целью привлечения внимания целевой аудитории. В данном докладе анализируются две группы нарушений: орфографические и пунктуационные.

Примеров орфографических ошибок, к счастью, мало, все они, безусловно, относятся к осознанной языковой игре, но это не оправдывает их право на существование. Приведем несколько примеров урбанонимов, которые выполняют рекламную функцию: магазины «Пятница», «ЛаФФка», кафе «Шаурму Хачу!» в Москве, кафе «Ёмаё» в Нижнем Новгороде.

Копирайтеры иногда творчески подходят к использованию разных пунктуационных знаков, что также нарушает норму. Точнее, часто знаки пунктуации не используются, например, при перечислении однородных членов предложения, в сложных предложениях и т.д. Например, «Чай кофе вафли», «Пирог Вино и Гусь», «Если орехи то...», оригинальное название московского кафе «Люди как люди».

Примеров с нарушениями орфографической и пунктуационной нормы современного русского языка невелико. Все они выполняют основную маркетинговую функцию, которая реализует главную стратегию - привлечение внимания.

Существует много апробированных способов и разнообразных средств выразительности, которые помогают создавать привлекательные, оригинальные, запоминающиеся рекламные тексты, но при этом не нарушают нормы русского языка. Важно помнить о лингвистической экологии российских городов.

И.А.Букринская, О.Е.Кармакова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
irbukr@gmail.com, okarmakova@list.ru

ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

М.В.Панов, изучавший историю русского литературного произношения, выявил важную закономерность в его развитии: «В течение всех трех веков, XVIII-XX, идет волнообразная смена установки на экспрессию и установки на норму. Если господствует экспрессивная фонетика, то в речи много вставок из иносистем - для выразительности, эмоциональной свежести, для «устранения» речи. В высказывания вносятся и диалектно-произнесенное слово, и фонетически-причудливый неологизм, и недоосвоенный барбаризм (притягательна сама внезапность зарубежных звукосочетаний), и образно-наглядные звукоподражания, и особые индивидуальные наименования ...» [Панов 1990: 205]. Характеристика Панова полностью применима к современной разговорной речи, и это говорит о глубоком проникновении ученого в сущность языковых процессов и его неординарной лингвистической интуиции. Так, последние 20 лет мы наблюдаем период «установки на экспрессию», который связан с демократизацией общества и сопутствующим этому расшатыванием языковых норм (что и отмечается многими лингвистами).

Варьирование языковых норм проявляется главным образом на двух языковых уровнях: фонетическом (произношение и ударение) и лексическом, можно сказать, что современная языковая ситуация отличается наличием регионально окрашенных вариантов литературного языка. Безусловно, языковые пуристы, поборники строгого

соблюдения норм не считают подобные локальные варианты литературными, ими традиционно признаются лишь две столичные нормы: петербургская и московская. Однако в речевой практике больших и малых городов мы наблюдаем функционирование локальных вариантов литературного языка, в которых представлены регионализмы и некоторое количество фонетических признаков, присущих окружающим диалектам. Среди лингвистов все чаще можно встретить гибкий подход к понятию норма [Букринская, Кармакова 2012; Вепрева и др. 2012].

В современном социуме ярко проявилось желание подчеркнуть свою региональную самобытность, особенно в речи, что сказывается в первую очередь на лексическом уровне (использование диалектизмов, обилие экспрессивно-просторечной лексики, употребление новых региональных слов). Стремление рефлексировать по поводу своего языка обнаруживается при создании сайтов, на которых публикуются словари местных слов и обсуждаются особенности речи региона, иногда подобные словари печатаются и в виде книг.

Как известно, лингвисты Урала (Екатеринбурга, Перми) давно и плодотворно занимаются исследованием языка города с учетом социального, территориального и статистического параметров. Поэтому, скорее всего, неслучайно, именно в Екатеринбурге в 2018 г. вышел любительский словарь, включающий 150 слов с толкованием, иллюстративным материалом и, как его характеризуют авторы, юмористической направленностью [Слова Урала]. В него вошла диалектная, просторечная и жаргонная лексика, достаточно много слов относится к пласту общерусской разговорной лексики и общерусского просторечия. Однако шире всего представлены экспрессивно окрашенные региональные слова, например: *сквозану'ть* 1. 'отправиться в поездку, путешествие'; 2. 'убежать', *присуха'рить* 'отложить на потом', *шлангова'ть* 'лениться', которые, как нам кажется, и являются наиболее интересными.

В докладе будет проанализировано соотношение общерусской и территориально прикрепленной просторечной лексики на материале различных словарей, в том числе любительских.

ЛИТЕРАТУРА

Букринская И.А., Кармакова О.Е. Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. Вып. 15. М., 2012.- С. 153–164.

Вепрева И.Т., Кутина Н.А., Михайлова О.А. К проблеме региональных вариантов кодифицированных норм // Вопросы культуры речи. Вып. XI. М., 2012. - С. 331–336.

Панов М.В. О балансе внутренних и внешних зависимостей в развитии языка // Филологические исследования: Памяти академика Г. В. Степанова. - М., 1990. - С. 200-207.

Слова Урала. Екатеринбург. 2019. Авторский проект Ивана Золотухина и Ольги Паниковской.

И.А. Вещикова
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

О ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ М.В. ПАНОВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ СИТУАЦИИ

История фоностилистических исследований в отечественной науке начинается со статей Л.В. Щербы – «О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов» (1915) и «К вопросу о русской орфоэпии» (не датирована), в которых учёный раскрыл фонетическое содержание вариантов, связанных с использованием языка в разных условиях общения, и подвел к пониманию того, что их функционирование определяется комплексом взаимосвязанных факторов: стилем речи, степенью её отчётливости, темпом. Но уже во второй половине прошлого века наиболее влиятельными становятся концептуальные решения М.В. Панова и практически все написанное им – от статей до небольших по объёму разделов в учебниках и коллективных монографиях – воспринимается как нечто фундаментальное и программное. При этом надо понимать, что его взгляды на стилистическое устройство литературного языка на уровне произношения не были неизменными, а их эволюции способствовало изучение реальных материалов звучащей речи, точнее, трудности их объяснения с позиции предшествующих теорий.

В ранних работах учёного – «О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики)» (1963) и «Стилистические подсистемы» (1967) – стилистический ракурс был соотнесён со шкалой «высокий / нейтральный / разговорный стили» и обсуждением таких вопросов, как: смысл стилистических противопоставлений, законы использования стилей произношения, фонетическое содержание стилей. Согласно его воззрениям того периода, с помощью названной градации оценивается сама речь (это основное, но не единственное значение) как важная, существенная или, наоборот, как имеющая значение только «здесь и сейчас». В отношении же текстов отмечается, что они как норма представляют собой сочетание единиц разных стилей, причём наиболее обычно сочетание единиц нейтральных с единицами одного из окрашенных стилей. Более детально проблема взаимодействия стилей произношения как набора определённых орфоэпических средств тогда не прорабатывалась. Но уже в 1968 г. в работе «Стилистические изменения в фонетике» Панов отходит от тезиса о трёхчленности системы стилей произношения, ссылаясь на два активных процесса – «постепенное изживание этого (высокого) стиля в произношении» и одновременно «резкую актуализацию» разговорных особенностей и превращение их «из вкраплений, которые окрашивают текст, состоящий из нейтральных единиц, в господствующий тон» (С. 113 и 109). Новое концептуальное решение, базирующееся на изучении языковой практики носителей языка, состояло в том, что в рамках современного русского литературного языка существует особая коммуникативная подсистема – разговорный язык, которая имеет свою особую фонетическую подсистему, законы которой не совпадают с законами кодифицированного литературного языка и которая востребована в условиях неофициального, неподготовленного, личного общения. Подход, при

котором нормативно-стилистическая оценка вариантов наконец-то основана на дескрипции произносительной реальности, обещал решение многих проблем, но в полной мере этого не произошло, поскольку, сфокусировав внимание на естественной речи литературно говорящего социума в условиях неофициального непринуждённого персонально адресованного общения, учёные оставили вне сферы своих интересов узус той же группы лиц в условиях общественно значимой коммуникации, видимо, потому, что соответствие устной публичной речи и кодифицированного литературного языка признавалось тогда (в 60-е гг. XX в.) как аксиома. Это отразилось на интерпретации категории фонетической разговорности, к сожалению, не учитывающей неоднородность такого рода вариантов с точки зрения отношения к категории нормы. Представление о членении литературного произносительного пространства на кодифицированную и разговорную фонетику не утратило своего влияния и сегодня несмотря на то, что оно оставляет некоторые важные вопросы (как в новой системе координат квалифицировать тексты, в которых ведущими являются кодифицированные варианты, а разговорные – вкраплениями? каковы в языке текущего момента приметы текстов, требующие обращения к так называемому высокому стилю? как и какие кодифицированные и некодифицированные варианты употребляются в разных сферах бытования литературного языка?) без ответа. Тем не менее можно утверждать, что научная логика проводимых Пановым исследований наглядно показала и доказала: объяснительная сила любой принятой теории определяется её способностью корректно описывать фоностилистическую ситуацию.

Стефан Гжибовский
Университет Николая Коперника
(Горунь, Польша)
stefgrzy@interia.pl

СИНТАГМО- И ПАРАДИГМО-ФОНОЛОГИЯ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ФОНОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Не каждое сравнение языков может рассматриваться как сопоставительный анализ, даже если при этом учитывать синхронные срезы, современное состояние и анализ в рамках непротиворечивых теорий. Кроме сопоставительного анализа языков существует также типологический. Иногда оба типа сравнения не различаются, и так появляется «сравнительно-типологическое языкознание», которое считают единым типом анализа.

Оба типа анализа, однако, должны различаться по методологии, по целям и по результатам исследования, несмотря на то, что в некоторых случаях они должны взаимодополняться и перекрещиваться [см. Гжибовский 1989].

Типологический анализ заключается в выявлении структурных типов в разных языках как в глобальном масштабе, так и в отдельных подсистемах или участках языковой системы. Сопоставительный же анализ (контрастивный или кофронтативный) – это такое сравнение двух языков, целью которого является поиск эквиваленции между

языками для некоторых практических целей. Поиск т. наз. сходств и различий не является удовлетворительным, потому что сходства, а тем более тождества между двумя языками невозможны по теоретическим соображениям. Это вытекает из различия артикуляционных баз разных языков, что и не позволяет говорить о тождестве фонических явлений [Grzybowski 1987]. Поэтому основной целью сопоставительного анализа должен быть поиск эквивалентов для одного языка (L2) из другого, исходного (L1). Из этого следует то, что сопоставительный анализ должен быть однонаправленным, т. е. сравнение не симметрично, а эквиваленции не взаимнообратимы.

Естественным кажется также требование сопоставлять не описания языков, даже очень подробные и проводимые с т. зр. одинаковых теоретических предпосылок. Сравнение описаний может быть достаточным для типологии анализа, для сопоставления нужен поиск эквиваленции на уровне языковой субстанции. При фоническом сопоставлении это должно быть сравнение фонических реализаций (reality of sounds) [см. Grucza 1976: 135–137]. Результаты таких исследований могут быть подвергнуты функциональной обработке и установлению эквиваленции на эмическом уровне. Количественные утверждения, исходящие из простых наблюдений или фонематических интерпретаций, не могут лежать в основе сопоставительного анализа.

Из вышесказанного следует, что из дихотомии М. В. Панова «синтагмо- / парадигмо-фонология» следует исключить парадигмо-фонологию как исходное *tertium comparationis*, которое, базируя на результатах синтагматики, занимается нефоническими отношениями между языками (напр. отказ от анализа фонем в рамках дистинктивных признаков [Панов 1967: 244]). За то синтагмо-фонологический тип исследования, исходящий из материальной реальности звуковых систем, предоставляет оптимальные рамки для разработки методов полноценного сопоставительного фонологического анализа языков.

Такие выводы следуют из двух попыток применения теории МФШ для сопоставительного анализа русского и немецкого языков [см. об этом Grzybowski 1983]. У [Wiede 1981] настоящее сопоставление появляется лишь в части, рассматривающей артикуляционные базы языков, т. е. выходящей за пределы канона МФШ. Р. Р. Каспранский [1976: 20] учитывает это и выделяет два уровня фонематических реализаций, один из которых (звукотип) находится между фонематическим и конкретной реализацией фонем и годится для сопоставительного анализа фонических явлений.

Поиск фонической эквиваленции языков в ряде случаев нуждается, однако, в морфонологической проверке результатов своего анализа [Grzybowski 1989], что и позволяет найти место парадигмо-фонологии в теории сопоставительного фонологического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- Гжибовский С. Уровни сопоставительного фонологического анализа // *Przegląd Ruscystyczny*, z. 1 (45), 1989. С. 51–61.
- Каспранский Р. Р. Очерк теоретической и нормативной фонетики (немецкого и русского языков), Горький 1976.
- Панов М. В. Русская фонетика, М. «Просвещение», 1967.

- Grucza F.* Some Remarks on the Comparability of Phonemic Systems // *Kwartalnik Neofilologiczny*, XXIII, 1976, z. 1-2. С. 133–137.
- Grzybowski S.* Erwin Wiede, Phonologie und Artikulationsweise in Russischen und Deutschen. Eine konfrontierende Darstellung, VEB Verlag Enzyklopädie, Leipzig 1981, ss. 148 // *Slavia Orientalis*, 33, 1983, z. 3–4. С. 551–555.
- Grzybowski S.* Pojęcie tożsamości vs. ekwiwalencji fonicznej w badaniach konfrontatywnych // *Z aktualnych studiów rusycystycznych*. Olsztyn: WSP, 1987. С. 179–187.

А. В. Гик
ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
annagik@yandex.ru

СЕМАНТИКА И СТИЛИСТИКА МЕЖДОМЕТИЙ «АЙ» И «ОЙ» В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»)

Лингвистические исследования, посвященные междометиям, сосредоточены в основном на выявлении их семантических и грамматических особенностей, на определении места этого разряда слов в ряду других частей речи (Шведова, 1957; Карцевский, 1984; Вежбицкая, 1999; Шмелев, 2002; Борисова 2004). Еще в середине прошлого века В.В. Виноградов писал, что «вырисовывается яркая картина грамматического расслоения междометий и взаимодействия их с другими грамматическими категориями. Междометия выступают как особый тип выразительных слов-высказываний, внутренне нерасчлененных, синтаксически неорганизованных, однако социально осмысленных, образующих своеобразные формы эмоционального выражения и испытывающих воздействие со стороны грамматических категорий интеллектуальной речи» [Виноградов, 1986, с. 611].

Это сложное речевое образование часто называют речевым жестом. В конце XX века появились работы, разрабатывающие проблематику лексикографического представления междометий (Добрушина, 1995; Шаронов, 2002). Стилистический аспект использования этого типа слов до сих пор не становился предметом пристального внимания языковедов.

Объектом нашего исследования является описание двух единиц данного класса слов в поэтических текстах начала XX века. Материалом исследования – «Словарь языка русской поэзии XX века» (СЯРП). В докладе проанализированы синтаксические позиции междометий, их семантика и стилистические характеристики.

Анализ примеров СЯРП показал, что синтаксическая позиция во многом определяет семантическую функцию междометий «Ай» и «Ой». У междометий есть своя «поэтическая» история, которая восходит к народно-поэтической традиции. Иногда использование междометия в поэтическом тексте XX века относят к «сентименталистским шаблонам» [Марков 1994: 77]. Примеры показывают, что разные авторы имеют свои предпочтения в порядке и способах введения в текст данных слов.

Слово «ай» является заглавным в шести словарных статьях СЯРП: 1) непосредственно как междометие (16 контекстов); 2) субстантивированное междометие (два контекста В. Хлебникова); 3) в значении союза «или» (12 контекстов); 4) название месяца на азербайджанском языке (один контекст); 5) транскрипция английского местоимения 1 лица ед. ч. I (два контекста); 6) сложное междометие «ай-ай-эй» (один контекст). Словарная статья междометия «ой» состоит примерно из 60 контекстов.

Семантическая диффузность таких слов коррелирует со способом их введения в текст и параметрами синтаксического оформления. Так, междометие, помещенное в начале предложения, в большей степени передают общее состояние возбуждения, служит для привлечения внимания. Постановка же восклицательного знака может переводить слово в разряд предложения, в котором в свернутом виде выражается оценка события как достойного удивления, заслуживающего сочувствия. Междометие становится способом «краткого изъяснения движений духа» (М.В. Ломоносов). Также восклицательный знак служит интенсификатором аффекта, то есть как раз и является способом передачи непосредственного чувственного отклика.

В поэзия начала XX века междометия становятся маркерами стилизации авторского текста под народно-поэтического произведения («Собирал святой Егорий Белых волков. // «Ой ли, светы ...», Есенин, 1914). Экспрессивная значимость междометий может быть усилена лексически (например, сложением с частицей «ли» - (ой ли).

Для сравнения ситуации начала XX века с ситуацией начала XXI века мы обращаемся к материалам поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка.

Н. И. Голубева-Монаткина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

golmonat@mail.ru

ФРАНЦУЗСКОЕ МНОГОЯЗЫЧИЕ В ПРОЕКТЕ «СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЯЗЫКОВ ФРАНЦИИ»

«Histoire sociale des langues de France» [Sous la dir. de Georg Kremnitz. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2013. 906 p.] – результат девятилетней работы международного коллектива из семидесяти исследователей над одноименным проектом под руководством профессора романской филологии Венского университета Георга Кремница. Цель проекта – описание языковой жизни современной Франции, которая, с точки зрения участников проекта, до сих пор не вполне осознает свое реальное многоязычие, сохраняя идеологию одноязычия под влиянием функционального доминирования французского языка.

Реализация проекта представлена в виде четырехчастной коллективной монографии, в большинстве статей которой содержатся социолингвистические портреты языков Франции, созданные на основе предложенной Г. Кремницей

параметризации социальных функций описываемых языков и отражающие изменения в их социальном функционировании (*histoire sociale*) в XIX-XX вв. Собственно французскому языку посвящено лишь несколько статей о том, как начиная с XIII в. постепенно, а после революции 1789 г. уже окончательно, он становится функционально-доминирующим языком страны.

В первой, концептуальной, части книги, «*Questions générales*» ‘общие вопросы’ (стр. 43-231), после «Общего введения» (*Introduction générale*) Г. Кремница обсуждаются важные для коллектива исследователей теоретические и практические вопросы (например, вопрос о том, должен ли социолингвист занимать нейтральную позицию по отношению к описываемому объекту).

Во второй части, «*Les langues de la France*» ‘языки Франции’ (стр. 235-629), в первом разделе («*L'évolution de l'espace communicationnel en France depuis le Moyen Âge*» ‘изменение французского коммуникативного пространства начиная с эпохи Средневековья’) – рассказ о формировании функционального доминирования французского языка и появлении идеологии одноязычия, а также об отношении общества к языкам, обычно называемым региональными (во французском тексте – «*langues "régionales"*») ‘т.н. называемые региональные языки’, поскольку авторы принимают лишь одно наименование этих языков – *langues de France*). Второй раздел, «*Les différentes langues de la France métropolitaine*» ‘разные языки метрополитанской Франции’, содержит историю и социолингвистическое описание таких языков, как франкский Мозеля, немецкий Эльзаса, баскский, бретонский, каталанский, корсиканский, фламандский Франции, франко-провансальский, лигурийский, окситанский, языки ойль (бургундско-морвандский, шампанский, галло, лотарингский романский, нормандский, пикардский, пуатвен-сентонжский, валлонский). В третьем разделе, «*Les langues de France métropolitaine non territoriales*» ‘языки метрополитанской Франции без своей территории’, охарактеризовано функционирование в обществе как давно используемых французами идиша, сефардского (ладино), цыганского, так и сравнительно недавно ввезенных в страну магрибского арабского, берберского, западно-армянского. В четвертом разделе – одна статья: «*La langue des signes française*» ‘французский жестовый язык’.

Третья часть книги, «*Les langues des départements et territoires d'outre-mer*» ‘языки заморских департаментов и территорий’ (стр. 633-736), посвящена истории и современному состоянию франко-креольских языков Мартиники, Гваделупы, Реюньона, Гвианы и языков, на которых говорят во Французской Полинезии, Новой Каледонии, на островах Уоллис и Футуна, Майотта. Четвертая часть, «*Les langues d'immigration*» ‘иммигрантские языки’ (стр. 739-899), начинается статьей о динамике миграционных процессов во Франции XX в. и рассказывает о *langues en France* (‘языки во Франции’) – немецком, английском, каталанском, испанском, греческом, итальянском, польском, португальском, румынском, русском, сербохорватском и других языках бывшей Югославии, турецком, украинском, африканских языках, креольском языке острова Св. Маврикия, мальгашском и гаитянском креольских, арамейском, персидском, тамильском, китайском.

Необходимо заметить, что эта книга имела значительный резонанс во Франции и за ее пределами, а Г. Кремниц награжден Министерством культуры Франции медалью

Искусств и литературы. Однако, некоторые французские исследователи пишут о том, что многие статьи этой книги дают возможность утверждать, во-первых, то, что все, делающееся в стране в сфере языковой политики, по-прежнему касается лишь одного французского языка, и, во-вторых, то, что французы далеко не всегда были способны адекватно оценить все последствия колониализма, иммиграции и языковых контактов.

Как представляется, было бы небесполезно сравнить результаты проекта «Histoire sociale des langues de France» с результатами последних исследований социолингвистов РФ [Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1, 2000. Книга 2, 2003].

Л.М.Грановская
Бакинский славянский университет
(Баку, Азербайджан)
liqgranov@mail.ru

О ЯЗЫКЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ: ЗАМЕТКИ

В статье представлены некоторые наблюдения над языком Гражданской войны в России (1918 – 1920)¹.

На протяжении длительного времени изучение этого материала затруднялось недоступностью многих источников в закрытых спецфондовых хранениях, переоценкой ряда важнейших событий, забвением их рядовых участников и вершителей – полководцев, сброшенных с пьедестала истории. Эти обстоятельства и многие другие, естественно, коснулись и изучения языка.

Гражданская война ввела в речевой обиход обширный словарный материал, представленный уже в первых, доступных наблюдению в этом малом отрезке времени, написанных «по горячим следам» работах С.И.Карцевского, А.Мазона, Р.О.Якобсона, А.М.Селищева, А.И.Баранникова и др.

Столкновение больших групп населения, разделённых территорией, сословной замкнутостью, ценностными и культурными ориентациями, способствовали появлению, переосмыслению и перетолкованию широкого круга новых слов, воспринимаемых, как «повреждённый революцией язык», «правотворчество снизу». В «злом обществе» власть языка и фраз, созданных и обработанных «безвестными путями», стала настоящим бедствием: она разделила людей.

Разрушение социальной структуры общества вывели из речевого обихода целые подсистемы (титулование младших членов императорской фамилии, светлейших князей и членов их семейств, высших офицеров и равных им по званию гражданских лиц, лишавших их дисциплинарной власти, почтительное обращение к купцам и их жёнам), комплиментарные формулы: *соизволите, покорнейше прошу, соблаговите*, а также клише: *сим предписываю, полагаю на благовоззрение, испрашиваю соизволения, всеподданнейше доношу* и др.

С обозначением воинских должностей в пассив ушёл жаргон, сформировавшийся в дореволюционной России в закрытых военных заведениях – в этом замкнутом мире,

¹ Подробно см.: Грановская Л.М. Лексика времён Гражданской войны в России (1918 – 1920). М.: Флинта, 2020.

культивировавшем особые традиции. В войсковом уставе 1917 г. была упразднена русская формула прощания: «Здорово, молодцы» <благополучно, в полном здравии>.

Гражданская война выплеснула на улицы массу, приведённую в движение революционным переворотом и последующими событиями. Одно из тонких наблюдений Михаила Викторовича Панова, относимых и к этому времени: различия в употреблении слов не были так яркие и контрастны, как в произносительной системе» (Панов 1967: 297).

Звуковая стихия революции нашла отражение в художественной литературе: [Серенький попик]: «Слышишь, как революция воет – как ведьма в метель! Слушай: - Гвиууу, гвиууу! шоя, шооял... гаау. И леший барабанит: у, у – г – га – вбум! Главбуум! И ведьмы задом – передом подмахивают: - квартхоз! кварт – лоз!» (Б.Пильняк. Голый год).

Приметы времени: *кожаные куртки* (большевики) – прозрачная связь с названием *кожаная сотня* – вооружённые отряды в бронепоезде Троцкого, которые сбрасывались для десантных операций в опасном месте, *голубые люди* (у которых голубизна от железа: «голубой человек – товарищ Арсен в «Петухинском проломе Л.Леонова).

В условиях разрухи и голода иронически окрасились слова *роскошный* и *шикарный*, как пышные наименования «для чего-то другого», например, *шикарная селёдка*. «Ужасная обтрепанность в этом словесном одеянии», «убогая роскошь наряда» (Волконский).

Ко времени революции и Гражданской войны восходит распространение слова *ячейка*, получившее особые права гражданства; *рукопись* (нечто запретное, не изданное, написанное «в стол»; «некое преодоление Гуттенберга» (М.Цветаева). Постоянно выплывало в качестве ругательного слова «сухареvцы» (на Сухаревне – тайный рынок, где торговля была запрещена).

Негативную окраску в белой печати и публицистике получает слово *интернациональный*, в сочетании *интернациональное отечество*, позднее – *интернационалист*.

Цепочки новообразований обретают актуализированные событиями имена собственные: *кереницина*, *керениада*, *черновщина*, *разинщина*, *пугачевщина* и др. Формант *бело* – чётко обозначает врагов революции: *бело-чехи*, *бело-финны*, *бело-эстонцы* и др.

На короткое время в Сибири вошли: *волеvця* (вм. *интеллигенция*), ибо в центре жизни стоит железная воля, «*вспотеvшие*» стремительно перебежавшие в новое подданство, избегая призыва в армию; *хунхузничать* <разбойничать, грабить>; *русский Вашингтон* (о Колчаке), *сибирский Суворов* (А.Пепеляев).

Художественная литература 20 – 30-х годов отразила сплав архаики с новым революционным языком, снижение высокого и высоту сниженного, вкрапления, выхваченные из митинговых речей, газет, освоение которых давалось с трудом, неумеренное, неосознанное употребление штампов – разнообразие, какого не знает «ни один другой период развития советской литературы» (Н.А.Кожевникова).

Их широко пародировала литература русской эмиграции: «Контрибуция – это что? И пускай он нам аннексию заплатит» (С.Волконский. Последний день).

А. Г. Грек
(Россия, Москва)

ЯЗЫК РУССКОЙ ПОЭЗИИ: ЛЕКЦИОННЫЙ КУРС М.В. ПАНОВА И «ОЧЕРКИ ПО ЯЗЫКУ РУССКИХ ПОЭТОВ» И.И. КОВТУНОВОЙ

Публикация лекционного курса М.В. Панова «Язык русской поэзии XVIII – XX веков» (Панов 2017), который он читал в 70-80 г. прошлого века в Московском университете, - долг памяти крупному учёному, замечательному лектору, просветителю русской поэзии. Расшифровка Т.Ф. Нешумовой аудиозаписей лекций Панова 1977-1983 гг., хранившихся в фонотеке Института русского языка им. В.В. Виноградова, комментарии, разъяснения и некоторые дополнения - благодаря привлечению ряда конспектов слушателей пановского курса, предисловие М.Л. Каленчук дают достаточно полное представление не только о содержании, вариантах, проблематике этого курса, но также о стратегиях лектора, динамичных, контрастных и неизменно увлекающих слушателя. «Новейший опыт» изучения языка русской поэзии, как охарактеризовал пановский курс В.П. Григорьев на Научном совещании «История языка русской поэзии XX в.» (ноябрь 1984г., ИРЯ АН СССР) (Григорьев 1989:11) был учтен - и во многом определил направление и характер работы над плановой коллективной темой Института. О необходимости «опубликования» научного спецкурса Панова писал ещё при жизни известного учёного-русиста Вл. Новиковым: «...сам он (М.В. Панов. – А.Г. Грек) должен получить возможность донести свои идеи и наблюдения не только до слушателей, но и до читателей» [Новиков 1990: 135].

Книга И.И. Ковтуновой «Очерки по языку русской поэзии», подготовленная автором к изданию в связи с юбилейной датой (50-летие научной деятельности) (Ковтунова 2003), созвучна курсу М.В. Панова не только содержательно. В самый последний момент в корректуру (после известия о кончине М.В.) было добавлено посвящение: «Светлой памяти Михаила Викторовича Панова – учёного, педагога, поэта». Из трёх разделов этой небольшой книжки второй - «Несколько языковых портретов» - включал «предельно лаконичное, но цельное» описание поэтического языка Ф. Тютчева, А. Фета, И. Анненского, А. Ахматовой, М. Цветаевой. Индивидуальное своеобразие поэтического языка этих поэтов раскрывается на уровне новейших достижений в области лингвистической поэтики, однако язык этого описания отличается необычайной ясностью и простотой. «Заказчиком» и вдохновителем этих статей был М.В. Панов.

В письме к И.И. Ковтуновой (без даты, предположительно, конец 1999 - начало 2000 г.) М.В. Панов сообщает о том, что появилась возможность 2-го издания «Словаря юного филолога; языкознание» в связи с чем он как составитель и редактор хотел бы восполнить «провалы в серии статей о языке писателей»; далее приводит примерный список авторов (Баратынский, Тютчев, Лесков, Ахматова, Мандельштам, Бунин, Цветаева) и просит написать статьи о ком-нибудь: «только о языке, языковых взлётах и совершенстве» (Ковтунова: Архив). Из этого списка Ковтунова выбирает только трёх поэтов: Тютчева, Ахматову и Цветаеву; а также предлагает включить в список Анненского и Пастернака. Панов, не раздумывая, соглашается: «Анненский очень

нужен... Но кто напишет? Сложнейшая тема! Сочетание особенностей символизма и акмеизма. Глубокая индивидуальность Анненского... Единственный, кто может написать о его языке, – это Вы» (там же). Так появилась статья об Анненском, затем были написаны и другие статьи этого раздела: о языке Фета и Гончарова. Пять языковых портретов, а также статья о языке Гончарова вошли в новое, переработанное и дополненное издание словаря (Словарь 2006).

Реакция Панова на статьи Ковтуновой была в высшей степени положительной. Особенно его впечатлили статьи об Ахматовой, Анненском и Цветаевой: «Очень редко при чтении исследовательских трудов о таких огромных дарованиях, как эти три поэта, является чувство, что портретируемый (поэт) и портретист представляют равное творческое достоинство...» (Ковтунова: Архив).

Любовь к поэзии, интерес к поэтическому языку как живой и развивающейся системе, обладающей своими внутренними законами, но обусловленной также мировоззрением поэта, его «поэтической» биографией в одинаковой степени были свойственны как М.В. Панову, так и И.И. Ковтуновой. Независимо друг от друга и задолго до их знакомства и доброго товарищества в отделе грамматики и истории русского литературного языка. Об университетском спецкурсе Панова, посвящённом языку русской поэзии, Ковтунова не только слышала от многих. В течение двух месяцев (март-апрель 197... или 198...г?) она регулярно посещала пановский семинар по Хлебникову, который был, конечно, и о поэзии, поэтическом языке в целом.

Отвечая Панову на его поздравление с новой книгой («Поэтический синтаксис», 1986), Ковтунова с благодарностью вспоминает эти лекции, сближая их «по красоте» с произведениями искусства; но, пишет она далее, есть в них и красота особого рода – та, которая встречается «в наиболее совершенных формах научного мышления». Парадоксальность изложения и динамизм смены «режимов» в этих лекциях головокружительны. Вы «мгновенно каким-то чудом» умеете вовлечь «слушателя в мир поэзии (а находиться там не так уж легко и спокойно)», а затем «быстро выводите его на дорогу чистой мысли (где уже спокойнее и можно перевести дыхание)» (Ковтунова: Архив).

Лекционный курс Панова о языке русской поэзии несёт на себе яркий отпечаток времени – но одновременно он и свободен от его условностей, в особенности от диктата «единственно правильной идеологии», страха перед «формальной» школой, эстетическими критериями в искусстве. «Очерки по языку русских поэтов» Ковтуновой представляют новый этап развития лингвистической науки в этой области - и её благих плодов. Однако значение пановского курса – не только для лингвистической поэтики последующих десятилетий, но для филологической науки в целом, для русского просвещения, культуры было исключительно важным.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В.П. «Очерки истории языка русской поэзии XX века»: основные задачи, проблемы и перспективы // *Язык русской поэзии XX века. Сб. научных трудов.* М., 1989. АН СССР Институт русского языка.

Ковтунова И.И. Очерки по языку русских поэтов. М.: Азбуковник, 2003.

Ковтунова Архив // Переписка И.И. Ковтуновой и М.В. Панова. В рукописи.

Новиков В.И. Сеятель очей // Язык: система и подсистемы. К 70-летию М.В. Панова. М., 1990. Институт русского языка АН СССР.

Панов М.В. Язык русской поэзии XVIII-XX веков. Курс лекций. 2-е изд. М.: ЯСК, 2017.

Энциклопедический словарь юного лингвиста. Составитель М.В. Панов. М.: Флинта, 2006.

Евгения Васильевна Джанджакова
(Москва, Россия)
orldzan@mail.ru

ВАРИАНТ ПРОЧТЕНИЯ РАССКАЗА ЧЕХОВА «НЕВЕСТА»

Это последний рассказ Чехова, как бы его завещание. Когда-то его причисляли к чуть ли не революционно-оптимистическим: написан он в преддверии первой нашей революции, известен хрестоматийный разговор Чехова с Вересаевым о возможности / невозможности ухода героини в революцию.

Прошло более ста лет. Оптимистическим рассказ, по-моему, остался, но оптимизм его уже совершенно иного типа. Этот рассказ Чехова справедливо рассматривают в его соотнесенности со «Станционным смотрителем» Пушкина, а «Станционный смотритель» с его опорой на евангельскую притчу о Блудном сыне.

У Пушкина тема Блудного сына присутствует в виде картинок на стене, иллюстрирующих эту притчу. Герои, живя в этой избе, находятся как бы внутри притчи. Когда Дуня убегает с гусаром, она убегает и от этой притчи и из мира, где эта притча значима.

У Чехова эта притча присутствует в осколочном виде. Здесь есть «блудный сын» (Саша), так его называет бабушка. Есть совсем «неблудный», почти идеальный сын – Андрей, жених Нади, сын протоиерея. Этот протоиерей реагирует на бабушкино сравнение больного, «страшного» Саши с блудным сыном цитатой из Постной Триоди, обрывая ту ее часть, где сын взывает к Отцу в слезах с просьбой о спасении.

Есть в «Невесте» осколки православного быта: начинается рассказ с упоминания о всенощной, в конце заказывают панихиду; есть молитвы бабушки, чтобы Бог спас ее от разорения, она опекает Сашу «ради спасения души». Вместо непритязательных картинок в скромной избе смотрителя, иллюстрирующих притчу о Блудном сыне, у Чехова – «большая картина в золотой раме, написанная красками», а на ней «нагая дама и около нее лиловая ваза с отбитой ручкой», которая при этом чрезвычайно нравится сыну протоиерея, Надиному жениху.

Сопоставим притчу с текстами Пушкина и Чехова по нескольким параметрам.

1. Как уходят герои из родительского дома.

В притче младший сын просит отца выделить причитающуюся ему часть имущества, получает ее и открыто уходит. Но, живя без отца, не справляется с жизненными проблемами, возвращается и просит прощения у отца.

У Пушкина Дуня убегает от отца тайно. Она, даже зная, что отец ее ищет, не делает и шага ему навстречу. Спустя несколько лет она заезжает навестить отца, но уже не застаёт его в живых, приходит на могилу и опять уезжает.

У Чехова Надя умоляет мать разрешить ей уехать. Та ее совершенно не понимает. В конечном счете Надя уезжает, как и Дуня, тайно, обманывая мать и бабушку, не объяснившись с женихом.

2. Как ведут себя отцы.

В притче отец отпускает сына, дает ему причитающуюся часть имения, ждет его, выходит ему навстречу. Прощает его, устраивает пир в его честь.

В «Станционном смотрителе» отец ищет убежавшую дочь, даже находит ее, но она не возвращается.

В рассказе Чехова отца нет, есть мать и бабушка (обе вдовы). Бабушка, не зная, что Надя не Сашу провожает, а сама уезжает, пророчески благословляет ее: «В добрый час! Господь благословит!», «Сохрани тебя Царица Небесная!». И Надя в этот момент заплакала. Но потом «все обошлось благополучно», мать приезжала к ней, сказала, что «бабушка не сердится». Через год Надя навещает бабушку и мать, но потом все-таки уезжает.

3. Куда и почему уходят дети.

Блудный сын уходит, в поисках, как сейчас бы сказали, «легкой жизни».

Дуня полюбила.

А что происходит с Надей? Она не хочет выходить замуж за Андрея и не собирается идти по Сашину пути. Он болен, он умирает. А она, «здоровая, веселая», «живая», покидает город, «как полагала, навсегда». Что ее влечет? Здесь тайна. В сообщении предпринимается попытка разгадать ее.

Ольга Валерьевна Евтушенко

Московский государственный лингвистический университет,

(Россия, Москва)

ovae@list.ru

ОБ ОДНОМ ВИДЕ ПОВТОРА ОТНОШЕНИЙ В ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Одной из важных исследовательских задач, которую М.В. Панов ставил и решал в своих лекциях перед нами, студентами МГУ, в начале 1980-х гг., было выявление механизмов внутреннего саморазвития некоего эстетического единства, которое складывается из совокупности текстов классической русской поэзии. Он исходил из того, что эстетически организованная речь должна быть определенным образом упорядочена, т. е. иметь структуру, подобную языковой, и за этим допущением следовал вывод, что в ней могут действовать законы и тенденции, направляющие ее развитие, так же как это происходит в языке. В этот процесс могли включаться и случайные, внесистемные элементы, которые оказывались способными по-новому упорядочить эстетическое целое.

Основной упорядочивающей техникой в поэзии, по мысли М.В. Панова, является повтор отношения. Разные типы повторов отношения внутри текста вступают в резонанс или в противоборство. Их взаимодействие и формирует вектор саморазвития поэзии [Панов 2017, с. 15].

Эти идеи почти сразу же были перенесены последователями М.В. Панова на прозу как на эстетически организованное единство. Такой перенос представляется нам оправданным, поскольку у поэтических и прозаических текстов часто был один и тот же автор, и некоторые принципы гармонии он, безусловно, переносил из поэзии в прозу. Однако вопрос о том, что считать повтором отношения в прозе, остается открытым.

В докладе будет рассмотрен повтор в прозаических текстах такого вида отношения, как «фразы с ритмически упорядоченным концом – немаркированные по этому признаку фразы». На значимость данного отношения нас натолкнул отзыв В.В. Набокова о стиле И.С. Тургенева, получившем похвалу именно за отточенность конца фразы: «Та или иная фраза у него напоминает ящерицу, нежащуюся на теплой, залитой солнцем стене, а два-три последних слова в предложении извиваются, как хвост» [Набоков 1999, с. 145]. Упорядоченный конец делает фразу внутри абзаца завершенной и автономной, как строку в строфе, а чередование упорядоченных и неупорядоченных концовок позволяет варьировать мелодический и ритмический рисунок в зависимости от содержания текста.

Конец фразы может упорядочиваться двумя способами – с помощью отрыва паузой (в этом случае фраза заканчивается обособленным оборотом, чужой речью, графически выделенной синтагмой) или с помощью повтора (семантического, лексического, синтаксического). В докладе мы называем их диссоциацией и ретардацией. Диссоциация подобна резкой мужской рифме в стихе, ретардация – мягкой женской.

В докладе анализируются изменения соотношения фраз с ритмически упорядоченным концом и немаркированных по этому признаку фраз на протяжении двух веков – в прозаических текстах Пушкина, Тургенева, Набокова, Бунина, Булгакова, Паустовского, Аксенова, Елизарова. Выделяется пушкинская и тургеневская линия по предпочтению диссоциации или ретардации. Устанавливается перелом в российской послевоенной прозе, обозначивший переход к доминированию фраз с немаркированным концом. Делается вывод о принятой в этот период ориентации на сближение прозы с бытовой речью и о главенстве внесистемных (экстралингвистических) факторов в развитии прозы как эстетического целого.

ЛИТЕРАТУРА

Набоков В.В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. М.: Независимая газета, 1999. 435 с.

Панов М.В. Язык русской поэзии XVIII–XX веков: Курс лекций / Сост. Т.Ф. Нешумовой. 2-е изд. М.: ИД ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 584 с.

А. В. Занадворова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
annazann@gmail.com

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Числительные – один из, казалось бы, наименее эмоционально окрашенных разрядов слов. Однако имена числительные используются во всех сферах нашей жизни это – номера машин и телефонов, номера домов, маршруты автобусов, дни рождения и даты исторических событий. Люди постоянно что-то считают, взвешивают и измеряют. Здесь невольно возникает метонимическая связь между объектом измерения и соответствующей ситуацией. В языковом сознании существуют устойчивые ассоциации, которые связаны с определенным временем суток, возрастом, историческим периодом и т.п. Таким образом, числительные обрастают различными коннотациями.

Есть примеры, которые уже стали частью языка. Ср., например, употребление числительных **три** и **семь** в идиомах (*плакать в **три** ручья, гнать в **три** шеи, наврать с **три** короба* и др.) (за **семь** верст киселя хлебать, **семь** пятниц на неделе, книга за **семью** печатями, **семь** пядей во лбу и т.п.). Причем в разных языках в этой функции могут употребляться разные числительные (ср., например, русское *быть на **седьмом** небе от счастья* и английское *cloud **nine*** буквально 'девятое облако').

Достаточно универсальным является употребление числительных в качестве **гиперболы**. Некоторые из этих употреблений зафиксированы в нормативных словарях, ср., например, толкования, приведенные в Малом академическом словаре: «**СТО** ... 2. Разг. Служит для выражения неопределенно большого количества в значении: **много, очень много**. **ТЫСЯЧА** ... 2. обычно мн. ч. (**ты́сячи, -сяч**). Огромное количество, множество кого-, чего-л. **МИЛЛИОН** ... 2. обычно мн. ч. (**миллио́ны, -ов**). Огромное количество, неопределенное множество кого-, чего-л.».

В разговорной речи могут окказионально употребляться в роли гипербол и другие числительные, ср.: *Почему надо **десять** раз повторять одно и то же!*; (разговор об оформлении грантов): *Приходится по **тридцать** раз переделывать одну и ту же бумажку!*

В сетевом общении употребляется в таком гиперболическом значении числительное **100500** (**сто пятьсот**). Его эмоциональность подчеркивается сознательной "неправильностью", математической невозможностью существования подобного числительного, ср.: *Надоело по **сто пятьсот** раз всё перепроверять//*.

Помимо гипербол, есть и другие способы возникновения коннотаций. Например обозначение нормального или обычного количества или размера чего-л. Подобные примеры можно встретить в городской коммуникации. Так, в Москве открылась сеть аптек «**36.6**» (Тридцать шесть и шесть). Это отсылает нас к общеизвестному факту, что нормальная температура человека составляет 36 и 6 десятых градусов Цельсия. А также аптеки с названием «**120 на 80**». Эти цифры намекают на показатели давления, которые являются нормой для здорового человека.

Издается газета для дачников с названием «**Шесть соток**», что соответствует наиболее распространенному размеру дачного участка (которые в советское время «выдавали» сотрудникам предприятий).

Есть числительные, которые стали «мемами», благодаря какому-то случаю, прецеденту. Так выражение «**146 процентов**» стало символом нечестных выборов, фальсификации.

Существуют и более сложные цепочки. Так, на некоторых автомобилях можно увидеть на первый взгляд бессмысленные, но безобидные наклейки, например: «Купил себе пальто на осень», однако, а на самом деле эта строчка является рифмой к сочетанию цифр 14/88 – «один четыре восемь восемь», имеющее националистическую окраску.

Особые коннотации есть и у дат. Ср. две реакции на несправедливый и абсурдный приговор суда: – *У нас что/ опять 37 год*// (имеется ввиду 1937 год – разгар сталинских репрессий); – *Это мне уже напоминает 1984*// (имеется ввиду роман-антиутопия Дж. Оруэлла «1984»).

В докладе будут рассмотрены подобные примеры функционирования количественных и порядковых числительных, а также словосочетаний, включающих числительные, в различных сферах коммуникации – в разговорной речи, в интернет-коммуникации, в городском пространстве. Также будут рассмотрены основные механизмы возникновения подобных коннотаций. Интересной задачей представляется сбор и классификация подобных примеров, значимых для современной русской культуры.

Людмила Владимировна Зубова
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
l-zubova@yandex.ru

ОБЪЕКТНЫЙ ГЕНИТИВ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

В современной русской поэзии, начиная со 2-й половины XX века, часто бывает проблематично отличить ненормативную (преимущественно олицетворяющую) одушевленность от других конструкций с объектным генитивом. Например, в строке А. Маковского *Слушал мельниц бы ветряных* вполне может быть обозначено представление об антропоморфности мельниц, в строках А. Левина *ах зря мы шин своих машин / меняли на шипастых шин!* может быть выражено восприятие автомобилей (а также их деталей) как живых существ.

В отрицательной конструкции одушевляющий сдвиг бывает обусловлен синтаксической аномалией, объединяющей разные возможности глагольного управления при обозначении объекта: *Ты про небес теперь уже не вспомнишь* (В. Кучерявкин). В таких случаях наиболее вероятно предположить контаминацию выражений *не вспомнишь небес* и *не вспомнишь про небеса*.

Иногда генитив отрицания, не обозначенный в тексте, имплицитно представлен фразеологическими связями глаголов: *Вменяется в обязанность уму / Расту в длину, щадя берез и пихт* (С. Лён) – деепричастие *щадя* обычно употребляется именно с отрицанием, *Я позабуду всех на свете книжек* (В. Кучерявкин) — по аналогии с *не забуду*. Семантика отрицания проявляет себя как смежная с семантикой лишения, и когда грамматические связи слов в отрицательных конструкциях переносятся на тексты без показателя отрицания, возникает сдвиг, связанный либо с категорией одушевленности, либо с партитивным значением родительного падежа: *Словно теряет тополь воздушного пуха* (В. Кучерявкин); *Не знаем сами за слезами, кто писем наших пролистал* (Д. Паташинский).

У современных поэтов встречается и родительный падеж слов женского рода, который невозможно интерпретировать как винительный: *так спую, что позабудешь, / как жены твоей зовут* (А. Левин); *удочерил и в девы взял как вылепил жены* (Г. Сапфир).

Особенно много примеров объектного генитива неодушевленных существительных в поэзии Д. Паташинского. *Когда порвали смычка; Пальцы лапают ключа* и др.

Такие примеры соотносятся: а) с нормативным употреблением родительного падежа в качестве основного, а иногда и единственного глагольного актанта (типа *бояться быка, ждать поезда*); б) с употреблением древнерусского и диалектного объектного генитива (типа *построить домов, купить топора*), описанным лингвистами [Крысько 1997; Малышева 2010] и др.); в) с употреблением генитива в других славянских языках [Кузнецова 1963]; г) с употреблением родительного падежа объекта действия при отглагольных существительных или объекта изображения (типа *разгадка тайны, схема поселка* [Панов 1999]).

Общий вывод: грамматика современной поэзии в этом частном случае, как и во многих других, преодолевает и временные, и пространственные ограничения кодифицированного литературного языка на употребление падежных форм существительных, тем самым объединяя системные возможности, реализованные в синхронии, диахронии, в разных славянских языках и диалектах.

ЛИТЕРАТУРА

Крысько В.Б. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2006. 486 с.

Кузнецова А.М. Родительный падеж прямого объекта в современных восточнославянских языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963.

Малышева А.В. Из истории русского глагольного управления: объектный генитив (на материале русских летописей и современных архангельских говоров). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 276 с.

Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 276 с.

О. Е. Иванова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
olliva95@yandex.ru

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОГО СОЧЕТАНИЯ КАК ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

«Слитное и раздельное написание наречий должно основываться на разграничении того, что в языке действительно является целостным словом (наречием), и того, что является сочетанием предлога с полнозначным словом, существительным. Все, что уже срослось, лексикализовалось, должно писаться вместе» (М.В. Панов). В общепринятом понимании, «лексикализация – превращение элемента языка (морфемы, словоформы) или сочетания элементов (словосочетания) в отдельное знаменательное слово или в другую эквивалентную ему словарную единицу (напр., во фразеологизм)» (Энциклопедия «Русский язык»).

Выражения *до упаду*, *по полной* трактуются в энциклопедии как идиомы (хотя имеют, как кажется, прозрачную внутреннюю форму). Генезис этих сочетаний различен, по традиции их правописание рассматривается в разделе правописания наречий (если же это фразеологизмы, то предложения слитной передачи не имеют смысла). При этом *по полной* никогда не предлагалось и не предлагается писать слитно, а *до упаду* устойчиво пишется раздельно, хотя его и предлагают писать слитно (в том числе М.В. Панов), и изредка пишут (РГ-1980). Неоднозначная ситуация и с другими предложно-падежными сочетаниями, сдвиг в семантике которых не влечет за собой смену нормы написания (*без()удержу*, *без()умолку*, *до()зарезу*, *за()полдень*, *за()полночь*, *на()весу*, *на()ощупь*, *под()стать* и др.).

В связи с этим правомерен вопрос о рассмотрении в рамках лексикализации преобразования предложно-падежных сочетаний в единицы, эквивалентные слову (в терминологии Р.П. Рогожниковой).

Практический аспект. 1. Индивидуальный характер определения статуса каждой единицы и необходимости изменить ее написание; особое внимание современной норме написания. 2. Аргументы против «насильственного» слитного написания *до упаду*; последние наблюдения. 3. Основания сомневаться, что переосмысление предлога и/или существительного здесь реально произошло, и даже если есть в пользу этого сильные аргументы (непроницаемость), то стоит ли выделять эту единицу из парадигматического ряда, в котором лишь одно действительно сросшееся слово *дотла*? 4. Тонкая словарная работа, которая должна быть утверждена орфографической комиссией.

Теоретический аспект. Многокомпонентные служебные слова и вводные слова традиционно включаются в грамматики, словари и справочники как объекты нормативного описания (*во время*, *в качестве*, *а именно*, *несмотря на то что*, *а вот*, *вряд ли*, *к счастью*, *по существу*). Их письменная форма – с пробелом – кодифицирована и с орфографических позиций не переоценивается. Таким образом, пробел включен в границы воспроизводимого знакового комплекса. Признание нормативности написаний

раздельнооформленных единиц русского языка, функционирующих как единое целое, делает актуальным вопрос трактовки знака пробел/контакт как орфографического феномена.

Наряду со служебными словами наречные сочетания также относят к категории сочетаний, эквивалентных слову (*без конца, без оглядки, в лоб, в итоге, до ужаса, на память, от руки, по старинке, с трудом* и мн. др.). За ними признается выражение обстоятельственной функции, устойчивость, постоянная форма, целостность значения, преимущественно одно основное ударение (Р.П. Рогожникова). В большом числе случаев историческая память о происхождении наречных сочетаний из предложно-падежных форм существительных или из претерпевших редукцию фразеологизмов не стерлась, что отражается в устойчивом воспроизведении их на письме в виде словосочетаний, отсутствии в написании «критической массы» варьирования. Функционирование наречных сочетаний поддерживается их принадлежностью частным лексическим и словообразовательным парадигмам, по которым распределяется наречная лексика. Значимым является и культурный компонент – овладение навыками чтения и письма.

Проведение в письме системного требования слитного написания представляется нам неадекватным по отношению к единицам с разной степенью проявления смысловой целостности. По справедливому замечанию М.В. Панова, «...орфографические нормы только тогда окажутся устойчивыми и прочными, если они не противоречат законам внутренним, присущим самому объекту и независимым от воли регламентаторов».

Olga T. Yokoyama (Йокояма Ольга Борисовна)
University of California
Los Angeles, USA
olga@humnet.ucla.edu

ЛЕКСИКА В ПОЕЗИИ ПАНОВА

В докладе рассматривается поэзия самого М. В. Панова. Частотность некоторых слов в первом из его двух сборников стихотворений («Тишина. Снег.», 1998) сравнивается с частотностью их в Национальном корпусе русского языка. Предварительный анализ данных по поэтическому языку за период 1930-1950 гг. показывает, что М. В. Панов относительно часто использовал некоторые очень редкие в то время слова, как, например, слово *ликовать* и его производные. С другой стороны лексика его палитры красок была весьма своеобразна. У М. В. Панова частотны *черный, белый и зеленый*, в то время как *красный и алый* почти не встречаются. Низкая частотность красного цвета резко отличает поэзию М. В. Панова от его современников, судя по частотности в поэтическом подкорпусе слов *красный и алый*. Значительно также и то, что зеленый цвет у М. В. Панова встречается не только как просто *зеленый*, но с такой же частотой и в сложных, порой окказиональных словах, включающих этот корень; например, *пушистозеленая, прозрачно-зеленым, молодо-зелено* (в прямом, а не

в пословичном смысле: *скользящие рожицы, где все еще молодо-зелено*). У слов, немаркированная семантика которых ассоциируется с определенным цветом, как, например, обычная ассоциация понятия *кровь* с *красным (алым)* цветом, эта связь у М. В. Панова может быть разорвана и слово *кровь* может, например, выступать – в прямом смысле – в сочетании с черным цветом: *он стоял, из него хлестала черная кровь*.

Более подробный анализ выявляет и другие особенности поэтической лексики М. В. Панова. То же слово *ликовать*, например, даже в тех относительно немногочисленных словоупотреблениях, которые встречаются в подкорпусе поэтического языка за два десятилетия от 1930 до 1950 гг., все без исключения встречаются у поэтов, родившихся ранее 1910 г. Панов же, как мы знаем, родился в 1920 г. Значит, его склонность к частому использованию гнезда *лик-* роднила его со старшим, дореволюционным поколением.

При жизни М. В. Панова русские языковые корпусы только начали создаваться. Для языковеда, одним из важнейших достижений которого можно считать возрождение, если даже не основание в 60-е гг. русской социолингвистики, доступные нам сегодня цифровые базы данных были бы мощнейшим и привлекательнейшим орудием. Именно поэтому мы используем в предлагаемом здесь докладе этот ранее не доступный инструмент в применении к собственной поэзии М.В. Панова в надежде выявить при его помощи те черты ее, которые иначе бы оставались лишь субъективно ощущаемыми, да и то не каждым читателем. Думается, что такой анализ одобрил бы и сам М. В.

Источники:

Михаил Панов. 1998. *Тишина. Снег*. Москва: Carte Blanche.

Национальный корпус русского языка. 2004.

М. Л. Каленчук

ИРЯ РАН

Москва, Россия

mkalenchuk@yandex.ru

ПОНЯТИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ В КОНЦЕПЦИИ МОСКОВСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Понятие *позиции* — одно из основных понятий Московской лингвистической школы, первоначально разработанное для описания фонетического материала. Под *фонетической позицией* понимают «условия употребления и реализации фонем в речи» [Реформатский 1970: 115], «условия произношения звуков» [Панов 1979: 97], причем принято считать, что реализация фонемы полностью определяется качеством фонетической позиции, в которой она находится: «... звук является функцией двух определяющих: заданной фонемы и фонетической позиции» [Панов 1961: 15]. Из этого следует, что, если известна фонема и фонетическая позиция, в которой она находится, этого достаточно для того, что определить звук, представляющий данную фонему. В разных своих работах московские фонологи неоднократно подчеркивали важное

ограничение – *фонетическая позиция* должна определяться чисто *фонетическими условиями* (качество соседних звуков при контактном или дистантном их расположении, начало и конец слова или слога, тип слога, положение по отношению к ударению, длина слова и т.п.).

Что имеется в виду, когда говорят, что фонетическая позиция должна определяться только *фонетическими условиями*? Например, понятия начала или конца слова – это фонетические факторы? Обычная формулировка позиционного чередования по глухости-звонкости – на конце слова перед паузой шумные звонкие согласные заменяются глухими (*са[д]ы́ – са[т]*). Можно признать формулировку *на конце слова* фонетическим условием, но только если иметь в виду фонетическое слово, а не лексическое или грамматическое. А что делать в следующем случае: *остри[г]ли – остри[к] ли* (*остригли волосы – остриг ли он волосы?*)? В обоих примерах одинаковый фонемный состав и фонема /г/ стоит в одной и той же фонетической позиции перед звуком [л'] внутри фонетического слова, но реализация разная. Какая фонетическая позиция регулирует реализацию фонемы /г/? В формулировку позиции, определяющей реализацию фонемы /г/, необходимо включать указание на положение не просто перед звуком [л'], но перед суффиксом -л- или перед частицей *ли*, что никак нельзя считать фонетическими условиями. Или другой пример – *бе[з] окна́, но скво[с'] окно́*. Шумная звонкая фонема реализуется на конце предлога то глухим, то звонким звуком в одной и той же фонетической позиции перед гласным. Чтобы привести фонему к звуку, необходимо в данном случае оговаривать происхождение предлога – производный он или непроизводный, что никак нельзя считать фонетическим условием. Подобные примеры можно было бы продолжать и продолжать.

Даже те случаи, когда формулировка приведения фонемы к звуку кажется полностью фонетической, вызывают определенное сомнение. Когда в слове *вода* мы постулируем фонему /о/ в первом предударном слоге, мы имплицитно имеем в виду, что это слово принадлежит к общенародной исконно русской частотной лексике и что фонема /о/ стоит в корневой морфеме однокорневого знаменательного слова, что никак нельзя считать фонетическими факторами.

Разобранные выше примеры заставляют пересмотреть критерии выделения фонетических позиций и позволяют применить к фонетическим позициям подход, разработанный ранее М.Л.Каленчук и Л.Л.Касаткиным для выделения орфоэпических позиций.

При этом целесообразно ввести понятие *произносительной позиции*, которое может объединить понятия фонетической и орфоэпической позиции. Как было показано в более ранних работах автора, между фонетическими и орфоэпическими закономерностями есть общее – обе зоны устроены позиционно. В свете предложенного подхода можно добавить, что объединяет понятия фонетической и орфоэпической позиции и то, что, формулируя эти позиции, мы имплицитно или эксплицитно учитываем и нефонетические факторы разного рода, в первую очередь, грамматические и лексические.

Перефразируя цитированное выше определение М.В.Панова, можно заключить, что звук является функцией двух определяющих: заданной фонемы и произносительной позиции, которая интегрирует традиционные понятия фонетической и орфоэпической

позиции и учитывает любые языковые факторы, способные влиять на реализацию фонемы конкретным звуком.

Е.М. Калло¹, А.Г. Лилеева²

Языковой центр «Language Link»¹, МГУ им. М.В. Ломоносова²

(Москва, Россия)

ekallo@languageink.ru¹, anna.lileeva2017@yandex.ru²

**«СОЧЕТАНИЕ НЕСОЧЕТАЕМОГО» – ОСНОВА ПОЭТИКИ «ДОМАШНЕГО»
ЖУРНАЛА (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ И ЯЗЫКА ЖУРНАЛОВ
«ГРОТЕКСНЫЙ МНОГОПОТАМ» И «ТРАНВАЙ13», 1985 – 1998 ГГ.,
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР М. В. ПАНОВ)**

Доклад посвящен описанию содержания и поэтики журналов «Гротексный многопотам» и «Трам^нвай 13», доминирующим приёмом создания которых является художественный приём «поэтического сдвига».

Ключевые слова: домашний журнал, доминирующий приём, поэтический сдвиг, визуализация, игра

История появления журналов: в конце 70-х годов XX века мы учились в МГУ им. М.В. Ломоносова на филологическом факультете, посещали лекции М.В. Панова, вдохновлённые лекциями, сняли М. В. Панова в нашем фильме «Реплика», «он нас домой пригласил, тут-то мы подружились и – «ну журнал издавать»» [Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова. 2007: 57-58].

Традиция создания домашнего журнала является продолжением традиции домашних журналов начала XX века, рукописных книг «Само-письма» русских футуристов, домашних и школьных журналов 20-х – 30-х гг., детских журналов («ЧИЖ» и «ЁЖ», «Мурзилка»). Для М.В. Панова эта традиция была ещё и его семейной традицией. Письма родителям с фронта М.В. Панов писал в форме странички журнала (или рукописной газеты), с рисунками, статьями, заметками, игрой шрифта.

В последовательности, принятой в историко-литературной науке, журналы можно было бы описать так.

1. Название: «Гротексный Многопотам», затем с 1987 «Трам^нвай 13».
2. Характеристика издания: домашний литературно-художественный журнал.
3. Главный редактор: Панов М. В.
4. Редакционная коллегия: до 11 человек.
5. Круг приглашенных авторов: непостоянный.
6. Место: Москва, Открытое шоссе.
7. Время издания: 1986-1998.
8. Периодичность – один раз в месяц (иногда реже).
9. Рубрики: список участников встречи, меню встреч, диалоги, воспоминания и рассказы М.В. Панова, стихи и проза, переводы, шутки, игры, конкурсы, рисунки.
10. Читательская аудитория: сами издатели журнала и будущие исследователи лингвокультурной ситуации 80-х – 90-х годов XX века.

11. Формат, объём, оформление: формат – 17/24, объём – 10-30 страниц, оформление – обложка из ватмана, разрисованная цветными фломастерами.

12. Тираж: 1 экземпляр.

В основе поэтики журналов «Гротексный многопотам» и «Трам^нвай 13» лежит доминирующий художественный приём – «поэтический сдвиг». Этот термин впервые был введен футуристами в 10-е годы XX века. М.В. Панов дал подробное описание и понимание этого приема в статье, посвященной творчеству Хлебникова [Панов: 2007].

«Сдвиг — соединение несоединимого. – Писал М.В. Панов. – ... Сдвиг возможен в словесном строе произведения, в его ритмике, в рифме, в образной системе. <...> Сдвиг внутренне напряжен. С одной стороны, — он сочетание, целостность. С другой, — в его составе такие части, которые рвутся из этого единства, стремятся врозь» [Панов 2007: 499-450].

Приём «поэтического сдвига» возможно распространить и на внесловесную действительность, он может объединять слово, изображение и игру, быть основой процесса создания журналов.

Специфика поэтики журналов «Гротексный многопотам» и «Трам^нвай 13» заключается в сочетании, казалось бы, противоречащих друг другу характеристик:

1. Приватность, групповая замкнутость; / открытость: состав участников "Игры в журнал» принципиально непостоянен.
2. Беспрекословный авторитет главного редактора-вдохновителя / соавторство в создании обложки, выборе тем разговоров и пр.
3. Насыщенность смыслами, понятными только членам данного лингвокультурного круга / включенность в константы общефилологических и социокультурных тем.
4. Смешение жанров и стилей. Несоблюдение требований формата. Эkleктизм. Непредсказуемость жанрового наполнения очередного номера журнала (стихи, рассказы, переводы, рисунки и пр.).
5. Атмосфера тотальной игры: мы играем в издание журнала. А внутри этой игры мы играем: словами, смыслами, устраиваем различные творческие игровые конкурсы, пишем заумные стишки. Игровые названия «Гротексный многопотам» и «Трам^нвай 13». Игровая визуальная составляющая: смешные рисунки, карикатуры, подписи. Поэтика игры связана с традицией культуры Серебряного века – театрализация жизни как форма преодоления распада ткани бытия и преобразование повседневности в искусство.
6. На тематическом уровне журнал отличался сочетанием несочетаемых по значимости тем и смыслов, отсутствием понятия «временное» и «вечное»; «бытовое» («повседневное») /и «высокое» («книжное»). В контексте игрового преобразования повседневности все одинаково «значимо», важно и интересно.
7. Специфика хронотопа : всё происходит здесь и сейчас, в пространстве комнаты, стола; всё понятно только в контексте сиюминутности встречи, за время которой и создается журнал / вневременная значимость сиюминутного, сознательное архивирование, скрупулёзная документальная фиксация того, что ели, пили, о чём говорили; включение в оформление журналов наклеек и торговых картинок съеденного как свидетельство исторического времени.

В докладе будет представлено подробное описание журналов «Гротексный многопотам» и «Трам^нвай 13» [34 выпуска журнала хранятся в частной коллекции Е.М. Калло и А.Г. Лилеевой].

Литература

1. Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова / отв. ред. М.Л. Каленчук, Е.А. Земская. М.: Языки славянских культур: Знак, 2007. – 488 с.
2. М. В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.2 / под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой / М.: Языки славянской культуры. 2007. – 846 с.
3. М.В. Панов. Язык русской поэзии XVIII - XX веков. 2-е изд. – Москва: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – 585 с.

Киров Е. Ф.

*Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина,
(Москва, Россия)*

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА И ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИНТАГМАТИКА

Приемы и методы экстраполяции и интраполяции позволяют установить общие принципы функционирования единиц в действующей системе языка.

При этом сравнительно небольшой объем фонетико-фонологического уровня языка и его обозримость позволяют установить такие общие принципы наиболее легко и просто, - именно поэтому фонологию в эпоху структурализма называли "pilot science" (думается, что такое название актуально и в наши дни).

Примером наиболее успешной интерполяции является распространение идеи различительного признака фонемы, открытого И.А. Боуэном де Куртенэ и описанного в терминах аксум, кинем и кинакем. Позже Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон провели редукцию идеи и сформулировали понятие о РП без детализации на язык слушающего, говорящего и всех вместе, которая присутствовала у родоначальника понятия о различительном признаке (подчеркнем, что структурирование РП в единую фонему у Боуэна произведено очень точно и изящно в виде метафоры "аккорд акусм, кинем и кинакем", в конечном итоге Р.О.Якобсон...превратил "аккорд" в "пучок различительных признаков", так охарактеризовав фонему в Пражской школе.

В настоящее время уже почти не осталось уровней и единиц языка, которые не были бы охарактеризованы как структура своих специфичных различительных признаков, т.е. идея из фонологии сначала переключалась в лексическую семантику, в которой стараниями Й. Трира, В. Порцига и др. семема стала пониматься как структура (аккорд) из сем (компонентов), которые и были по сути семантическими РП. Менее явно, но эта же идея присутствует и при понимании пропозиции как аккорда из актантов (глубинных падежей) и сирконстантов в семантическом синтаксисе (Ч. Филлмор, Л. Теньер и др.). Не думаю, что долго придется ждать, когда к понятию дискурсема (введено нами в 2019- статья в "Казанской науке, №3) будет добавлен свой РП (например, дискурсон).

Очень удачной была экстраполяция фонологической идеи позиции (сильной и слабой в классической версии, но мы еще выделяем сверхслабую и сверхсильную позиции в "Фонологии языка") с сопутствующей идеей нейтрализации РП, которую произвел М.В. Панов на морфологию в "Позиционной морфологии русского языка". Констатируем, что и в целом это понятие позиции распространяется в описаниях единиц по уровням языка довольно активно: можно встретить понятие сильной и слабой позиции предложения или текста.

Поставим вопрос - такая ли уж фонология "pilot" и возможны ли переносы идей, обоснованных при описании единиц других уровней языка, на саму фонологию? Насчет единиц пока сказать трудно (лучше бодуэновского понимания языковой единицы как "аккорда элементарных признаков" трудно что-либо представить), но принцип синтагматики единиц вполне очевидно заметен на другом уровне языка и представляется универсальным. Вполне понятно, что для синтагматики есть своя "pilot"-наука, в которой этот принцип наиболее очевиден и показателен - это синтаксис, в рамках которого были открыты такие принципы синтагматики, как согласование, управление и примыкание. Осмелимся предположить, что это абсолютно универсальные принципы синтагматики единиц языка, которые действуют и в синтагматической фонологии (разработана для русского языка М.В. Пановым в книге "Русская фонетика), и в словообразовании (функциональной дериватологии) ...синтаксис пропускаем...и в деривативной дискурсологии (синтагмировании элементарных элементов дискурса в целом дискурса).

Рассмотрим положение дел на фонетическом уровне. Так, ассимилятивное согласование звуков друг с другом внутри фонетического слова представляет собой аналог согласования слов в словосочетании, например в звучащем слове (*скаскъ*) предшествующий звук (с) уподобляется, как бы согласуется с последующим звуком (к) по признаку звонкости-глухости. В свою очередь, облигаторное, навязанное смягчение твердых согласных перед /э/ в исконно русской лексике соответствует управлению, т.к. один из звуков вынужденно меняет свое качество и приобретает обязательную мягкость: *м'енЯ*, *т'ебя*, *с'ебя* и т.д. Для стыка шумных это типичный принцип синтагмирования в русском звучащем слове. Свободное расположение звуков друг рядом с другом без их взаимовлияния и запретов на валентность аналогично примыканию слов в словосочетании: *сон, сан, суп, горЪт, кран, сны* и т.д. Такие принципы синтагмирования типичны для русских звучащих слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Панов М.В.* Позиционная морфология русского языка. М. - 1999.- 275 с.
2. *Панов М.В.* Русская фонетика. М. 1967.- 444 с.

Ю. А. Клейнер
СПбГУ
(Санкт-Петербург, Россия)

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ: ОГРАНИЧЕННАЯ ДИСТРИБУЦИЯ, ВАРИАНТ ФОНЕМЫ, АРХИФОНЕМА?

«...орудие – не оппозиция, а позиция»

(М.В. Панов)

К числу важнейших разногласий между тремя ведущими фонологическими школами – Пражской, Московской и Ленинградской/Петербургской/Щербовской – относится вопрос о нейтрализации и, соответственно, архифонеме. Последняя отрицается школой Л. В. Щербы («Понятие архифонемы оказывается ... излишним» [Касевич 2011: § 50.6]) и по-разному понимается пражцами и МФШ, общим для которых является, почти исключительно, различие в наборе признаков в случае наличия/отсутствия оппозиции (соотв. в сильной/слабой позиции), при различном подходе и к фонеме, и к признаку, но прежде всего, к оппозиции и позиции [см.: Панов 1979: 181 – 191]. Доводы «против» были сформулированы В. Б. Касевичем в его ответе на вопрос «Что же перестает различаться [в случае нейтрализации]?»: «Перестают различаться морфемы: эти морфемы противопоставлены в вариантах *рог-а* — *рок-а*, но перестают различаться в варианте /rok/ — *рог* и *рок*. Что же касается фонем, то различие между ними вообще не может быть утрачено, так как для этого требуется совпадение означающих при возникающей неоднозначности означаемого, но у фонем нет означающего и означаемого, это единицы незначающие» [там же; ср.: Зиндер 1979: § 53]. Эти рассуждения безупречны при ответе на вопрос «Что различается?», но не «за счет чего создаются различия?» (соответственно, «что исчезает, когда перестают различаться морфемы?»). (То же относится к любым случаям частичной омонимии. Сюда же примыкает вопрос об оппозициях, признаках, маркированности и всего того, что делает фонологию самостоятельной областью или отдельным разделом науки о звуковой стороне языка.) В примерах типа *рог-а* — *рок-а* различие обеспечивается чередованием фонем, а отсутствие различия – результат либо совпадения фонем в архифонеме, либо различных по своей природе ограничений в дистрибуции. Применительно к данному случаю говорится: «Когда мы решаем вопрос о фонологической интерпретации сегмента ... уже известна система, известны оппозиции и дифференциальные признаки, остается соотносить с ними признаки сегмента текста ... тогда конечный [k] будет признан представителем фонемы /k/ вне зависимости от того, возможен ли в данной позиции [g]» [Касевич. Указ соч.: § 50.3]. Здесь перечислены знания не столько исследователя, сколько носителя языка, необходимые для отождествления того или иного сегмента. О том, что их может оказаться недостаточно, свидетельствуют ошибки и оговорки носителей языка, как детей: /tangi/ (мн. ч. от *танк*), так и взрослых: /grandy/ (мн. ч. от *грант*), /glaza božjiva/ (*гласа Божьего* [не слышат]). Во всех этих примерах фонема не выполняет не только смысловозначительной, но, строго говоря, и конститутивной функции, которая должна отражать, в том числе, и участие фонемы в морфонологических процессах. То же относится и ко всем прочим

случаям «нейтрализации»; глухой согласный, например, [t], при межсловной ресиллабации сохраняется и в начальной позиции: *год* и *гот* в *год/гот этот* – несомненные омонимы. Но значит ли это, что речь идет о реализации фонемы, а, например, не о представителе архифонемы, совпадающем «с одним из членов оппозиции» [см. Трубецкой 1960: 60 – 61], то есть, в сущности, о «звуке» с не вполне очевидным фонологическим статусом? Независимо от конкретного решения (вариант в слабой позиции, архифонема и т.п.), статус такого сегмента определяется не столько фонетическими характеристиками «звука», сколько свойствами *позиции*, совокупность которых и покрывается понятием/термином «нейтрализация».

ЛИТЕРАТУРА

- Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979.
Касевич В. Б. Введение в языкознание. 2-е издание. М./СПб: Академия, 2011 (= Элементы общей лингвистики. 1977).
Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979.
Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

Коробейникова Т.Н.

Институт русского языка им. В.В. Виноградова
(Москва, Россия)

УСЛОВИЯ УТРАТЫ ОКАНЬЯ В ОДНОМ СЕВЕРНОРУССКОМ ГОВОРЕ

В говоре села Кай и деревни Южаки Верхнекамского района Кировской области (далее – кайский говор), как и во многих других севернорусских диалектных системах [Пауфошима 1967, Ваахетра 2009, Красовицкий 2014] постепенно утрачивается оканье. Многие идиосистемы кайского говора отражают переход от контраста между фонемами /a/ и /o/ в первом предударном слоге к их нейтрализации в данной позиции. На этой переходной стадии на месте обеих фонем в СГС¹ встречается большая вариативность гласных.

Так, в таблице 1 представлены данные о качестве гласных в первом предударном слоге в идиолекте АЕН (1932 г.р)².

Гласные на месте /a/ в СГС ¹ (78)	Гласные на месте /o/ в СГС ¹ (145)
[ə] = 51% (40)	[ə] = 47% (69)
[з] = 15% (12)	[o] = 27% (33)
[o] = 10% (8)	[Λ] = 11% (17)
[a] = 10% (8)	[з] = 6% (9)
[Λ] = 9% (7)	[u] = 4% (8)
[oɛ] = 3% (3)	[a] = 3% (5)
[u] = 2% (2)	[oɛ] = 2% (4)

² В идиосистемах, представленных в этой работе, различается 5 гласных фонем.

Таблица 1. Звуки на месте /o/ и /a/ в позиции СГСġ в идиолекте АЕН.

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что обе фонемы в позиции СГСġ чаще всего представлены звуком [ə], [o] на месте /o/ встречается только в 27% случаев, в словах типа к[o]к'ю, к[o]к'ой данный звук отмечен и на месте /a/. Звуки [з], [a], [ʌ], [oɛ] и [u] отмечаются на месте обеих фонем с разной частотностью.

В идиосистеме более молодой носительницы говора, ЛИЧ (1955 г.р.), вариативность гласных на месте /a/ и /o/ в позиции СГСġ сокращается (см. Таблицу 2). На месте обеих фонем чаще всего выступает [ə], звуки [з], [a], [ɐ] тоже встречаются, как на месте /a/, так и на месте /o/. Звук [o] отмечается только на месте /o/ в 14% случаев.

Гласные на месте /a/ в СГСġ (70)	Гласные на месте /o/ в СГСġ (106)
[ə] = 62% (43)	[ə] = 38% (40)
[з] = 17% (12)	[з] = 20% (21)
[ɐ] = 11% (8)	[o] = 14% (15)
[a] = 10% (7)	[ɐ] = 25% (27)
	[a] = 3% (3)

Таблица 2. Звуки на месте /o/ и /a/ в позиции СГСġ в идиолекте ЛИЧ.

Таким образом, в обеих идиосистемах наблюдается только частичная, непоследовательная нейтрализация /a/ и /o/. Возникает вопрос о факторах, определяющих качество гласных в этих нестабильных идиолектах. Эти факторы могут как способствовать утрате оканья, так и препятствовать ей (поддерживать старую оппозицию).

Известно, что консонантный контекст оказывает большое влияние на качество гласных. Так, в идиолекте АЕН в контексте губных, заднеязычных и латеральных согласных, способствующих образованию лабиализованных гласных, чаще звучит [o], после переднеязычных преобладают [ə] и [з] (см. Таблицу 3).

Губные, латеральные и заднеязычные (45)	После переднеязычных (178)
[o] = 51% (23)	[ə] = 54% (97)
[ə] = 20% (9)	[з] = 12% (21)
[ʌ] = 16% (7)	[o] = 11% (19)
[oɛ] = 11% (5)	[ʌ] = 10 (18)
[a] = 3% (2)	[a] = 5% (10)
[u] = 2% (1)	[u] = 5% (9)
	[oɛ] = 3% (5)

Таблица 3. Гласные на месте /o/ и /a/ в различном консонантном окружении в системе АЕН.

В идиолекте информантки ЛИЧ данная тенденция сохраняется.

Губные, латеральные и заднеязычные (26)	После переднеязычных (150)
[o]= 47% (12)	[ə] = 52% (78)
[ɐ] = 30% (8)	[з] = 21% (32)
[ə] = 19% (5)	[ʌ] = 20% (30)
[з] = 3% (1)	[a] = 7% (7)
	[o]= 3% (4)

Таблица 4. Гласные на месте /o/ и /a/ в различном консонантном окружении в системе ЛИЧ.

Сравнивая данные двух таблиц, можно убедиться, что в обеих идиосистемах качество гласных на месте /o/ и /a/ зависит от консонантного контекста. Звук [o] встречается в окружении губных, латеральных и заднеязычных чаще (51% у АЕН и 47% у ЛИЧ), чем после переднеязычных (11% у АЕН и 3% у ЛИЧ).

Таким образом, качество соседних согласных влияет на качество субаллофонов /a/ и /o/ в обеих идиосистемах. Следовательно, разрушение оканья протекает в одних контекстах (после переднеязычных согласных) быстрее, чем в других (в окружении губных, латеральных и заднеязычных).

ЛИТЕРАТУРА

- Ваахтера Й.* Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области. Хельсинки, 2009.
- Красовицкий А.М.* Артикуляционный сдвиг и развитие нейтрализации гласных // Проблемы фонетики 2014 № 6. С. 262–280.
- Пауфошима Р. Ф.* О переходе от окающего безударного вокализма к акающему в одном севернорусском говоре (по данным спектрального анализа) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 83—98.

Е.В. Корпечкова

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова
(Москва, Россия)*

КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗВУКОВ 1-ГО ПРЕДУДАРНОГО СЛОГА В ГОВОРАХ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ ДИССИМИЛЯТИВНОГО ВОКАЛИЗМА.

В докладе представлена качественная характеристика гласных 1-го предударного слога трех южнорусских говоров с разными типами диссимильятивного вокализма.

Говор с. Солдатского Старооскольского района Белгородской области характеризуется архаическим типом аканья и обоянским типом яканья, случаи отступлений немногочисленны и наблюдаются в определенных грамматических формах: в 1-м предударном слоге наряду с [и] встречается [а] в формах Т.п. существительных ср. р. (в'адрóм//в'идрóм, в'аслóм//в'ислóм), в прилагательных в

форме И.п. женского рода (пр'амáица//пр'имáица). В говоре сохраняется противопоставление семи фонем, несмотря на то что фонемы среднего и верхне-среднего подъёмов могут реализовываться в одном звуке: /ʎ/ и /e/ могут быть представлены звуком [e], /ω/ и /o/ – звуком [o]. Все ударные гласные говора имеют более низкий подъём, чем соответствующие гласные литературного языка. Ударный звук и звук первого предударного слога последовательно расподобляются по длительности: перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов в 1-м предударном слоге произносятся звуки, превышающие по длительности ударный звук, звук перед ударными среднего и нижнего подъёмов всегда имеет меньшую длительность, чем ударный, что характерно и для других южнорусских говоров [Савинов, 2013]. Гласный [a] первого предударного слога соответствует ударному [a]: $F_1=750-850$ Гц, $F_2=1500-1700$ Гц, может быть также представлен звуком пониженного подъёма, F_1 которого может превышать 1000 Гц. Гласный [ə] представлен звуком среднего подъёма $F_1=600-750$ Гц, $F_2=1500-1900$ Гц. После мягкого согласного в 1-м предударном слоге может произноситься [и], совпадающий по характеристикам с ударным: $F_1=350-550$ Гц; $F_2=2200-2900$ Гц, а также [ea] с приблизительно равными по длительности частями: $F_1=400-550$ Гц, $F_2=2400-2600$ Гц; $F_1=600-750$ Гц, $F_2=1600-2300$ Гц или, между мягкими согласными, звук [a], имеющий начальный и конечный *и*-образные переходные участки: $F_1=600-750$ Гц, $F_2=1600-2300$ Гц. В позиции как перед гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов, так и перед гласными нижнего и средне-нижнего подъёмов в отдельных примерах наблюдается звук [e]: $F_1=450-650$ Гц, $F_2=2400-2600$ Гц.

Говор с. Берёзовка Ивнянского района Белгородской области характеризуется жиздринским типом диссимилятивного аканья и суджанским типом яканья при пятифонемном ударном вокализме. В данном говоре, как и в говоре с. Солдатское, гласные могут реализовываться звуками пониженного образования. Гласный 1-го предударного слога перед ударными гласными верхнего подъёма имеет большую длительность только в 40% примеров, перед этимологическими гласными верхне-среднего и среднего подъёмов – в 10% случаев. Расподобление ударного и безударного звуков по длительности выдерживается перед ударным, представляющим фонему /a/: длительность гласного первого предударного слога в этой позиции составляет 50–80% от длительности ударного, и никогда не превышает её. Гласный [a] первого 1-го слога соответствует ударному [a]: $F_1=750-850$ Гц, $F_2=1400-1700$ Гц, гласные пониженного подъёма в этой позиции отмечены не были. Гласный [ə] имеет характеристики $F_1=600-700$ Гц, $F_2=1500-1900$ Гц. После мягкого согласного в 1-м предударном слоге может произноситься [и], совпадающий по характеристикам с ударным, [ea], обладающий начальным переходным элементом длительностью 25-40% от общей длительности гласного, [a], имеющий начальный *и*-образный переходный элемент менее 25% от общей длительности.

В говоре с. Присынок Губкинского р-на Белгородской области наблюдается жиздринский тип аканья и яканье шигровского типа при пятифонемном вокализме. Соотношение длительности ударного и предударного звуков, характерное для архаических типов вокализма, отчасти прослеживается в случае с ударными гласными верхнего и нижнего подъёмов: перед гласными верхнего подъёма гласный 1-го предударного слога в половине примеров превышает по длительности ударный гласный,

перед гласными нижнего подъема в 1-м предударном слоге произносится всегда менее длительный звук. Гласные неверхнего подъема в 1-м предударном слоге перед этимологическими гласными верхне-среднего и среднего подъемов длительнее ударного в 20% случаев. Гласный [а] 1-го предударного слога соответствует ударному [а]: $F_1=750-850$, $F_2=1400-1700$ Гц, гласные пониженного подъема в данном говоре не отмечаются ни в ударной, ни в безударной позиции. Гласный [э] имеет характеристики $F_1=600-700$, $F_2=1500-1900$ Гц. После мягкого согласного в первом предударном слоге может произноситься [и], имеющий меньшее значение F_2 (до 2700 Гц, в то время как значение F_2 ударного может достигать 3000 Гц), [ea], [a], имеющий начальный и-образный переходный элемент.

Известно, что южнорусские говоры с разными типами диссимилятивного вокализма, имеют разную ритмическую структуру слова – разное соотношение гласных акцентного ядра слова не только в качественном отношении, но и по длительности и интенсивности. Анализ аудиоматериала показывает, что в говоре с архаическим типом вокализма, имеющим семь фонем, последовательно прослеживается расподобление ударного гласного и гласного первого предударного слога и по другим признакам – длительности, интенсивности, в то время как в говорах с пятифонемным вокализмом данное противопоставление сходит на нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савинов Д.М. Просодия слова в южнорусских говорах с диссимилятивным вокализмом // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 1 (31). М., 2013, с.7–20.
2. Высокский С.С. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973. С. 17-41.

А. М. Красовицкий

Оксфордский университет

(Оксфорд, Великобритания)

alexander.krasovitsky@mod-langs.ox.ac.uk

О РОЛИ КОАРТИКУЛЯЦИИ В ФОНЕТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ

Положение М. В. Панова о том, что изменения в фонологической системе могут инициироваться и направляться очаговыми процессами на уровне артикуляции (Панов 1988), за прошедшие после публикации статьи три десятилетия получило новые теоретические и эмпирические подтверждения на материале различных языков (напр. Beddor 2009).

Исследование диахронических процессов, протекающих в севернорусском наречии, позволило обнаружить для ряда консонантно-вокалических сочетаний тенденцию к усилению взаимодействия целевых артикуляций гласных и соседних согласных. Такое усиление может способствовать ослаблению и последующей утрате фонологически существенных признаков гласных в ряде позиций. Одним из проявлений этого процесса является ослабление лабиализации безударных аллофонов фонемы /o/ вследствие усиливающейся адаптации к соседним зубным и переднеязычным согласным при

отсутствии аналогичного изменения в других консонантных контекстах. Данное явление отмечено только у тех обследованных севернорусских дикторов, в идиолектах которых наблюдается конкуренция двух моделей: (1) различие фонем /o/ и /a/ во всех слогах независимо от ударения (полное оканье) и (2) совпадение аллофонических рядов фонем /o/ и /a/ в безударных слогах (идиолекты переходного типа). В идиолектах, в которых вторая, более новая модель не получила развития (идиолекты консервативного типа), целевые артикуляции аллофонов /o/ демонстрируют устойчивость к целевым артикуляциям соседних согласных, в том числе в безударных слогах, и по степени лабиализации аллофоны /o/ в целом образуют намного более гомогенную группу. Отмеченное различие между консервативными и переходными идиолектами позволяет предположить, что усиление коартикуляционных эффектов в переходных идиолектах является одним из факторов, лежащих в основе процесса разрушения оканья в севернорусских говорах.

Представленные наблюдения основаны на следующих данных акустического анализа. Исследовались сочетания «согласный + безударный [o]», где согласный представлен (а) зубным/переднеязычным, (б) губным. Степень лабиализации гласного, обратно пропорциональная его сдвигу к центру трапецоида, оценивалась на основе средней величины F2: более высокие значения F2 соответствуют большей централизации и ослаблению лабиального жеста. Результаты измерений (средние значения и распределение величин) представлены на графике 1.

Сравнение консервативного и переходного типа идиолектов показало, что в переходных системах, где оканье в значительной степени подверглось разрушению, коартикуляционный эффект, связанный с воздействием зубных и переднеязычных согласных на безударные аллофоны /o/ выражен намного сильнее, чем в консервативных. Во-первых, это проявляется в существенно более высоком, чем в консервативном типе, среднем значении F2 у этих аллофонов в данном контексте. Во-вторых, как показывает график 1, разница между средними значениями F2 в губном и зубном/переднеяз. контексте в переходном типе намного больше, чем в консервативном. При этом область наложения значений F2 в обоих контекстах в переходном типе существенно меньше. Это может свидетельствовать о том, что зависимость качества гласных от консонантного контекста в переходных идиолектах намного выше, чем в консервативных. В зубных и переднеязычных контекстах это приводит, в частности к большей централизации аллофонов фонемы /o/ и ослаблению лабиального жеста.

Консерв. тип	Переходн. тип	Консерв. тип	Переходн. тип
губн. согл.	губн. согл.	зубн./переднеяз.	зубн./переднеяз.
F2: 1109 Hz	F2: 1232 Hz	F2: 1318 Hz	F2: 1567 Hz

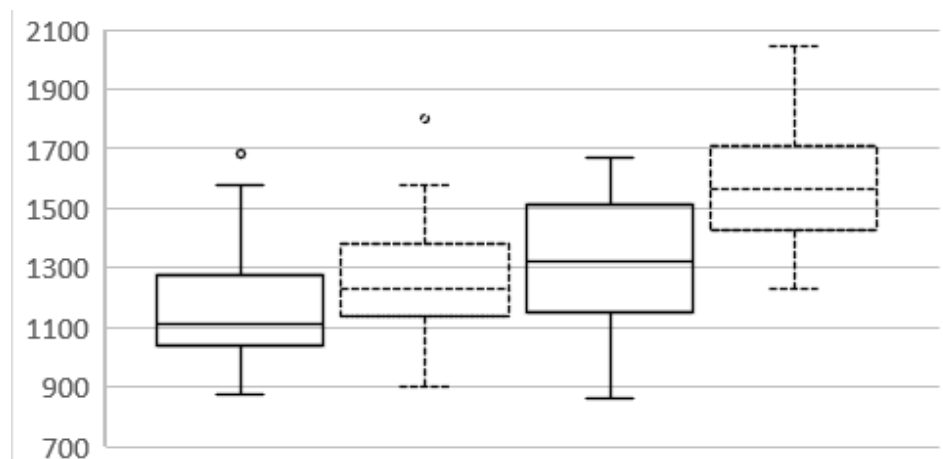

График 1. Средние значения F2 безударных [o] в консервативных и переходных идиолектах в зависимости от контекста.

Не претендуя на исчерпывающее объяснение процесса разрушения оканья в севернорусском наречии, представленный анализ инструментально доказывает связь этого процесса с усилением консонантно-вокалической коартикуляции и демонстрирует механизм воздействия позиционно обусловленных артикуляционных изменений на системные отношения внутри фонологической системы.

Данные были записаны К. Саппоком и А. Красовицким в Архангельской и Костромской областях в 2006 и 2018 гг. (www.rureg.de). Рассмотренные типы идиолектов отмечены в речи представителей старшей возрастной группы 1931-1939 гг. рожд. В идиолектах средней и младшей возрастных групп отмечена обязательная нейтрализация фонем /o/ и /a/ в безударных слогах и произношение в этой позиции нелабиализованных гласных, в связи с чем данные для этих возрастных групп в представленном анализе не использовались.

Панов М. В. 1988. О причинах фонетических изменений. // Ю. Д. Дешериев, Л. П. Крысин (ред.). *Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка*. М.: Наука, С. 41—55.

Beddor P. S. 2009. A Coarticulatory Path to Sound Change. // *Language*, т. 85, No. 4. С. 785—821.

Крылов С. А.
ИВ РАН
(Москва, Россия)
krylov-58@mail.ru

О НАУЧНЫХ ИСТОКАХ «ПОЗИЦИОННОЙ МОРФОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА» М. В. ПАНОВА

В настоящей работе делается попытка по возможности компактно ответить на вопрос, каковы же были те научные работы, которые для М. В. Панова служили «опорой» при построении его концепции позиционной морфологии. Думается, что оптимальным способом свести воедино и эксплицитно представить эти научные источники является нижеследующий авторский указатель.

Табл. 1. Авторский указатель.

Аванесов Р. И. [1902-1982] 22, 119, 135, 237, 254, 260- 261, 272	247, 257, 273	257, 274
Алпатов В. М. [1945] 271	Голанова Е. И. [1935] 160, 273	Кручинина И. Н. 211, 275
Апресян Ю. Д. [1930] 247	Даль В. И. [1801-1872] 92	Крылов Н. А. 92
Аракин В. Д. [1904-1983] 169, 170, 173	Дурново Н. Н. [1876-1937] 22, 124, 126, 232, 260, 271- 272	Кузнецов П. С. [1899- 1968] 22, 186, 226, 237, 272
Ашнин Ф. Д. [1922-2000] 271	Ермакова О. П. [1929] 273- 274	Кузьмина С. М. [1937] 257, 275
Барсов А. А. [1730-1791] 211	Еськова Н. А. [1930] 38, 274	Лихтман Р. И. [1919-?] 275
Бернштейн С. Б. [1911- 1997] 275	Земская Е. А. [1926-2012] 97, 107, 109, 111, 230, 257, 266, 274	Ломоносов М. В. [1711- 1765] 210
Бодуэн де Куртенэ И. А. [1845-1929] 14, 22, 237, 259-261, 263, 271	Иванова-Лукьянова Г. Н. [1935] 257	Мельчук И. А. [1932] 106- 107
Бромлей С. В. [1921-2012] 272-273	Ильина Н. Е. [1935-2008] 25, 32-33, 257, 274	Оливериус З. [1927-1978] 50-51
Букринская И. А. [1951] 273	Ильинская И. С. [1908- 1980] 272	Панов М. В. [1920-2001] 4, 33, 65, 160, 193, 197, 217, 249, 271, 276
Булатова Л. Н. [1919-2013] 257, 273	Кармакова О. Е. [1949] 274	Пеньковский А. Б. [1927- 2010] 53, 275
Булаховский Л. А. [1888- 1961] 65	Касаткин Л. Л. [1926] 247, 257	Петерсон М. Н. [1885- 1962] 22, 271-272
Виноградов В. В. [1894/95-1969] 127-128, 140, 146, 181, 185	Касаткина Р. Ф. [1934] 257	Пешковский А. М. [1878- 1933] 68, 127, 139, 238, 272
Винокур Г. О. [1896-1947] 39, 80, 84-88, 111, 230, 238, 272	Киреевский И. В. [1806- 1856] 128	Плотникова (Робинсон) В. А. [1925-?] 275
Воронцова В. Л. [1927- 1999] 53, 153-154, 158, 273	Китайгородская М. В. [1943-2013] 274	Поржезинский В. К. [1870- 1929] 272
Гловинская М. Я. [1936]	Клобуков Е. В. [1947] 274	Потебня А. А. [1835-1891] 238, 256
	Корш Ф. Е. [1843-1915] 260	Прутков Козьма [1803- 1863] 9, 19, 212
	Красильникова Е. В. [1939-2012] 154, 156, 158,	Пшеничнова Н. Н. [1930] 275

Реформатский А. А. [1900-1978] 22, 153, 161, 265, 272, 274	1938] 36-38, 228, 236	274
Селищев А. М. [1886- 1942] 60	Ушаков Д. Н. [1873-1942] 22, 260, 272	Шмелев Д. Н. [1926-1993] 208
Сепир Э. [1884-1939] 67	Федянина Н. А. [1936] 275	Щерба Л. В. [1880-1944] 115, 117-118
Сидоров В. Н. [1903-1968] 15, 22, 53, 134-135, 237, 271-272	Фортунатов Ф. Ф. [1848- 1914] 14, 21-22, 95, 110, 115-117, 128, 163, 172, 242-243, 254-255, 271	Юшманов Н. В. [1896- 1946] 65
Соссюр Ф. де. [1857-1913] 271	Чикобава А. С. [1898- 1985] 21	Яглом А. М. [1921-2007] 269
Сухотин А. М. [1888-1942] 5, 22, 97, 237, 271	Шапиро А. Б. [1890-1966] 161	Яглом И. М. [1921-1988] 269
Толстая С. М. [1938] 275	Шахматов А. А. [1864- 1920] 58, 60, 144	Якобсон Р. О. [1896-1982] 210-212, 236
Третьяковский В. К. [1703-1768] 183, 201, 259	Шведова Н. Ю. [1916- 2009] 224	Янко-Триницкая Н. А. [1908-1987] 174, 232, 275
Трубецкой Н. С. [1890-	Ширяев Е. Н. [1939-2003]	

Табл. 2. Хронологический указатель по годам жизни авторов.

[1703-1768]	М. (5)	Реформатский А. А. (6)
Третьяковский В. К. (3)	[1880-1944] Щерба Л. В. (3)	[1902-1982] Аванесов Р. И. (8)
[1711-1765] Ломоносов М. В. (1)	[1884-1939] Сепир Э. (1)	[1903-1968] Сидоров В. Н. (8)
[1730-1791] Барсов А. А. (1)	[1885-1962] Петерсон М. Н. (3)	[1904-1983] Аракин В. Д. (3)
[1801-1872] Даль В. И. (1)	[1886-1942] Селищев А. М. (1)	[1908-1980] Ильинская И. С. (1)
[1803-1863] Прутков Козьма (3)	[1888-1942] Сухотин А. М. (5)	[1908-1987] Янко- Триницкая Н. А. (3)
[1806-1856] Киреевский И. В. (1)	[1888-1961] Булаховский Л. А. (1)	[1911-1997] Бернштейн С. Б. (1)
[1835-1891] Потебня А. А. (2)	[1890-1938] Трубецкой Н. С. (5)	[1916-2009] Шведова Н. Ю. (1)
[1843-1915] Корш Ф. Е. (1)	[1890-1966] Шапиро А. Б. (1)	[1919-2013] Булатова Л. Н. (2)
[1845-1929]	[1894/95-1969]	[1919-?] Плотникова (Робинсон) В. А. (1)
Бодуэн де Куртенэ И. А. (8)	Виноградов В. В. (6)	[1920-2001] Панов М. В. (10)
[1848-1914] Фортунатов Ф. Ф. (16)	[1896-1946] Юшманов Н. В. (1)	[1921-1988] Яглом И. М. (1)
[1857-1913] Соссюр Ф. де. (1)	[1896-1947] Винокур Г. О. (11)	[1921-2007] Яглом А. М. (1)
[1864-1920] Шахматов А. А. (3)	[1896-1982] Якобсон Р. О. (4)	[1921-2012] Бромлей С. В. (2)
[1870-1929]	[1898-1985] Чикобава А. С. (1)	[1922-2000] Ашнин Ф. Д. (1)
Поржезинский В. К. (1)	[1899-1968] Кузнецов П. С. (5)	[1925-?] Лихтман Р. И. (1)
[1873-1942] Ушаков Д. Н. (3)	[1900-1978]	
[1876-1937] Дурново Н. Н. (7)		
[1878-1933] Пашковский А.		

[1926] Касаткин Л. Л. (2)	[1930] Апресян Ю. Д. (1)	[1936] Федянина Н. А. (1)
[1926-1993] Шмелев Д. Н. (1)	[1930] Пшеничнова Н. Н. (1)	[1937] Кузьмина С. М. (2)
[1926-2012] Земская Е. А. (8)	[1930?] Крылов Н. А. (1)	[1938] Толстая С. М. (1)
[1927-1978] Оливериус З. (2)	[1932] Мельчук И. А. (2)	[1939-2003] Ширяев Е. Н. (1)
[1927-1999] Воронцова В. Л. (5)	[1934] Касаткина Р. Ф. (1)	[1939-2012]
[1927-2010] Пеньковский А. Б. (2)	[1935] Голанова Е. И. (2)	Красильникова Е. В. (5)
[1929] Ермакова О. П. (2)	[1935] Иванова-Лукиянова Г. Н. (1)	[1943-2013]
[1930] Еськова Н. А. (2)	[1935-2008] Ильина Н. Е. (5)	Китайгородская М. В. (1)
	[1935?] Кручинина И. Н. (2)	[1945] Алпатов В. М. (1)
	[1936] Гловинская М. Я. (3)	[1947] Клобуков Е. В. (1)
		[1952] Букринская И. А. (1)
		[1952] Кармакова О. Е. (1)

Табл. 3. Распределение «рейтингов» авторов по числу ссылок в книге М. В. Панова «Позиционная морфология русского языка»

Фортунатов Ф. Ф. 16	Щерба Л. В. 3	Касаткина Р. Ф. 1
Винокур Г. О. 11	Янко-Триницкая Н. А. 3	Киреевский И. В. 1
Панов М. В. 10	Бромлей С. В. 2	Китайгородская М. В. 1
Аванесов Р. И. 8	Булатова Л. Н. 2	Клобуков Е. В. 1
Бодуэн де Куртенэ И. А. 8	Голанова Е. И. 2	Корш Ф. Е. 1
Земская Е. А. 8	Ермакова О. П. 2	Крылов Н. А. 1
Сидоров В. Н. 8	Еськова Н. А. 2	Лихтман Р. И. 1
Дурново Н. Н. 7	Касаткин Л. Л. 2	Ломоносов М. В. 1
Виноградов В. В. 6	Кручинина И. Н. 2	Плотникова (Робинсон) В. А. 1
Реформатский А. А. 6	Кузьмина С. М. 2	Поржезинский В. К. 1
Воронцова В. Л. 5	Мельчук И. А. 2	Пшеничнова Н. Н. 1
Ильина Н. Е. 5	Оливериус З. 2	Селищев А. М. 1
Красильникова Е. В. 5	Пеньковский А. Б. 2	Сепир Э. 1
Кузнецов П. С. 5	Потебня А. А. 2	Соссюр Ф. де. 1
Пешковский А. М. 5	Алпатов В. М. 1	Толстая С. М. 1
Сухотин А. М. 5	Апресян Ю. Д. 1	Федянина Н. А. 1
Трубецкой Н. С. 5	Ашнин Ф. Д. 1	Чикобава А. С. 1
Якобсон Р. О. 4	Барсов А. А. 1	Шапиро А. Б. 1
Аракин В. Д. 3	Бернштейн С. Б. 1	Шведова Н. Ю. 1
Гловинская М. Я. 3	Букринская И. А. 1	Ширяев Е. Н. 1
Петерсон М. Н. 3	Булаховский Л. А. 1	Шмелев Д. Н. 1
Прутков Козьма 3	Даль В. И. 1	Юшманов Н. В. 1
Третьяковский В. К. 3	Иванова-Лукиянова Г. Н. 1	Яглом А. М. 1
Ушаков Д. Н. 3	Ильинская И. С. 1	Яглом И. М. 1
Шахматов А. А. 3	Кармакова О. Е. 1	

Л. П. Крысин
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
leonid-krysin@mail.ru

МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ ПАНОВ: ТЕОРИЯ АНТИНОМИЙ

Применительно к русскому языку многогранное новаторство М.В. Панова проявилось в двух основных направлениях – в истолковании изменений, которые претерпел русский язык в XX веке, и в разработке методики изучения современной речи, ее “социальной паспортизации”.

Мое сообщение посвящено первому из этих двух направлений.

Что же нового внес Панов в диахроническую и синхроническую интерпретацию языковых явлений?

При ответе на этот вопрос надо обратиться к разработанной Михаилом Викторовичем теорией антиномий (т.е. постоянно действующих противоречий – движущих механизмов языковой эволюции), примененной им при описании развития русского языка послереволюционного периода - в его статьях начала 60-х годов и в ставшей широко известной не только в лингвистических кругах четырёхтомной коллективной монографии “Русский язык и советское общество”³. Пожалуй, впервые в отечественной социолингвистике с помощью этой теории были вскрыты механизмы языковой эволюции и показана социальная обусловленность действия таких антиномий, как антиномии кода и текста, системы и нормы, говорящего и слушающего, антиномия двух функций языка – информационной и экспрессивной.

Коротко каждую из этих антиномий можно охарактеризовать следующим образом.

1) Под кодом понимается набор средств, которыми располагает язык; если набор этих средств ограничен, то для того, чтобы выразить какой-либо смысл, бывает недостаточно употребить только один знак - необходимы определенные комбинации знаков этого набора: чем меньше набор (код), тем длиннее текст (комбинации знаков набора), и, напротив, чем больше набор (код), тем короче текст.

2) Система языка понимается как совокупность возможностей, которые язык предоставляет говорящим на этом языке для выражения тех или иных смыслов; однако в реальной речевой деятельности, которая регулируется определенными нормами, реализуются далеко не все из этих возможностей: норма фильтрует то, что предоставляет ей система; антиномия заключается в том, что система “разрешает” гораздо больше из того, что норма “одобряет”.

3) В процессе речевой деятельности человек исполняет попеременно роль говорящего и роль слушающего. При этом интересы говорящего и слушающего не

³ Надо заметить, что, несмотря на явно выраженную “советскость” самого названия монографии, в этом фундаментальном исследовании нет и намёка на какие-либо конъюнктурные моменты, связанные с 50-летием советской власти. Официально, по заданию Президиума АН СССР, который курировал эту работу, она приурочивалась именно к этому юбилею; о “высоком” внимании к работе свидетельствует и тот факт, что хотя и с некоторым опозданием, но в небывалом для тогдашнего издательства “Наука” темпе в течение одного года было издано сразу четыре тома монографии.

совпадают и даже противоположны: говорящий заинтересован в экономии речевых усилий, в свёртывании форм высказывания, а слушающий, напротив, хочет, чтобы всё выражаемое говорящим было максимально понятно, и, следовательно, в интересах слушающего получать эксплицитные, явно выраженные сообщения от говорящего.

4) Информационная функция языка осуществляется с помощью регулярных, повторяющихся, стандартных средств, а экспрессивная, напротив, обеспечивается средствами необычными, нерегулярными, выбивающимися из стандарта; в речевой деятельности человека и в функционировании языка две эти тенденции постоянно сталкиваются, конкурируют и даже конфликтуют.

Рассмотрение тех изменений, которые пережил русский язык в XX веке, с точки зрения теории антиномий позволило не только найти общие тенденции и закономерности в эволюции разных участков языковой системы – в фонетике, лексике, грамматике, – но и показать обусловленность действия антиномий определенными социальными факторами и зависимость этого действия от характера социальной среды говорящих.

Далее в докладе рассматриваются особенности изменений в русском языке XX века, интерпретация которых органически связана с теорией антиномий.

Е. Ю. Кукушкина
(Москва, Россия)
helenaqq@inbox.ru

ЖАНР РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА: СОВРЕМЕННЫЙ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Термин «речевой портрет» понимается здесь достаточно узко – как портрет одного текста, хотя и пространного. Речь идет о книге искусствоведа Ю.Я. Герчука «Фаворский» (2018). В нашем понимании речевой портрет текста предполагает ответ на три вопроса: образ автора, образ адресата текста и речевые средства, формирующие образ «героя» текста, в данном случае художника и теоретика искусства В.А. Фаворского.

Книга Герчука является искусствоведчески научной и лирически художественной одновременно. Эта двойственность заявляет о себе уже во «Вступлении», в формулировке цели автора: «"Путеводителем по Фаворскому", введением в художественный мир этого глубокого мастера и хочет быть эта книга». Присущее научному стилю безличное изложение или обезличенное «мы» заменено здесь поэтическим олицетворением книги.

Адресат книги не обозначен непосредственно, его образ складывается постепенно, в том числе через своеобразное употребление «мы» включающего, что предполагает читателя – единомышленника автора. Так, в описании гравированного натюрморта с книгой на переднем плане читаем: «Нам не дано узнать, о чем она». Нам – это автору и его читателям.

Главный герой текста, В.А. Фаворский, работал во многих областях изобразительного искусства, но более всего известен как ксилограф и художник книги. Естественно, что в монографии Герчука присутствует терминология, относящаяся к этой области культуры, прежде всего термины книжного дела и полиграфии: *сторонка, обложка* (в противопоставлении *переплету*), *шмуцтитул, форзац верхний, форзац нижний, книжный блок, спусковая полоса*, а также термины книжного дизайна, например, *книжный ансамбль*. Эта терминология дается без расшифровки, а значит, автор предполагает, что читатель с ней знаком. Иначе обстоит дело с терминами, относящимися к искусству деревянной гравюры. Здесь автор начинает с экскурса в историю, одновременно объясняя, что такое *обрезная гравюра, торцовая гравюра, черный штрих, белый штрих* и подобное.

Важное место в книге занимает искусствоведческая терминология, которой оперировал сам Фаворский. Именно об этом пишет Герчук: «Чтобы быть воспринятыми полноценно не только в их внешнем, сюжетном содержании, его произведения нуждаются в пояснениях, быть может даже в каком-то словаре "фаворского языка"». Важнейшими категориями «фаворского языка» являются *предмет* и *пространство*. Через них Фаворский дает определение книги: книга – это предмет, «кирпичик на нашем столе», и в то же время книга – это «изображение пространственными средствами временного литературного произведения».

Активен в тексте Герчука и термин *система*, чрезвычайно важный для М.В. Панова: «собственная система графических символов» Фаворского, «композиционная система Фаворского», «он строил собственную систему знаков и их значений». Ср. также: «понять шрифт как закономерную целостную систему, во всем объеме его многообразных назначений, свойств и возможностей».

Подведем итог. Книга – это поле, где соприкасаются и пересекаются искусство слова и искусство изображения. Лингвист М.В. Панов, говоря о поэзии, апеллировал к образам, взятым из сферы изобразительного искусства. Вот пример: «Если поэзия "прежних" поэтов (пристрастных к стихии согласных) вызывала представление о графике, то "новые" поэты скорее заставляют вспомнить о живописи». Искусствовед Ю.Я. Герчук открывая книгу, посвященную В.А. Фаворскому, использует одно из базовых языковедческих противопоставлений язык vs речь: «Художественный язык Фаворского, его отточенно строгая и возвышенная пластическая речь <...> только кажутся простыми и общепонятными».

Так язык, речь, изображение и книга связывают творчество трех замечательных деятелей русской культуры XX и отчасти XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

Герчук Ю.Я. Фаворский. М.: РИП-холдинг, 2018.

Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / Ин-т русс. языка АН СССР; отв. ред. Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1990.

А. С. Кулева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
an_kuleva@mail.ru

СНИЖЕННАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ 8 Т. «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»)

«Словарь языка русской поэзии XX века» [СЯРП] – сводный словарь поэтического языка конкретной эпохи, совмещающий в себе черты конкорданса и толкового словаря, – содержит все контексты (по выбранным источникам) стихотворений десяти русских поэтов Серебряного века: Анненского, Ахматовой, Блока, Есенина, Кузмина, Мандельштама, Маяковского, Пастернака, Хлебникова, Цветаевой. В основе СЯРП лежат идеи экспрессемы и «самовитого слова» [Григорьев 1979].

Словарные статьи дают возможность судить и об истории слова в языке эпохи, и о «приращениях смысла» слова в поэтическом языке. Особый интерес представляет анализ отдельных пластов лексики в сопоставлении с общенациональным языком, в частности – сниженной лексики (которая маркируется пометами Разг., Прост., а также Обл.). Очевидно, что не имеет смысла автоматически присваивать слову помету современного толкового словаря: язык Серебряного века отделен от нас столетней дистанцией (поэтому основным лексикографическим ориентиром служил [СУ]), не говоря уже о специфике поэтической речи. С другой стороны, анализ поэтических контекстов дополняет существующие словари, помогая понять изменения в стилистической стратификации лексики. Важным источником для сопоставительного анализа служит [НКРЯ].

В поэтическом языке разграничивать разговорную и просторечную лексику непросто, тем более что в идиостиле каждого автора стилистические границы индивидуальны. Для стилизации просторечия или фольклора может использоваться индивидуально-авторская лексика, а единицы общенационального языка могут использоваться в новых значениях. В ходе работы над очередным томом СЯРП постановка стилистических помет нередко требовала дополнительных исследований.

Сниженная лексика составляет сравнительно небольшую, но яркую часть поэтического словаря: в т. VIII [2019] из ок. 2750 словарных статей на букву С разговорных лексем 171, просторечных 130 (и 35 областных; соответственно 6%, 5% и 1%); из ок. 800 словарных статей на букву Т разговорных лексем 63, просторечных 39 (11 областных; соответственно 8%, 5% и 1%).

В большинстве случаев это слова редкого употребления (разг.: смолчавши, смутьян, сногшибательный, сносный, совеститься, танцорша; прост.: смутьянщик, солдатё, сосвежу, схолодеть, тишать), но есть и более частотные (разг.: сперва, спозаранку, тамошний (ср. обл. тамотка), прост.: спятить, старшой, теперича, товарка). Некоторым словам приписываются двойные или уточняющие пометы: сомлеть, сродник, сродничек (устар. и прост.), стервец, стервоза (прост. бран.).

Помета может относиться и к отдельной грамматической форме, произносительному варианту или к одному из значений многозначного слова. В таком

случае эта форма или значение выносятся в зону значения словарной статьи (тащить [тж разг. красть, воровать]), в больших статьях соответствующий контекст сопровождается комментарием: (сорт [здесь: мн. сорта; прост.]; тащить [здесь: повел. тащ; прост.]).

Предсказуемо частое использование сниженной лексики такими авторами, как Есенин, Маяковский, Пастернак, Цветаева (но не Ахматова и Блок), привлекает внимание подобная лексика у Анненского, Кузмина и Мандельштама.

В лексикографической работе правильная постановка стилистических помет остается одной из существенных проблем. Изучение функционирования стилистически окрашенных слов в поэтической речи в сопоставлении с их эволюцией в общенациональном языке придает этой проблеме дополнительное измерение.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В.П. Поэтика слова. М., 1979.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // <http://www.ruscorpora.ru>.

СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века / Отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. Том I–VIII. М., 2001–2019.

СУ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1935–1940.

Е. М. Лазуткина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

lazutkelen@yandex.ru

МОРФЕМНЫЙ СОСТАВ СЛОВА И ЕГО СМЫСЛ

Проблемы слова, его значения и типы («степени») его грамматической оформленности были центральной темой работ М. В. Панова. Он считал, что «языковое поведение» слова – его членимость, парадигматические связи, словообразовательные модели и синтагматические свойства – являются неотъемлемыми свойствами его номинативной сущности.

I. Правописание слова с грамматическим средством «законченности» и его внутренняя форма.

1) Топонимы *Брянщина, Владимирщина, Вологодщина, Полтавщина, Смоленщина, Детчина* (от словосочетания *Детская земля*) образуются от прилагательных с суф. -ск-, а опосредствованно мотивированы существительными, представляющими собой географические или этнические наименования. Суффиксы *-щин(а) /-чин(а)* обуславливают появление в слове флексии *-а* – и его квалификацию как существительного женского рода.

Написание этих топонимов с флексией *-о* – *Сабуровщино, Детчино* – свидетельствуют о нарушении нормы, о потере внутренней формы наименований. Топоним с флексией *-о*, как приложение (при согласовании с родовым словом *село*),

входит в иной парадигматический ряд - в разряд слов среднего рода с суффиксом *-ино*, например: *Гуцино, Пуцино, Роцино*.

2) «Средство законченности» может стать базой новой смысловой сферы, образного стилистического средства. Ср. случаи оформления одушевленного существительного как существительного (или местоимения) среднего рода – с флексией *-о*; например: *блондинко, мужчино, оно, это*. Внутренняя форма этих лексем обусловлена отрицательной оценкой говорящих. Так, например, муж актрисы Натальи Андрейченко сказал ее бывшему мужу М. Дунаевскому: «Я на тебя подам в суд, потому что ты не предупредил меня, что даешь мне *это*».

3) Распространение в просторечии диалектных существительных женского рода, обозначающих плоды сельскохозяйственных культур, – *абрикоса, семечка*, – вместо существительных мужского или среднего рода *абрикос, семечко* (ср. название подсолнечного масла «*Золотая семечка*») поддерживается ассоциативными связями этих слов с названиями плодов женского рода в литературном русском языке *вишня, черешня, слива, черника, голубика, морошка*.

П. М. В. Панов подчеркивает такое качество слов, образованных из разных морфем, как фразеологичность: «оно (значение слова) обычно уже, чем совокупное значение морфем».

Ср. «внешнее» и «внутреннее» грамматическое оформление слова.

1) Лексикализация комплекса «отрицание + глагол» в конструкциях с бытийным значением - с ассертивным смыслом: *Старуха его работа санитаркой в больнице, поэтому спирт у них никогда не переводился* (С. Соколов), т.е. был в наличии; *Пускай говорит. От его слов тебя не убудет!* (А. Островский); *Улыбка не сходила с его лица; Вчерашний случай не идет из головы*.

2) Прилагательные с отрицательной частицей «не» с ассертивным смыслом: *неприятный запах, невидимый соперник, непромокаемый плащ, незнакомый посетитель*.

III. Проявление внутренней формы слова в его морфологической парадигме и в словообразовательном деривате.

Примером могут служить русские фамилия, изменяющиеся по смешанному склонению с суффиксом *-ин*, совпадающие с формами притяжательных прилагательных. Особенностью их склонения является тождественность форм флексиям прилагательных; например: *с Павлом Заботкиным, с Александром Зацепиным*. Прилагательные, мотивированные этими именами собственными, имеют суффикс *-ск-*, который в русском языке представлен следующими морфемами: *-ск-, -еск-, -ическ-, -овск-*. Выбор морфа при образовании прилагательного обусловлен морфемным членением фамилии. В данном случае это морф *-ск*: *заботкинский, зацепинский*.

Иноязычные имена собственные типа *Чарльз Дарвин, Джон Дурбин* не имеют морфемного членения. Они входят в систему словоизменения и словообразования русского языка как единые корневые морфы, поэтому фамилии *Дарвин, Дурбин* изменяются как существительное мужского рода с нулевым окончанием – по I склонению твердой разновидности: *с Дарвином, с Дурбином*. При образовании прилагательного используется морф *-овск-* того же суффикса *-ск-*: *дарвиновский, дурбиновский*.

А. С. Лебедев¹, В.А. Плунгян²
МГУ им. М.В. Ломоносова¹, ИРЯ РАН²
(Москва, Россия)

lebedev_a_s@rambler.ru¹, plungian@gmail.com²

ДЕКУМУЛЯЦИЯ В РУССКОМ СЛОВОИЗМЕНЕНИИ И НЕКОТОРЫЕ ИННОВАЦИИ В СКЛОНЕНИИ МЕСТОИМЕНИЙ

Понятие декумуляции было предложено для описания ряда не вполне стандартных диахронических процессов во флективных словоизменительных парадигмах, которые приводят к появлению элементов агглютинативной морфологии (не разрушая флективный характер словоизменения радикально). На существование таких процессов внутри давно сложившихся флективных систем спорадически обращали внимание исследователи индоевропейских языков – греческого [Karatsareas 2016], армянского [Плунгян, Семёнова 2016], иранских и др. (см. также общий обзор проблемы в [Adrados 1989] и особенно [Igartua 2015]). О декумуляции в истории русского именного словоизменения, по-видимому, один из первых упомянул Р. Якобсон ([1958/1985]; ср. также [Зализняк 1967/2002]), рассматривая экспансию элемента *-a-* в формах множ. числа как (слабую) тенденцию к выделению единого плюрального показателя для всех типов склонений в подавляющем большинстве падежных форм (ср. ряды типа *домá ~ домам ~ домах, колёса ~ колёсам ~ колёсах* для форм мужского и среднего рода; важным фактором в рассуждениях Якобсона было появление плюрального *-a* в форме им. множ., объединяющее такие не вполне однородные случаи, как *колёса, имена, домá* и *стулья*).

Наблюдения над современным русским языком (прежде всего, на материале спонтанной электронной коммуникации) позволяют обнаружить совершенно новые случаи декумуляции в русском склонении, затрагивающие вопросительные местоимения *кто* и (в меньшей степени) *что*. Как известно, у этих местоимений отсутствует противопоставление форм ед. и множ. числа (что типологически достаточно частотно). Однако яркой инновацией современного языка (впрочем, прослеживаемой и как минимум в отдельных текстах XIX в.) являются морфологически самостоятельные формы множ. числа этих местоимений. Наиболее частотна форма твор. множ. *кеми*: она встречается во множестве современных текстов неформального регистра (типичный пример: *Видимо, я в нем агрегирована. И даже знаю с кем. Точнее, с кем.* [блог 2010 г., автор 1965 г. рождения]). Спорадически эта форма проникает даже в нормированную письменную речь, включая тексты таких рафинированных авторов, как, например, О. Чухонцев (*Кто тут мёртвый, а кто живой? Перед кем держать ответ? // Смотришь в сумерки и не видишь, свои ли, чужие лица: // и этот берег, и дом с верандой – плацдарм, которого нет, // и запах молодости и йода – всё уже за граница.* [Закрытие сезона, 1996]). Структура словоформы *кеми* явным образом агглютинативна; кроме того, ее поддерживает параллелизм форм *тем ~ теми* (сочетания типа *с теми, с кем* также высокочастотны; встречается и форма *чеми*).

Существенно менее частотной, но вполне надежно засвидетельствованной является также удивительная форма род./предл. множ. *кех* (типичные контексты: *Это стиль дискуссии такой, или все ж таки гордыня? Не будем тыкать ногтями в этих кое-*

кех. [блог 2004 г., автор 1971 г. рождения]; В связи с общепринятым курсом страны и недавней сменой владельца VK на сами знаете кого (или кех) [блог 2014 г.]. Здесь нет оснований говорить о декумуляции, это флективная форма множ. числа (построенная по образцу формы тех). Аналогично обстоит дело и с формой дат. множ. кем, ср.: <...> именно он проводит экспансию планеты, природы, точно так же он относится и к женщинам – как к кем-то, кто стоит ниже, чем он [блог 2015 г.]. Встречаются и ещё более маргинальные формы (например, им. множ. кте), так что в целом последовательная тенденция к созданию полноценной числовой парадигмы для лексемы кто по образцу местоимения тот в спонтанной устной речи сомнению не подлежит.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк, А. А. 1967/2002. О показателях множественного числа в русском склонении // А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию). М.: ЯРК, 545–549.

Плунгян, В. А.; Семёнова, Кс. П. 2016. К типологии древнеармянской именной парадигматики: Instr.Pl. // Вопросы языкознания, 5, 103–118.

Якобсон, Р. О. 1958/1985. Морфологические наблюдения над славянским склонением // Р. О. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985, 176–197.

Adrados, F. R. 1989. Agglutination, suffixation or adaptation? For the history of Indoeuropean nominal inflexion // *Indogermanische Forschungen*, 94.1, 21–44.

Igartua, I. 2015. From cumulative to separative exponence in inflection: Reversing the morphological cycle // *Language*, 91, 676–722.

Karatsareas, P. 2016. Convergence in word structure: Revisiting agglutinative noun inflection in Cappadocian Greek // *Diachronica*, 33.1, 31–66.

Тамара Павловна Лённгрен

Университет Тромсё – Арктический норвежский университет

(Норвегия, Тромсё)

tamara.lonngren@uit.no

У ИСТОКОВ УКРАИНСКОЙ ФОНОЛОГИИ: «ПРЕСТУПНИЦА» ЯЗЫКОВЕД ОЛЕНА КУРИЛО

В рецензии на книгу «Дело славистов» М. В. Панов писал, что трагедия науки и людей науки возникает тогда, когда она оказывается в плену антинауки, массовой невежественности, партийной тупости, идеологической одержимости. Одной из задач радетелей за «единственно правильную идеологию» было уничтожение самого верха науки, наиболее талантливых, наиболее влиятельных ее создателей.

Зарождение фонологии в Украине началось в 1920-е годы и было связано с именами трех талантливых исследователей, уничтоженных репрессиями: Олены Курило, Олексы Синявского и Евгения Тимченко. Обвинения были чудовищными: О. Курило обвинялась в «ведении антисоветской линии», которая заключалась в том, что она в своих книгах не сближала нормы украинского языка с нормами русского языка.

Работы О. Курило разделяются на четыре цикла. Начало ее научной деятельности связано с интересом к нормализации украинского литературного языка, стилистике, терминологии. С 1918 по 1924 год она написала начальную грамматику украинского языка, выдержавшую несколько переизданий, две обстоятельные рецензии на учебники украинского языка и составила словарь химической терминологии. Начиная с 1924, ее увлекает сбор диалектного и этнографического материала. Она разработала оригинальную программу для сбора этнографических материалов (1923), описала фонетические и морфологические особенности говора села Хоробричи (1924), опубликовала материалы по украинской этнографии и фольклористике (1928) и написала статью о молдавской диалектологии и фольклористике (1930).

На прочной основе собранного диалектного и фольклорного материала О. Курило переходит к изучению истории украинского языка, особое внимание при этом уделяет истории звуков. Исследовательница внесла большой вклад в развитие украинской науки о языке, о чем свидетельствуют ее работы о процессе монофтонгизации черниговских дифтонгов (1925), об условиях развития диссимилятивного аканья (1928), о процессе замены *e*, *o* в новых закрытых слогах в группе северных украинских диалектов (1928), об украинских формах с безударным на месте этимологического *o* (1928) и др.

Однако для решения проблем украинского языкознания только фактического материала было недостаточно. Остро ощущалось отсутствие надежного теоретического и методического обоснования. Как следует из недавно обнаруженной переписки, сложные вопросы теории украинская исследовательница обсуждала с норвежским славистом Олафом Броком.

Из всех украинских языковедов того времени О. Курило проявляла наибольший интерес к вопросам теоретической фонетики и зарождающейся фонологии. Ее публикации свидетельствуют не только о том, насколько глубоко она знала и понимала работы предшественников и современников, но и дают хорошее представление, на основе каких взглядов и как формировалось ее понимание фонемы.

По определению О. Курило, изложенном в одной из последних ее работ «До поняття “фонема”» (1930), звук речи является акустическим выражением суммы всех физиологических моментов, задействованных в создании звука. Мы различаем звуки ударные и безударные, длинные и короткие. Фонема в ее интерпретации является кратчайшим отрезком языка, звуковым типом, который существует в языковом сознании членов определенной языковой группы и может дифференцировать слова. Научная значимость фонемы заключается в ее принадлежности к системе фонем. Характерным признаком системы фонем является взаимоотношение между фонемами, а выяснение этих противопоставлений – это обязательный элемент определения системы фонем данного языка.

Олена Курило создала оригинальную модель описания системы фонем украинского языка благодаря сочетанию психофонетики и элементов структурной лингвистики. Эта модель была новаторской для своего времени и могла бы внести весомый вклад в развитие современной фонологии, если бы ее создательница, «преступница» Курило, не исчезла бесследно после восьми лет лагерей, а ее труды надолго не оказались под строгим запретом из-за содержащейся в них «антисоветской линии».

Е. В. Маринова
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова,
(Нижний Новгород, Россия)
marinova@list.ru

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ: ТИПОЛОГИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

1. Вслед за М.В. Пановым под аналитическим прилагательным (АП) понимается языковая единица, обозначающая непроцессуальный признак и выполняющая в пост- или препозиции (при любом варианте написания, включая слитное) атрибутивную функцию по отношению к имени существительному. В научной литературе АП называют также неизменяемыми прилагательными, прилагательными с нулевым склонением, аналит-прилагательными, аналитами.

В докладе рассматриваются **собственно** аналиты, а именно такие АП, для которых атрибутивная функция в системе современного русского языка является единственной или основной (в отличие от АП, омонимически совпадающих с именами существительными). Напр.: *арт-*, *гала-*, *фри* и др. Класс таких АП активно пополняется в последние десятилетия за счёт заимствований, однако некоторые аналиты образуются на русской почве (путём усечения обычного изменяемого прилагательного: *вирт-* ← *виртуальный*, *лингво-* ← *лингвистический*).

2. Среди АП выделяются **мотивированные** и **немотивированные** единицы. Мотивированные аналиты соотносятся по морфемному составу с другими словами русского языка – прежде всего прилагательными: *кибер-* (ср. *кибернетический*), *поп-* (ср. *популярный*), *евро-* в *евроальянс* (ср. *европейский*), а также *арома-*, *демо-*, *комби-*, *космо-*, *симфо-*, *этно-*, *эко-* и др. Немотивированные АП не имеют таких связей: *топ-*, *фито-*, *трелл-* и др.

М.В. Панов считал одним из «сильных», релевантных признаков АП его возможность сочетаться с неограниченным рядом существительных (Панов 1960; Панов 1971). По нашим наблюдениям, большинство мотивированных аналитов имеют **регулярный** характер, т.е. употребляются в сочетании более чем с одним существительным. Некоторые из них являются **высокочастотными** (*евро-*, *авто-*, *вело-*, *нарко-*, *спец-*, *теле-*, *фото-* и др.).

Немотивированные АП, напротив, очень часто представляют собой **уникальные** единицы (встречаются в сочетании только с одним существительным): *ток-* (*ток-шоу*); *хард-* (*хард-рок*) и др. Согласно тезису М.В. Панова о «свободной сочетаемости» АП, такие лексемы преждевременно относить к данному классу слов. Однако граница между регулярными и нерегулярными определителями очень подвижная: уникальность аналита может быть временным явлением, о чём свидетельствует история АП *блиц-*, *нейл-*, *смарт-*, *фри* в русском языке (подробнее: Marinova 2017).

3. Подавляющее большинство собственно аналитов **непродуктивны**: они не имеют производных, что объясняется как особенностями их семантики (значение относительного признака), так и особенностями структуры (напр., конечный гласный

или хиатус в конце слова). Тем не менее единичные случаи деривации на базе АП наблюдаются, см.: *инстантный* от *инстант* ‘быстро растворимый’; *премиумный* от *премиум* ‘высшего качества, первосортный’; *онлайновый* от *онлайн*. В результате в языке появляются конкурирующие лексические единицы тождественной семантики.

4. В грамматическом поведении АП важным является способность некоторых лексем употребляться в функции имени существительного. Так, напр., к анализам восходят существительные *арт, аудио, веб, видео, вин(ы)* и др. В случае регулярности использования анализа в русской речи, тем более его высокой частотности, происходит что-то вроде высвобождения анализа из серии одномодельных сочетаний «АП + сущ.» с последующим формированием лексической семантики, отличной от семантики исходного АП. Если же анализ нерегулярный, т.е. «серийности» не наблюдается, можно говорить об усечении второго компонента сочетания или стяжении: *прайс-лист* → *прайс*, *кавер-версия* → *кавер*. Образованные таким способом существительные тождественны по семантике всему исходному сочетанию «АП + сущ.». Это скорее варианты таких сочетаний.

5. Предварительные выводы. АП как особый класс слов современной русской лексики включаются в своеобразные парадигматические и эпидигматические связи с другими единицами языковой системы. Особенности функционирования АП в русской речи, обусловленные этими связями, свидетельствуют о проявлении тенденции к множественности наименований одного и того же объекта, действующей в современном русском языке новейшего периода.

Н.Б. Мечковская
Белорусский государственный университет
(Минск, Беларусь)
nina.mechkovskaya@gmail.com

ОБРАЗНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЗВУКИ РЕЧИ, СЛОВА И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ (К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СТИЛЯ М.В. ПАНОВА)

1. Лексико-фразеологическое и образное богатство лингвистического языка М.В. Панова замечается сразу. Как и необыкновенная живость, легкость письма и его модальное разнообразие. Как и умение увидеть глубину и загадку в том, что прежде казалось простым и ясным. Как и учительское умение увлекать поиском разгадок – «художественный прием детективного уклона» (слова А.А. Реформатского об этой грани мастерства Панова). Уникальность лингвистического письма Панова состоит в соединении высокого профессионализма и энергичной авторской речи, которая «одушевляет» свой предмет, помогая и автору и читателю в осознании природы языка и логики мысли.

Задачи доклада состоят в том, чтобы показать предметно-семантические типы метафор (в широком смысле термина) в лингвистических текстах Панова в зависимости от соотношения темы образа (поясняемый предмет мысли) и ремы образа (слово, поясняющее предмет).

2. В зависимости от того, насколько полно образное переименование охватывает изображаемый или поясняемый предмет, метафоры образуют некоторую градацию. В максимальном случае имеет место полное переименование: тема дана имплицитно, рема вытеснила тему в глубинный синтаксис. Так, в заглавии статьи «*Русские гласные, просеянные сквозь испанское фонетическое сито*» (1971) понятие ‘фонетическая система’ испанского языка при ее интерферентном взаимодействии с русской фонетикой (в речи испаноязычного студента, изучающего русский язык) названо (по функциональному сходству) «*фонетическое ситом*»; при этом русские гласные, которые «просеивают сквозь сито», слегка уподобляются чему-то такому, что с помощью сита сортируется (зерно, крупа); ср. также *фразеологические капризы* (1956) *суффиксальности* (как обозначение ‘фразеологичности (или идиоматичности) суффиксальных производных’).

3. Меньший, но всё же значительный охват характерен для рем, выраженных смысловым компонентом именного сказуемого (*Орфоэпия обращена к массам, она – ширпотреб* (1979); меньший – если рема находится в позиции глагольного сказуемого (*Лабиялизованность в безударных слогах, увы, вымирает*» (1971); еще меньший – если это второстепенные члены предложения: *неразборчивая пестрота просторечия* (1990), *внимание к фонетической “плоти” языка* (1971).

3. Репертуар тем образного лингвистического письма Панова соответствует предметам его книг и статей, поэтому их можно представить в соответствии с уровневой отнесенностью и далее к более широким темам лингвистики: 1) звуковой уровень, 2) морфемика и словообразование, 3) грамматика, 4) лексика и фразеология, 5) язык и речь, б) история и методология лингвистики. Тексты на фонетико-фонологические темы насыщены образами в большей мере, чем тексты другой тематики; образность в целом не характерна для разделов М.В. Панова в коллективных работах. Однако это не касается статей Панова в лингвистических энциклопедиях для юношества (1984, 2006).

4. В семантике рем образного письма Панова первенствует одушевление (анимизм и олицетворение) неодушевленных и нередко нематериальных сущностей; но есть и ремы из области природы (живой и неживой), механики, техники, математики. У звуков и фонем под пером Панова появляются признаки не только живых существ, но именно людей: они говорят, спорят, конкурируют, капризничают: *Мягкий [согласный] передает свою мягкость соседу; [ж’:] в русском языке дышит на ладан* (1988); взаимоотношения фонемы и звука представлены как подлинная драма: *страстной путь, которым прошел звук, представляющий фонему, к тяжелой, к ущербной роли варианта*. Ср. также ремы при характеристиках единиц и процессов более сложных, чем фонетические: *Точное указание на падеж перелagается «с плеч» слова на «плечи» предложения* (2006); *Может быть, местоимения здесь плохие судьи, им не по силам различить то, что различно в существительных?* (2006); *узус строит козни системе* (1988). Образы природы обычно связаны с изображением стихийных и долговременных языковых процессов: *«Потом такое произношение быстро схлынуло* (1988); *Свободные отношения окаменевают, превращаясь во фразеологические* (1956). Образы механики и техники привлекаются для пояснения многокомпонентных или ступенчатых процессов в лингвистической динамике или диахронии.

5. Конкретные факты образного представления лингвистических понятий у Панова нередко связаны с разными интенциями автора и разными аспектами его личности, поэтому они соединяют в себе в разных пропорциях ряд функций или задач. Образ – это кратчайший путь к уму и сердцу читателя, помогающий ему чувственно-наглядно представить фрагмент действительности. Но образ нужен и самому автору: обогащая сознание ассоциациями, образ развертывает и продвигает собственную мысль автора. У Панова, продолжателя ОПОЯЗА, образ – это еще и остранение лингвистического письма, знак художественного и игрового начала, оживления речи, шутки посреди серьезного разговора, удовольствия от работы со словом, от знания его граней и возможностей.

Особенно богаты психологическими и культурными ассоциациями образы и аналогии М.В. Панова, связанные с историей и методологией лингвистики.

Е. А. Нефедова
МГУ им. Ломоносова
(Москва, Россия)
eanefedova@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРОВ: ДИАЛЕКТ – РЕГИОЛЕКТ

Внимание М.В. Панова к особенностям диалектной речи ярко проявилось в его монографии «История русского литературного произношения XVIII-XX вв.», где имеется раздел «Влияние диалектов». В этом разделе затрагивается вопрос об отношении к современным диалектам, об уместности их использования в семье, среди односельчан, а также рассматриваются южнорусские и севернорусские фонетические диалектизмы, обнаруженные в произношении известных поэтов при чтении ими своих стихов.

В докладе будут рассмотрены некоторые особенности современных говоров в аспекте их динамики. Материалом для анализа послужили данные картотеки «Архангельского областного словаря» в ее бумажном и электронном варианте, 1-20 вып. этого Словаря, а также электронные записи архангельских говоров 1990 - 2010 г.г.

В современных русских говорах протекают эволюционные процессы, в результате которых складываются новые формы диалектного общения. Говоры утрачивают яркие диалектные черты, но при этом сохраняют свою территориальную окрашенность. Это касается всех уровней диалектного языка: фонетики, грамматики и лексики.

Некоторые пласты лексики говора характеризуются относительно хорошей степенью сохранности. К ним можно отнести, например, лексику природы: названия рельефа, осадков, ветров, грибов, растений, насекомых и т.д. Народная таксономия объектов не разрушается и не подвергается заметному влиянию литературного языка в силу необходимости лексических средств, с большой подробностью представляющих практически важные области жизни человека.

В говорах сохраняются также особенности объема и содержания универсальных базовых понятий общечеловеческой значимости. Своеобразие категоризации окружающего мира

представлено в содержании таких концептов, как ВРЕМЯ, ПОГОДА, ЖИЗНЬ [Нефедова 2008], ДУХ и ДУША [Нефедова 2018], СВОБОДА и ВОЛЯ [Нефедова 2012], СТЫД и СОВЕСТЬ [Редько 2019] и др. Причина устойчивости диалектов к влиянию литературного языка в подобных случаях объясняется несовпадением когнитивной сети, через которую «пропускается» действительность носителями говоров и литературного языка, своеобразием диалектной картины мира.

Вместе с тем, в настоящее время уходят в пассивный запас и постепенно утрачиваются многие слова, связанные с обозначением реалий старого, фактически уже разрушившегося традиционного крестьянского уклада. Это прежде лексика терминологическая, связанная с традиционными народными промыслами, обрядами и обычаями. В этих условиях на первый план в реальной коммуникации выдвигается лексика *разговорно-обиходного характера*, употребляемая в повседневном общении носителей диалекта. Эта лексика обслуживает сферу межличностных отношений в узко ограниченном коллективе (семья, соседи), что определяет ее высокий экспрессивный тонус.

Разговорно-обиходной лексике, которая складывается во многом из лексических и семантических *вариантов общерусских слов* или региональных слов, образованных *из общерусских морфем* по продуктивным словообразовательным моделям, свойственна формальная и семантическая вариативность, поддерживаемая устной формой существования говоров, отсутствием в них кодифицированной нормы. Коммуникативная значимость обиходно-разговорной лексики является одной из отличительных особенностей современных говоров, в которых складываются новые формы речевого общения. Разговорно-обиходная лексика диалекта имеет много общего с лексикой просторечия и разговорного литературного языка, но при этом обладает и местной, локальной спецификой. Именно эта лексика (наряду с изменениями в области фонетики и грамматики говоров, о которых также пойдет речь в докладе) определяет своеобразие современных говоров, динамика которых дает основания говорить о формировании *региолектов* как новой формы диалектного общения.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельский областной словарь. Вып. 1 - , М., 1980-
- Нефедова Е.А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., Макс-Пресс, 2008.
- Нефедова Е.А. ДУХ и ДУША: общерусские слова в системе диалекта / Материалы Международной лингвистической конференции «Русская лексика: история и современность». Будапешт, 20-21 октября 2017 г. *Studia Russica XXVI. Budapest, 2018.*
- Редько Н.В. СОВЕСТЬ как традиционная доминанта русской национальной картины мира / Мир русского слова, 2019.

К ИЗУЧЕНИЮ ВАРИАТИВНОСТИ В ОРФОГРАФИИ

В истории русской орфографии существовало различное отношение к орфографическим вариантам. Некоторые ученые до Грота и сам Я.К. Грот не отрицали возможность двояких написаний в тех случаях, когда они вызваны реальными противоречиями в языке. Иное отношение к вариативности на письме закрепилось с принятием свода правил 1956 года и с установлением строгого орфографического режима в школьном обучении. И до сих пор господствует мнение, что вариативность несвойственна русской орфографии. Орфографические варианты остаются в целом за рамками внимания лингвистов как явление, подлежащее унификации. Отсутствует понимание различий между лингвистически обусловленной орфографической вариативностью и орфографическим разнобоем. Существующие современные работы о вариантах письма демонстрируют лишь начальные подступы к этой теме.

Между тем орфографическая вариативность – явление сложное и неоднородное, и тем самым нуждающееся в детальном изучении. Вариативность в орфографии может быть:

- узуальная и кодифицированная (последнее крайне редко);
 - свободная, допустимая и nereкомендуемая (первое и второе редко);
 - относящаяся к буквенной передаче, к небуквенным знакам и к буквенному регистру;
 - категориальная (затрагивающая целую категорию орфографических явлений) и частная;
 - лексическая (касающаяся целого слова) и морфологическая (относящаяся к словоформе);
 - словарная и контекстная (зависящая от контекстного окружения слова);
 - собственно орфографическая и фонетико-орфографическая
- и др.

Примером сложной и неоднородной орфографической вариантности может служить ситуация в области регистровых различий. Употребление прописной / строчной графемы зависит от множества факторов, еще недостаточно изученных, в том числе семантической многозначности номинации, сложности структуры (неоднословной или дефисной), влияния дискурса. Многозначность усложняет идентификацию лексической единицы, сложносоставность связана с разграничением типов собственных имен (собственно онимов и составных наименований), влияние дискурса требует характеристического анализа текста, в котором употреблено данное наименование. Все это способствует возникновению колебаний на письме. Существенную роль играет традиция и экстралингвистические факторы. Существуют более устойчивые в орфографическом отношении тематические группы (напр., номенклатурные наименования) и менее устойчивые, склонные к колебаниям (переходные явления в связи

со сменой статуса имени собственного или имени нарицательного, новые явления в области номинации технических брендов и др.).

Николенкова Н.В.
МГУ им. М.В.Ломоносова
(Россия, Москва)
natanik2004@mail.ru

ГРАФИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ (АНТРОПОНИМЫ И ТОПОНИМЫ) В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XXI ВВ.

Обсуждение академического Свода правил орфографии выявило нерешенную филологическую проблему: как сформулировать правило использования прописной буквы в именах собственных, не повторяя принципов классификации XVII, XVIII и XIX вв., а также действующих Правил орфографии. Как в церковнославянских грамматиках, так и в первых русских в основе употребления прописной в именах собственных лежит семантический принцип (антропонимы, «достоинства», топонимы, названия кораблей (у Я.К.Грота), партий или автомобилей).

Проводимое комплексное исследование истории кодификации прописной буквы и выполнения/ нарушения правила в узусе выявило несколько основных проблем, с которыми данная правописная зона сталкивалась на протяжении истории и продолжает сталкиваться в начале XXI в. Первой проблемой будет решение вопроса о характере графической передачи заимствованного имени собственного – следует ли, записывая топоним или антропоним кириллицей, ориентироваться на точную передачу его иностранного облика (фонетического либо графического). Дискуссия, начавшаяся с вопроса о нужности буквы «ө», продолжилась предложениями о введении особой графемы для европейского [h]. Я.К.Грот предлагал ввести «ӓ» для передачи «германского «ö» или французского «eu» в начале слов, заменив графему «ё», которая, как полагал академик, не соответствует иностранному звуку. Этой идеей воспользовались, как кажется, лишь авторы географических и этнографических описаний Китая, Тибета и Монголии второй половины XIX в., вводя графемы «ӓ» и «ӕ» и широко используя букву «ё». В середине XX в. пришли к некоторому общему согласию, однако сегодня проблема снова актуализировалась.

Второй вопрос – количество прописных в составных названиях (писать ли прописную лишь в первом слове или распространить принцип на все входящие в названия слова). Данная проблема, по нашему мнению, не может быть решена однозначно, так как разные имена собственные усваивались русским языком в разные исторические периоды. При этом часть имен освоена носителями языка (великие художники, музыканты, писатели, известные географические объекты), но есть и «узко специальные» наименования, когда даже очень подробно сформулированное правило не даст пишущему ответ на вопрос, как же записать имя (впервые встретившийся с

китайским коллегой специалист не сможет со слуха абсолютно точно графически записать имя и тем более понять, из двух или трех компонентов оно состоит).

Третья проблема – характер употребления дефиса. И в этом случае невозможно выработать единый лингвистический подход: скажем, «Иссык-Куль» и «Хуанхэ» по уже сложившейся традиции пишутся по-разному, хотя к ним вполне может быть применено одно и то же примечание (3, § 169 ПАС).

Изучение идей кодификаторов орфографии и сопоставление их рекомендаций со стихийным (спонтанным) процессом графико-орфографического оформления имен собственных в истории письменности должно непременно учитываться в разработке нового Свода. Это даст возможность понять, какие из решений сразу же принимаются узусом, а какие не были приняты и в XIX, и в XX вв. и вряд ли окажутся востребованными современными носителями русского языка.

Новиков В.И.

МГУ имени М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

novikovu@yandex.ru

НАСЛЕДИЕ М.В. ПАНОВА И СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА

Наследие М.В. Панова (труды по языкознанию и литературоведению, лекционные курсы, учебники, сборники стихов) обладает внутренней целостностью и системностью. Панов предвосхитил важные тенденции развития гуманитарной науки начала XXI века.

Во-первых, это тяготение к *междисциплинарности*: для Панова не существовало резкой границы между лингвистикой и литературоведением, они образуют единый филологический синтез. Своеобразным способом творческого исследования художественных текстов становится и сама поэзия: в лирике Панова отрефлектированы многие лингвистические, литературоведческие и критико-эстетические проблемы, а поэма «Звездное небо» - это цикл образных портретов ста русских поэтов, в диапазоне от Антиоха Кантемира до Давида Самойлова.

Во-вторых, это *антропологический поворот*, которым ознаменовалось начало нового века и тысячелетия. Личностный фактор у Панова включен в структуру поэтического текста при анализе «образного яруса», без него немислима и эстетическая неповторимость каждого поэта. Панов решительно отказывается от «вертикальных» иерархий, утверждая непреходящую ценность всякой поэтической индивидуальности: за этим стоит гуманистическое представление о ценности отдельного человека.

В споре с механистической идеей «прогресса» в искусстве Панов выдвигает принцип эстетической *предельности* совершенных художественных произведений и стилей, не утрачивающих своей объективной значимости с течением времени. Это оригинальное решение проблемы традиционности и новизны, позволяющее увидеть литературную (и шире – художественную) эволюцию в ее конкретной динамике.

У Панова нет специальных работ по философии, но его научно-аналитическое мышление отмечено *философичностью*. Как мыслитель Панов – наследник традиции

русского гегельянства, в известной мере – и «жизнетворчества» начала века и 1920-х годов (А. Белый, русские футуристы). Он проявлял интерес к феноменологии и экзистенциализму.

Пафос его исканий, его раздумий о русских поэтах созвучен формуле Ж.-П. Сартра: «Весь человек, вобравший всех людей, он стоит всех, его стоит любой».

В мышлении Панова прослеживаются сходства и различия с философскими системами Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, французских постмодернистов и постструктуралистов (Ж. Делез, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр). Панов был противником бескрылого позитивизма и сочетал рационалистический подход к человеку и слову с доверием к иррациональному.

Язык был для Панова надежной эвристической моделью в постижении мироздания. Вместе с тем он избегал лингвистического изоляционизма и фетишизма, интересовался сферами, неподвластными слову. Высказываясь об изобразительном искусстве, он исходил из его специфических особенностей, вникал в невербальный «язык» живописи, скульптуры, архитектур (подробнее см.: Новиков В.И. Повесть о Михаиле Панове //Новиков Вл. Любовь лингвиста. М., 2018; первая публикация – Новый мир, 2015, № 7).

Увлеченность Панова литературным и художественным авангардом (Хлебников, Маяковский), причастность к опоязовской научной традиции (Ю. Тынянов, В. Шкловский, Б. Эйхенбаум) сочетались в его личности и трудах с духом классичности. Проецируя пафос Панова в то будущее, до которого он не дожил, можно гипотетически выстроить такой научно-культурный прогноз: вслед за многочисленными феноменами, именуемые словами с префиксом «пост-» неминуемо придут качественно новые явления и системы – не «вторичные», а «первичные». Доминирование «неклассических» тенденций в философии и эстетике сменится новой и в то же время «классической» моделью мироздания. Драматичная и во многом печальная житейская судьба Михаила Викторовича Панова подсвечена изнутри светом созидания и жизнеутверждения.

Л. Б. Парубченко

Алтайский государственный университет

(Барнаул, Россия)

lbpar@mail.ru

УРОКИ НРАВСТВЕННОСТИ

К 100-ЛЕТИЮ М. В. ПАНОВА

Фонетика, фонология, словообразование, морфология, синтаксис, орфография, теория стиха, методика русского языка, учебники – для университетов, педагогических техникумов и школы – научный и педагогический подвиг Михаила Викторовича Панова известен, его читают и изучают. Но не менее важным было воздействие его лекций, книг и общения на личность тех, кто его читал, слушал и был с ним знаком. М. В. Панов не только учил русской филологии, – он, возможно, и не зная того, воспитывал свою аудиторию нравственно.

ОТНОШЕНИЕ К СЛОВУ. Первое открытие, которое я сделала в личном общении с Михаилом Викторовичем, – Панов не говорит лишних слов! В его языке нет слов случайных, или праздных – нет слов, не наполненных сильным, предметным смыслом. У него практически не было и этикетных слов, потому что, кажется, не было этикетных ситуаций, легковесных, не наполненных серьезным содержанием отношений. Отношение к слову было сознательным: я не раз слышала от него урок, который им, студентам Московского городского педагогического института, дал А. Б. Шапиро: «Вы должны говорить хорошо! Вы – соль земли. Если соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?...» и т.д.

БЕСКОМПРОМИССНОСТЬ. Михаила Викторовича пригласили читать лекции студентам Православного университета: «Я им сказал, что я христианин, но верую не по-церковному». – «Ничего, это нам подходит», – ответили они. Однако Михаил Викторович продолжал сомневаться и спросил совета у В. А. Белошапковой, которую считал воплощением совести и благородства. Вера Арсеньевна сказала, что приглашение нужно обязательно принять, потому что студенты Православного университета должны быть не только верующими, но и знающими. После этого Михаил Викторович начал курс.

М. В. Панов был абсолютно неконъюнктурен. Он любил и ценил Маяковского, не обращая внимания на кучу уничижительных публикаций о нем, вывалившихся откуда-то, «как только грянула свобода». С болью говорил о Чернышевском, о его духовном подвиге и о том, как несправедлива к нему современная печать. С осуждением рассказывал о журналисте, который упрекал Н. Эйдельмана за то, что тот «не перестроился», т.е. не отреагировал на смену политического курса в 90-е гг. и продолжал хорошо думать о декабристах и плохо – о Николае I.

ДОСТОИНСТВО. Как-то сказал о тех, кто режет сиденья в трамваях, что это люди без достоинства. Потому что они это делают тайно, украдкой, чтобы никто не увидел. А человек с достоинством ничего не будет делать трусливо, скрываясь.

И еще рассказ, за первую часть которого, сказал Михаил Викторович, ему стыдно, а за вторую (помолчав) – нет. О том, как он, после очередной прогулки по лесу, увидел на трамвайной остановке, на земле, много рассыпанных денег. Может быть, кто-то доставал что-то из кармана – и целая россыпь радужных десятков на земле (дело происходило в советские времена, и это были большие деньги). «Первым моим побуждением было собрать их, – сказал он, – но я остановился. – Что ты делаешь! – сказал я. Ведь это не твои деньги, это не ты их рассыпал, какое ты имеешь право их брать!» Я многим пересказывала потом этот случай, и все – все! – признавались, что на его месте взяли бы. Да и я взяла бы. Во всяком случае, до этого урока М. В. Панова – урока достоинства.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ВЕЩИ. Михаил Викторович выносил свои заключения на основе положительного, а не на основе недостатков. У

А. М. Пешковского есть школьный учебник «Первые уроки русского языка», в соавторстве с учительницами М. А. Андреевской и А. Г. Губской, первое издание – 1928, последнее – 1931 г. В Ленинке уцелело только издание 1931 года, «совершенно переработанное», как значится на титуле. Оно ужасает качеством текстов: об успехах коллективизации и индустриализации, о пионерах, которые борются за социалистическое отношение к труду, воюют с кулаками, рапортуют конференции и т.п.

Проза перемежается стихами, наподобие: «Я – сын трудового народа. Если осмелится враг напасть, Я жизнь отдам за свободу, Я кровь отдам за советскую власть...» и т.п. И это при том, что А. М. Пешковский был очень взыскателен к языковому материалу своих учебников: М. В. Панов передавал рассказ И. А. Василенко, которому Пешковский говорил, что считает главным грехом своей жизни то, что ему пришлось убрать из книги «Наш язык» рассказы и притчи из Евангелия.

Еще пример. Пешковский редактировал книгу И. Р. Палея «От станка к книге» 1925 г., в которой автор применил дорогой Пешковскому интонационный метод. При этом в заметке «От редактора» Пешковский предупредил, что от редактирования собственно-литературного материала он должен был категорически отказаться, ограничив свое участие исключительно грамматической стороной. А литературная часть в этой книге – все те же политизированные тексты и стихи, в духе: «Мы с тобой родные братья: Я – рабочий, ты – мужик, Наши крепкие объятия – Смерть и гибель для владык» и т.п.

Как мог щепетильный и бескомпромиссный Пешковский допустить в своем собственном учебнике «Первые уроки...» неэстетичный и вульгарно идеологизированный языковой материал? Когда я задала этот вопрос Михаилу Викторовичу, он ответил: «Значит, ничего не мог сделать».

О выступлении Р. И. Аванесова против В. Н. Сидорова в 1950 г., после выхода статьи И. В. Сталина по языкознанию. Некоторые считали тогда, что Аванесов чуть ли не специально подвел Сидорова под топор, указав на то, что Сидоров исправляет Сталина. Панов думает по-другому: «Нет, Аванесов был не такой. Просто он был ученый-недотепа. Вот я сам ученый-недотепа, могу что-нибудь ляпнуть, и для ученого это обычно, и он ляпнул. Ничего вредного не хотел» [Беседы 2001: 492].

О заключенных-лингвистах, которые под пытками давали ложные показания против своих товарищей. М. В. Панов в рецензии на книгу Ф. Д. Ашнина и В. М. Алпатова «Дело славистов» как достоинство этой книги отметил, что авторы не судят тех, кто не выдержал пыток, и цитирует слова авторов об одном подследственном: «Не надо только ставить ему в вину его грех, своей трагической судьбой он с лихвой искупил его» [Панов 1996: 154]. И сам Михаил Викторович не обвинял, он оправдывал.

О В. Н. Сидорове: Михаил Викторович считал важным отметить, что В. Н. Сидоров, критикуя какую-либо теорию, вначале ее улучшал, исправлял ошибки, и только потом показывал, что и в таком виде эта теория не может быть принята [Панов 2014: 109–110].

Об орфографии: «И все-таки она хорошая!»

О войне. Михаил Викторович называл свою жизнь чересполосицей: светлая полоса – темная полоса. Война была – светлая! Я спрашивала его, были ли у него на войне конфликты с командованием, удавалось ли не бунтовать? Конфликтов не было. Эта бесконфликтность, я думаю, тоже проявление положительного взгляда на вещи.

Однажды я сообщила Михаилу Викторовичу об открытиях, которые сделала, изучая лингвистов-методистов 20-х гг.: А. В. Миртова, Д. Н. Ушакова и др. Одно из таких открытий – «положительный взгляд на вещи» в обучении орфографии, т.е. такая установка, при которой в фокусе внимания не ошибка, а правильное написание. Это выражается в том, что упражнения, предупреждающие ошибку, предпочитают контролирующим; исключаются задания с пропущенными буквами и др.

«Действительно, современные учебники учат пессимизму, – отозвался М. В. Панов, – главное содержание занятий – сделать ошибку и получить за нее нахлобучку. Да, правильный взгляд на вещи – взгляд положительный. И в современной действительности много положительного».

У М. В. не было «валентности» на плохое, он сам был обращен к доброму, светлому, и «выправлял» – сознательно или произвольно – других.

КУЛЬТУРА. «Положительный взгляд на вещи» определял и стиль научной работы М. В. Панова. Часто пишут так: обнаруживают какой-либо недостаток, брешь в труде предшественника и на этом строят собственное исследование. Михаил Викторович брал у предшественников положительное, здоровое – и продолжал, развивал его. «Уклонися от зла и сотвори благо»...

Культура стоит на традиции. Михаил Викторович был культурен в высшем смысле этого слова. Поэтому он был очень внимателен к авторству, ведь любая идея имеет начало в глубине веков. М. В. Панов оживлял древние голоса. Он своими руками соединил звенья разорванной цепи истории русской науки. Особенностью отечественного языкознания было единство академической науки – и средней школы. Начиная с А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, ученые-лингвисты были авторами школьных учебников и сами учили детей. С приходом в науку Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ и их учеников открылась самая светлая страница в истории русской школы – 20-е годы XX в., когда ученые, имена которых – слава отечественной науки, работали для школы: Д. Н. Ушаков, А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон, Н. Н. Дурново, Л. А. Булаховский, А. Б. Шапиро, А. М. Земский, Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, С. И. Абакумов, А. В. Миртов, В. А. Малаховский и многие другие. Ученый и школьный учитель совмещались в одном лице: учитель учил, а ученый писал для этого учебники, сборники упражнений, методические разработки и – часто уже после этого – собственно научные исследования. 20-е годы – время, которое Михаил Викторович называл ренессансом школьной учебной литературы, цветением педагогической мысли. В начале 30-х гг., после известных постановлений ВКП(б), ренессанс закончился. Лингвистов в школе сменили методисты, живая наука стала вытесняться псевдометодологической схоластикой. Однако в начале 70-х гг. под руководством М. В. Панова началась работа над новыми учебниками для школы – такими, которые бы не противоречили науке. Сегодня они изданы, и по ним преподают. Оборвавшаяся традиция восстановлена.

УЧЕНИЧЕСТВО. Культура – это преемство. Поэтому для Панова очень значимыми были понятия учительство–ученичество. Он любил своих учителей: А. М. Сухотина, В. Н. Сидорова, А. А. Реформатского, А. Б. Шапиро, Р. И. Аванесова – и был благодарным учеником. Он вспоминает о своем «первом и главном» учителе А. М. Сухотине: «Рассказывая об учении Соссюра, он поведал нам и о том, как была создана его книга: по записям студентов. А. М. сказал, как будто немного смущаясь: – Вот и вы... получше записывайте. Может, потом выйдет книжка. Мы все... я и мои товарищи по кафедре... многое по-своему о языке передумали. К Соссюру и близко, и не близко. Надо постройку закончить. Спорим. Рассуждаем. Должно получиться» [Панов 1988: 35]. Михаил Викторович «хорошо записывал»: он много сделал для сохранения памяти об учителях, для развития и распространения их учения: в научных трудах, в лекциях, в рассказах.

Михаил Викторович никогда не соизмерял себя со своими учителями, хотя сделал он в науке, конечно, больше, чем они. Они – Учителя, а он – ученик, и это – навсегда: «Ученик не выше учителя...» «Реформатский сам признавал меня своим учеником. Есть такое высказывание: «ученик» говорит не ученик, а учитель. То есть признавать учеником должен учитель, а не сам ученик. Так вот, Реформатский меня сам не раз называл: «мой ученик Панов» [Панов 2014: 114]. Об А. М. Сухотине: «... Передавал моим родителям (когда я был уже в армии), что он хочет узнать мой войсковой адрес, чтобы со мной переписываться. Это для меня очень дорого... не забыл меня» [Беседы 2001: 485].

УЧИТЕЛЬСТВО. Сам Михаил Викторович был учителем изумительным. Я даю иногда своим студентам слушать его лекции и потом спрашиваю о впечатлениях. Одно из таких впечатлений: «Панов хочет быть понятым».

А вот его собственное тому подтверждение: «Учебники пишут взрослые тети и дяди, а они в ребячью жизнь войти не могут, они не могут мыслить, как нужно, чтобы детям было удобно понимать. А вот мы с вами будем писать учебник, очень пригодный для детского понимания» [Панов 2014: 116–117].

Как он это делает? Его определения – предметны, они как будто вырастают из самого языка: «Позиционные чередования есть в морфонологии. Что такое морфонология? А это как раз *друг – друзья*, чередования, которые бывают непоследовательно. И определяются грамматической позицией» [Панов 2014: 199].

«Вы на доске пишете: *вода, воды* – и говорите: эти слова, эти вот две формы отличаются только грамматически. Подчеркните грамматическую часть. Они подчеркивают окончания. Мы возобновили в памяти учеников, что такое грамматика – это всякие окончания, попросту говоря» [Панов 2014: 120].

Предметность – так можно определить главную особенность стиля М.В. Панова. Это означает: каждое слово опирается на языковой материал, каждый вывод оправдан языком.

Другая черта научного языка М. В. Панова – метафоричность. Образы сильнее доводов, и Михаил Викторович усиливает образами логический аппарат исследования: «Как наглядно можно представить себе позиционное чередование, я уже показал на гусенице–куколке–бабочке: они очень разные, они ряд каких-то чередующихся во времени стадий, но с другой стороны, – это целостность и единство: существо-то одно! Если вы люди верующие, то можно вам сказать: это одно Божье создание. Бог не создавал сначала гусеницу, потом, подумав, куколку, потом, подумав, бабочку – это одно создание» [Панов 2014: 79].

Второй отзыв моих студентов, слушавших запись лекций М. В. Панова, – «Панов любит студентов». В отношении Михаила Викторовича к студентам была теплота большого, сильного человека и та самая «лелеющая душу гуманность».

Он часто назначал встречи в Ленинской библиотеке. Как-то, распрощавшись с ним у дверей 1-го зала, я услышала его приветствие новым визитерам, студенткам спецсеминара: «Ну какие же вы умницы золотые, что пришли!» Это был август – каникулы.

У него почти нет в лекциях (и не было в разговорах) официальных: школьник, ученица, вместо этого – детишки, мальчишечка, девчоночка: «И детишки будут думать. Это трогательное зрелище: как мальчик или девочка задумались...» [Панов 2014: 170].

* * *

Доброта, щедрость, внимательность и терпимость – вот чем дарил нас Михаил Викторович Панов. Вокруг него была особая, неповторимая атмосфера высокой духовности, творчества, теплоты, радости и любви.

Вечная память светлomu Учителю...

ЛИТЕРАТУРА

Беседы 2001 – Беседы с Михаилом Викторовичем Пановым // Жизнь языка. Сборник статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова. М., 2001. С. 483–524.

Панов 1988 – М. В. Панов. Воспоминания об Алексее Михайловиче Сухотине // Памяти Алексея Михайловича Сухотина (К 100-летию со дня рождения). Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации Вып. 182. М., 1988. С. 21–37.

Панов 1996 – М. В. Панов. Рецензия на книгу: Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов «Дело славистов. 30-е годы. М.: «Наследие», 1994. 286 с. // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 154–159.

Панов 2014 – М. В. Панов Лингвистика и преподавание русского языка в школе. М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований. ЯСК (Studia philologica), 2014.

В. М. Пахомов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

vmpakhotov@gmail.com

НАСЛЕДИЕ М. В. ПАНОВА И ПРОБЛЕМЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ НА РУБЕЖЕ 2010-Х И 2020-Х

1. Труды М. В. Панова – ярчайший пример того, как блистательная научная работа совмещается в одном человеке со столь же блистательной работой по распространению научных знаний на самую широкую аудиторию: М. В. Панова вспоминают и как выдающегося ученого, специалиста в самых различных областях русистики и общего языкознания, и как литературоведа и поэта, и как талантливого педагога и популяризатора науки о языке, в том числе орфографической науки. Стали классикой его книги о русской орфографии «И всё-таки она хорошая!» и «Занимательная орфография». Задачи популяризации науки М. В. Панов решал и в «Энциклопедическом словаре юного филолога», и в подготовленном под его руководством принципиально новом комплексе учебников для средней школы, и в циклах лекций по фонетике, орфоэпии, истории языка русской поэзии в МГУ им. М. В. Ломоносова, которые были событием в филологической жизни Москвы (позднее таким же событием становились лекции академика А. А. Зализняка о берестяных грамотах).

2. Ни одна из идей М. В. Панова о необходимости лингвистического просвещения не устарела в наши дни, поскольку и сейчас носители языка смешивают сам язык и письмо, произношение и правописание, а любые новости, связанные с русским языком, сопровождаются безграмотными комментариями о недопустимости «реформ языка». Осмысление деятельности Панова-орфографиста и Панова-просветителя необходимо для дальнейшей успешной работы как кодификаторов орфографии, так и популяризаторов лингвистической науки.

3. Обращение ученых такого масштаба, как М. В. Панов и А. А. Зализняк, к популяризации науки показывает полную несостоятельность до сих пор, увы, встречающейся точки зрения, что это занятие, «недостойное» настоящего ученого. К счастью, встречается это суждение всё же не столь часто, а наше время можно назвать временем расцвета популяризации науки. Наряду с переизданием классических научно-популярных книг о языке (Л. Успенского, Н. Галь, К. Чуковского, М. Панова и др. ученых) выходят книги современных языковедов (В. Плунгяна, М. Кронгауза, В. Алпатов, С. Бурлак, А. Пиперски, И. Левонтиной, О. Северской, Б. Нормана и др.).

4. Популяризация лингвистической науки сейчас проходит, разумеется, не только в форме публикации научно-популярных книг о русском языке и других языках мира. Лингвисты активно участвуют в фестивалях науки и в фестивалях языков, осваивают современные форматы взаимодействия с аудиторией: подкасты, телеграм-каналы, инстаграм-блоги и т. д. И эта, несомненно, важная и нужная работа связана с целым рядом задач, стоящих сейчас перед популяризаторами лингвистической науки. Главные из этих задач: найти оптимальный баланс между научным и популярным; прорваться сквозь информационный шум, в котором аудитории очень трудно отделить правдивую информацию о языке от ложных сведений о нем; преодолеть существующее в обществе настороженное отношение к лингвистам, сочетающееся с крайне эмоциональным отношением к родному языку; опровергнуть распространенное представление о наличии языковых явлений, недостойных внимания и вообще существования; постоянно подчеркивать разницу между языком и письмом, произношением и правописанием.

5. Решая задачу по распространению научных знаний о современной русской орфографии и ее истории, непременно нужно иметь в виду: нынешний социальный контекст вряд ли благоприятствует разговорам о возможности орфографических преобразований; достаточно вспомнить, как в начале 2000-х годов даже немногочисленные изменения, предложенные Орфографической комиссией РАН под руководством В. В. Лопатина (писать, например, *конвеер*, *парашут*, *брошура*, *инъяз*, *пол-мандарина* и др.), были столь же яростно, как и в 1960-е, отвергнуты обществом. Отвергнуты всё с теми же рассуждениями о недопустимости «реформы языка» и «уступок безграмотности», хотя эти изменения предлагались не ради упрощения как такового, а для устранения исключений из ведущих принципов русской графики и орфографии – в рамках работы над новой редакцией правил правописания. Но чем больше десятилетий русская орфография будет существовать без серьезных изменений, чем дальше в прошлое будут уходить еще памятные многим орфографические дискуссии

начала 2000-х и слухи о «реформе языка» 2009 года, чем очевиднее для пишущих будут становиться многочисленные орфографические неудобства, связанные с традиционными, не оправданными современным состоянием языка написаниями, тем больше шансов, что однажды наше общество сможет вернуться к спокойному разговору о судьбах русского правописания. **Задача популяризаторов орфографической науки сегодня и в обозримом будущем – подготовить почву для такого спокойного разговора**, необходимого для всех пишущих по-русски. Идеи и труды М. В. Панова продолжают быть актуальными и востребованными в этой важнейшей работе.

З. Ю. Петрова

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)*

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРСониФИЦИРУЮЩИХ МЕТАФОР И СРАВНЕНИЙ В ПОЭЗИИ В. ХЛЕБНИКОВА

Исследователи творчества В. Хлебникова неоднократно отмечали такую доминанту его поэтического мировидения, как идея единства, равенства всех составляющих мира. Так, В. Вестстейн пишет о «принципальной эквивалентности человека, природы и космоса», выраженной во всех хлебниковских произведениях [1983: 172], В. П. Григорьев – о «пафосе единения человека с природой» [1990: 122]. М. В. Панов в своих работах о Хлебникове связывает эту идею всеобщего единства и родства с понятием *сдвига*, которое он определяет как «сочетание несочетаемого» [2017: 356]. По мнению М. В. Панова, с помощью этого понятия можно объяснить особенности поэтического метода Хлебникова на всех языковых уровнях: ритмико-интонационном, звуковом, морфологическом, словесно-образном. В частности, отмечается сдвиговый характер хлебниковских сравнений («перенос признака на объект, который явно им не обладает» [2017: 356–357], немотивированность уподобления) и делается вывод о том, что поскольку «все признаки оказываются подвижны, и каждый объект получает какие-то признаки, сдвинутые от других объектов», то сдвиг создает «родство всех со всеми» [2017: 368], ср. также: «Хлебников-поэт был необыкновенно дальнозорок. Он умел видеть в жизни то, что не видели другие. У него в поэзии был свой особый глаз, и он называется: сдвиг. С помощью этого глаза Хлебников увидел единство мира и возможность единства людей» [2000: 332].

Естественным следствием этой идеи единства и равенства всех элементов вселенной является одухотворение природы, космоса и всего, что создано человеком: так поэт (или лирический герой) делает все сущее равным себе. На тропеическом уровне это выражается в высокой значимости и употребительности персонифицирующих метафор и сравнений в текстах В. Хлебникова.

Среди предметов сравнения таких тропов наиболее многочисленны и разнообразны названия природных объектов, среди которых, в свою очередь, чаще всего встречаются названия животных и растений. Часто встречаются образные конструкции, персонифицирующие светила (планеты): звезды, созвездия, месяц, солнце (у Хлебникова

повторяется лексема *солнце* во мн.ч. – *солнца*, что связано с космическим, вселенским масштабом его поэтического взгляда). В качестве предметов сравнения встречаются *мир, земля, природа*. Персонифицируются море и реки, горы и камни, небо, части суток, времена года. Из реалий, относящихся к человеку, надо отметить персонификацию частей тела, некоторых сущностей внутреннего мира: любви, ума и т.д. Индивидуальной чертой идиостиля Хлебникова можно считать олицетворение микромира – персонифицирующие тропы, рисующие тело человека как государство молекул («<...> и человек Тоже двурукое *государство* Шариков кровяных»). В контекстах, близких к аллегорическим, персонифицируется смерть. Предметами персонификации становятся и названия явлений социального плана: *свобода, труд, закон, война*, а также *золото* и *мировой рубль* как собирательные понятия-символы. Поэт не избегает одухотворения созданных человеком предметов, чаще всего техники, строений, оружия. В персонифицирующие тропы включаются названия городов и стран, произведений словесного искусства (*песни, стихи*) а также ключевое понятие для Хлебникова – *числа*.

Среди образов сравнения персонифицирующих тропов Хлебникова надо в первую очередь отметить класс слов с семантикой родства и дружбы. В него входят термины родства (основное из них – *брат* и его дериваты), слова, обозначающие дружеские отношения: *друг, товарищ (товарка), дружить*, а также проявления дружеских чувств: *целовать, бить по плечу* и пр., связывающие лирического субъекта и различные реалии окружающего мира (или природные объекты друг с другом). Многочисленны и разные другие обозначения людей, среди которых выделяется характерная для Хлебникова группа имен собственных, от которых поэт часто образует неологизмы, описывающие природу («О, *достоевский*мо бегущей тучи! О, *пушкиноты* млеющего полдня!»). Еще одна специфическая для Хлебникова группа образов сравнения олицетворяющих тропов – слова, связанные с мотивом детства, который отмечается многими исследователями в качестве ключевого в его творчестве [Тынянов 2000: 218; Панов 2017: 367 и др.], и слова, относящиеся к области религии, как языческой, так и христианской (*Спаситель, Богородица, бог, священнослужитель, молиться, молитва*, разные виды молитв и пр.), ассоциирующиеся с высшим проявлением духовности, которой поэт наделяет мир.

Надо отметить, что, помимо тропов, которые, согласно М. В. Панову, отражают принцип сдвига в поэзии В. Хлебникова, в его текстах присутствует и множество персонифицирующих метафор и сравнений, представляющих классические, традиционные образные параллели (например, «язык природы»).

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В.П. Хлебников // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. М.: Наука, 1990. С. 98-166.

Панов М. В. Велимир Хлебников. Продолжение // Панов М. В. Язык русской поэзии XVIII-XX вв. Курс лекций. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. С. 344-378.

Панов М. В. Сочетание несочетаемого // Мир Велимира Хлебникова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 303-332.

Тынянов Ю.Н. О Хлебникове // Мир Велимира Хлебникова. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 214-223.

Weststeijn W. Velimir Chlebnikov and the development of poetical language in Russian symbolism and futurism. Amsterdam: Rodopi, 1983.

Е.В. Петрухина
МГУ им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
elena.petrukhina@gmail.com

БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ В РУССКОЙ АСПЕКТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

В докладе рассматриваются некоторые антиномии в устройстве категории глагольного вида в русском языке, а также противоречия в видовой теории. Мы опираемся на теорию внутриязыковой эволюции, разработанную М. В. Пановым, в которой было показано, что в основе языкового развития находятся механизмы ряда антиномий: узуса и языковой системы, кода и текста, говорящего и слушающего, означаемого и означающего, антиномия двух функций языка – информационной и экспрессивной (Панов 2007: 17–23). Существующая в языке борьба противоположностей определяет его саморазвитие: каждое конкретное разрешение любой из этих противоположностей порождает новые столкновения, новые противоречия в языке, создавая тем самым постоянный стимул внутреннего развития языка (Панов 2007: 17). Для изучения категории вида наибольшее значение имеет учет антиномий между означаемым и означающим, между узусом и языковой системой, которые реализуются в системе более частных противоречий. «Узус ограничивает использование языковых единиц и их сочетаний; живые потребности речевого употребления заставляют постоянно прорывать цепь этих ограничений, используя возможности, заложенные в языковой системе» (Панов 2007: 18).

В докладе рассматриваются антиномии между разными (лексическими, словообразовательными и грамматическими) способами выражения аспектуальной семантики глаголов, между правилами употребления видов и инвентарем форм для реализации данных правил. Учет данных антиномий позволяет объяснить особенности организации видовой системы и видообразования в русском языке. В частности не стихающие именно в русистике дискуссии о видовой парности свидетельствуют об антиномиях в системе русского вида, в значительно меньшей степени они свойственны западнославянским и южнославянским языкам. Речь идет о противоречии между высокой степенью обязательности вторичной имперфективации в определенных типах контекста и недостаточностью инвентаря вторичных имперфективов, необходимого для реализации обязательной замены глагола СВ глаголом НСВ. В других славянских языках (например, в чешском и словенском) такого противоречия нет в силу свободного употребления глаголов обоих видов в настоящем историческом и при выражении повторяющихся действий. А в болгарском языке подобного противоречия нет ввиду регулярного образования вторичных имперфективов. В результате разрешения противоречия между обязательной в целом ряде контекстов имперфективацией и

запретом на образование вторичных имперфективов от глаголов СВ с начинательными приставками в русском языке была сформирована тенденция к расширению видовой парности на нетерминативные глаголы за счет таких оппозиций, как *идти – пойти, видеть – увидеть, кричать – закричать*. В других славянских языках нет противоречия между обязательной имперфективацией и возможностями образования вторичных имперфективов – в силу либо меньшего количества типовых контекстов обязательной имперфективации (например, в чешском, словацком и словенском языках), либо регулярности образования вторичных имперфективов (в болгарском языке). Соответственно в названных языках нет условий для расширения видовой парности на нетерминативные основы. В докладе анализируются также некоторые противоречия в теории русского и славянского вида и аспектуальности, в частности в определении и интерпретации предела и предельности в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

Панов 2007: Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т 2. М.: Языки славянской культуры, 2007, 17–23.

В. С. Полилова
ИМК МГУ
(Москва, Россия)

СТИХОВЕДЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ М. В. ПАНОВА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ О СТИХЕ

М. В. Панов известен прежде всего как лингвист и автор выдающихся работ по русской фонетике, фонологии, орфографии и орфоэпии, социолингвистике. Работы Панова, посвященные языку русской поэзии и строго стиховедческим проблемам известны значительно меньше. Даже ученые-стиховеды часто с ними не знакомы. Между тем многие наблюдения Панова касаются как раз тех формальных особенностей и явлений русского стиха, которые с особенным вниманием исследуются сегодня и анализ которых представляется чрезвычайно актуальным: соотношение метра и ритма, цезура, неклассическая метрика (верлибр, тактовик, логэды). Также после выхода подготовленного Т. Ф. Нешумовой курса лекций Панова «Язык русской поэзии XVIII—XX веков» у нас появился материал для более подробной интерпретации стиховедческих взглядов Панова. В докладе будет представлен анализ основных понятий и трактовок явлений стиховой формы в работах Панова в свете современной науки о стихе. Материалом будут служить следующие издания:

Панов М. В. Язык русской поэзии XVIII—XX веков: Курс лекций / Сост., подгот. текста и примеч. Т. Ф. Нешумовой; предисл. М. Л. Каленчук. — 2-е изд. — М.: Языки славянской культуры, 2017.

Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2007 (работы: Ритм и метр в русской поэзии; Из рассказов о

русском стихе. Тактовик; Из рассказов о русском стихе. Цезура; Из рассказов о русском стихе. Логаэдический стих).

М. Б. Попов
СПбГУ
(Санкт-Петербург, Россия)
popov_mb@list.ru

М. В. ПАНОВ И МИФЫ О ЩЕРБОВСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

Доклад посвящен некоторым широко распространенным мифам о Щербовской (Ленинградской, Петербургской) фонологической школе, которые являются «ценностно-мировоззренческими истинами» для одних лингвистов (их большинство) и «необоснованными утверждениями» для других.

Истоки этих мифов лежат в особенностях развития отечественной фонологии в 1940–1970-е гг., которое во многом определялось соперничеством Ленинградской и Московской фонологических школ. Наиболее острый характер споры между ними приняли в эпоху фонологических дискуссий конца 40-х – начала 50-х гг. XX в., когда и сформировались мифы о Щербовской фонологической школе (ЩФШ). Следует признать, что выдающаяся заслуга в формировании и утверждении этих мифов в картине мира большинства отечественных лингвистов, особенно русистов, принадлежит корифеям Московской фонологической школы (МФШ) А. А. Реформатскому и М. В. Панову. Вот основные элементы этой «картины мира»:

1. **Миф № 1.** «Отход от Бодуэна»; это своего рода первородный грех ЩФШ, выразившийся в ее «антиморфематизме»: «Основное у ленинградцев в “отходе от Бодуэна” — это «антиморфематизм», установка на “автономность фонетики”, боязнь морфемы и ее связи с фонемой, от чего идут и все прочие пункты как следствия» (Реформатский, 1970).

2. **Миф № 2.** Поклонение «голой материи» – грех, прямо вытекающий из предыдущего и выразившийся в «физикализме» ЩФШ: «Боязнь морфемы коренится в еще более глубоком убеждении Ленинградской школы – в желании исходить из «голой материи», а не из материи, понятой семиотически в ее знаковой функциональности» (Реформатский, 1970). В соответствии с этим мифом ЩФШ безосновательно приписывается взгляд на фонему как класс сходных в артикуляторно-акустическом отношении звуков.

3. **Миф № 3.** ЩФШ является на самом деле «фонетической», а не фонологической, и противостоит МФШ и ПФШ, находясь в изоляции по отношению к мировой фонологии.

4. **Миф № 4.** Смыслоразличительную функцию фонемы открыл Бодуэн, а не Щерба.

5. **Миф № 5.** Теория фонемы Щербы неспособна служить базой для описания графики и орфографии: «Эта теория (т. е. МФШ – М.П.) оказалась весьма важной для практического изучения русского правописания и, следовательно, нашла себе место в методике обучения русскому языку... Между тем, теория фонемы в том виде, как

она представлена в статье Л. Р. Зиндера (т. е. ЩФШ – *М.П.*), ни для чего практически не нужна... и представляет собой ... нежизненную теорию для теории» (Аванесов, 1949).

Некоторые из этих мифов до сих пор тиражируются в научной и учебной литературе, включая новейшую (ср. «Фонема для Ленинградской школы — класс близких по физическим свойствам звуков... Критерий звукового сходства оказывался решающим для Л.В. Щербы и его учеников, поэтому их противники из Московской школы упрекали их в „физикализме“» (Алпатов, 2005), хотя они, казалось бы, убедительно опровергались видными представителями ЩФШ – Л. В. Бондарко (1981) и Л. Р. Зиндером (1994).

В докладе подробно будут рассмотрены только мифы № 1, 2 и 3, как наиболее устойчивые и принципиально важные в теоретическом отношении. С одной стороны, будет продемонстрирована несостоятельность этих мифов, а с другой – предпринята попытка объяснить их живучесть не только у представителей МФШ, но и, как ни странно, даже в среде сторонников ЩФШ. Более того, на основании анализа теории и практики основных отечественных фонологических школ будет показано, что упреки в «физикализме» и «антиморфематизме», обычно адресуемые ЩФШ, с бóльшим основанием могут адресованы Московской и Пражской фонологическим школам, хотя и в разной степени.

Margje Post
Universitetet i Bergen
(Bergen, Norway)
margje.post@uib.no

РЕГИОНАЛЬНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В РЕЧИ РУССКОЙ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ И КАЧЕСТВЕННОЙ РЕДУКЦИИ ПРЕДУДАРНЫХ ГЛАСНЫХ В РЕЧИ МОЛОДЫХ МОСКВИЧЕЙ И ПЕРМЯКОВ

Хотя в русском обществе литературный язык имеет особенно высокий статус, и существует сильное стремление к единству произносительной нормы, все-таки существуют региональные орфоэпические нормы. Это вопрос, который заботил и М. В. Панова (1967: 294).

Большинство русской городской молодежи говорит почти без местных черт в речи, но тем не менее, как утверждают Грамматчикова и др. (2013), часто слышатся, уже при произнесении первого слова, некоторые местные тонкости произношения, как в области сегментной, как и суперсегментной фонетики. Именно суперсегментные черты могут быть стабильными, так как они плохо осознаются говорящими (Грамматчикова и др. 2013: 72).

Мы изучали ритмику слова и редукцию гласных. В центральных вариантах русского языка – как в традиционных среднерусских говорах, так и в современном русском литературном языке (московская и петербургская норма) – просодическое слово имеет

сильное ядро, состоящее из ударного и первого предударного слогов. Первый предударный слог намного сильнее других безударных слогов, и по качеству, и по длительности (Златоустова 1981, и др.). В других, нецентральных вариантах русского языка нет такой сильной разницы в степени редукции. Данная оппозиция «центр России – периферия» касается не только традиционных деревенских говоров (Высотский 1973), но, кажется, и современных вариантов городской речи, как утверждают предварительные исследования длительности безударных гласных Е. В. Грамматчиковой и др. (2013) и Е. В. Ерофеевой (в своей докторской диссертации (2005), посвященной пермской речи). Результаты этих двух исследований нуждаются в подтверждении, так как и количество говорящих участников и регионов, и количество исследуемых гласных были невелики.

В нашем исследовании сравнивались количество и качество гласных в речи бóльшего числа говорящих, чтобы подтвердить существование региональных различий в современной городской речи, и для того, чтобы изучить факторы, влияющие на степени редукции гласных (позиция слога в слове, позиция слова в высказывании, позиция тональных акцентов).

Изучалась речь 32 молодых москвичей и пермяков. Они также участвовали в проекте Бенедикте Вардей, посвященном знаниям молодого русского населения о региональном варьировании русского языка. Для настоящего проекта участники прочитали 10 предложений, содержащих слова со структурой СГСГСГС с фонемами /o/ и /a/ после твердых согласных и с ударением на последнем слоге (*покопать, потакать, топотать*). Слова занимали разные просодические позиции в предложении. Мы сосредоточились на количественные данные, т.е. на ритмику слова.

В соответствии с ожиданиями, разницы по длительности между первым и вторым предударным слогами были намного сильнее в речи москвичей, чем в речи пермяков. На самом деле, в московской речи первый предударный гласный в среднем почти в два раза длиннее второго предударного, а в пермской речи эти гласные почти одинаковой длительности. Менее ожидаемо, эта разница между Москвой и Пермью прослеживается в речи всех участников и при всех просодических условиях и, кажется, независимо от движения тона.

Мы также начали изучать качество предударных гласных (форманты F1 и F2).

Как и в современном русском литературном языке (московская и петербургская норма), у наших московских дикторов большая разница по длительности сопровождается сильной разницей по качеству: второй предударный /o/ произносится как [э], а первый предударный как *a*-образный гласный. В пермских данных предударные /a,o/ похожи как по длительности, так и по качеству. Наши предварительные данные по качеству гласных предполагают значительную корреляцию между длительностью и формантой F1, отражающей степень открытости рта, особенно у московских дикторов. Раньше утверждалось, именно о центральнорусском литературном языке (Barnes 2006, Iosad 2012 и др.), что фонетической «целью» всех безударных гласных /a/ и /o/ является открытый, *a*-образный гласный, и что редукция второго предударного /a, o/ до [э] вполне можно объяснить его ограниченной длительностью.

О.А. Прохватилова
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

ИНТОНАЦИОННО-ЗВУКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИОНЕРСКОЙ ПРОПОВЕДИ

Как известно, миссионерская проповедь – это пастырское слово, адресованное «неведущим Христа». Она имеет давнюю историю, однако в последние десятилетия изучению и осмыслению принципов и методов миссионерской деятельности православной церкви вообще и специфики миссионерской проповеди, в частности, уделяется особое внимание, что связано со сложным духовно-нравственным состоянием нынешнего общества.

Доклад посвящен рассмотрению особенностей просодического строя современных миссионерских проповедей, размещенных в видеоблоге «Batushka ответит» на канале YouTube.

Описание интонационно-звуковой организации проповеди основывается на синхронно-диахроническом подходе к изучению языкового материала, который предполагает анализ соотношения и взаимодействия фактов истории языка и его современного состояния.

Выявление интонационно-звуковых свойств проповеди проводится с учетом сегментного и суперсегментного уровней фонетического анализа. Рассмотрение сегментного уровня имеет целью установление актуальности для звучания проповеди некоторых фонетических признаков старославянского языка, в основе которых лежат языковые факты, связанные с принципиальными для эволюции фонетической системы русского языка процессами, которые допускают возможность использования норм и церковнославянского языка, и современной орфоэпии.

Анализ суперсегментного уровня проповеди обращен к рассмотрению таких параметров ее интонационно-звукового строя, как принципы членения речевого потока, специфика мелодических изменений, структура основных интонационных типов. При этом, опираясь на результаты исследований В.В. Иванова, В.Н. Топорова [Иванов, Топоров, 1963], Т.М. Николаевой [Николаева, 1977, 1979], Р.Ф. Пауфошима [Пауфошима, 1985], мы интерпретируем как реликты древней музыкально-тонической системы тенденцию к симметрии и пропорциональности в делимитации речевого потока; использование при оформлении синтагм особых интонационных моделей, не имеющих аналогов в современной звучащей речи; появление просодической рамки в двувершинных и поливершинных интонационных моделях (см. подробнее: [Прохватилова, 1999]).

Проведенный анализ современных миссионерских проповедей обнаруживает, что специфика их интонационно-звуковой организации обуславливается, во-первых, последовательным воспроизведением в них отдельных просодических маркеров звучания современного пастырского слова; во-вторых, сокращением объема архаичных фонетических элементов; в-третьих, перераспределением частотности употребления ряда фонетических средств.

Так, по нашим наблюдениям, в миссионерской проповеди воспроизводятся отдельные конститутивные для этого жанра в целом произносительные элементы, к числу которых можно отнести: актуализацию современных орфоэпических норм на сегментном уровне, реализацию имеющих архаичный характер принципов пропорциональности и симметрии в членении речевого потока на синтагмы, использование тональных и динамических компонентов интонации для выделения факультативных центров интонационных конструкций.

Сокращение объема архаичных фонетических элементов в современной миссионерской проповеди происходит либо вследствие не востребованности отдельных стилистически значимых компонентов древнеславянской фонетической системы (например, произносительных свойств, восходящих к традициям староцерковнославянского произношения, а также длительности как маркера основных интонационных центров), либо за счет существенного уменьшения их объема (например, употреблений двувершинных и поливершинных интонационных конструкций, рамочных акцентных структур).

Перераспределение частотности употребления основных интонационных типов связано с сокращением использования в неконечных синтагмах ИК-6, придающей оттенок торжественности звучания, и доминированием «разговорной» ИК-3, а также с появлением в конечных синтагмах таких средств выражения полемичности высказывания, как ИК-3 и ИК-3². Это приводит к возникновению новых стилистических смыслов проповеди и трансформации стилистической окраски ее звучания в целом от высокого регистра к сниженному.

О. Г. Ревзина

МГУ им. М.В. Ломоносова

профессор

orevzina@gmail.com

ВКЛАД М. В. ПАНОВА В НАУЧНУЮ СТИЛИСТИКУ

1. Научная стилистика – детище XX века. Ее обоснование и разработка принадлежат ученику Ф. де Соссюра Шарлю Балли. В монографии «Стилистика французского языка» (1909) Ш. Балли определил предмет стилистики («стилистика изучает экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, то есть выражение в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувства» [Балли 2001: 33]); выделил два типа стилистической окраски – эмоциональную и социальную, соответствующие эмоциональным состояниям и социальным чувствам; произвел описание французского языка с позиций системной стилистики.

2. В 1963 г. вышла статья М.В. Панова «О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики)». Вслед за системной стилистикой Ш. Балли М.В. Панов разработал концепцию структурной стилистики. Основные положения структурной стилистики могут быть представлены следующим образом:

А. Стилистические значения не имеют собственных формальных показателей и принадлежат языковому знаку целиком, то есть передаются по коннотативному каналу.

М.В. Панов обращается к грамматике и выделяет парадигматические отношения, которые выражаются аффиксально (ряд *дома* – *дому*). «Подобно этому и в области стилистических противопоставлений есть своя парадигма, состоящая из нескольких определяющих друг друга членов: какой-то единицы нейтрального стиля и воспринимающихся на ее фоне единиц высокого и разговорного стиля. В отличие от грамматики, противопоставления здесь выражены не аффиксально, а “супплетивно” (ср. *глаза* – *очи гляделки*)» [Панов 2004: 111–112].

Б. Стилистические противопоставления представлены как между единицами одного уровня, так и между единицами разных языковых уровней: «...одни определенные произносительные особенности могут выполнять ту же функцию, что и слова разговорного стиля, другие же особенности функционально сопоставимы со словами торжественной окраски. Например, произношение [шыис’ат] “шестьдесят” функционально является однозначным с употреблением слов *сотенка*, *голубчик* и т. п.» [Там же: 113].

В. В основе стилистической шкалы русского языка лежит противопоставление по социальной окраске, которую Ш. Балли определял исходя из понятия среды и «общего» языка. Выделяются высокий – нейтральный – разговорный стиль. Собственно эмоциональная окраска (выделяемая, как показывает Ш. Балли, по соотношению со словом-«идентификатором» и включающая в себя значение субъективной оценки) может соединяться с высоким и разговорным стилем.

Г. Стилистические оппозиции представлены на всех языковых уровнях, многочленные стилистические парадигмы присущи лексическому уровню. Строение русских стилистических парадигм определяется правилами: а) «слова окрашенных стилей д о л ж н ы иметь синоним в нейтральном стиле; слово нейтрального стиля м о ж е т иметь синоним в окрашенном стиле» [Там же: 107]; б) большая часть слов имеет соответствие либо в высоком, либо в сниженном стилистическом ярусе, но не в обоих вместе. «Стиль высокий и разговорный в современном русском языке не соотносятся друг с другом непосредственно, а лишь через посредство связи с нейтральным» [Там же: 106]; в) стилистические единицы высокого и сниженного стилистического ярусов различаются по объему, внутренней семантической дифференциации, интенсивности стилистической окраски. «Высокий стиль» характеризуется стилистической яркостью, относительно небольшим числом стилистических показателей, присутствием семантических разновидностей: «Слова *всепобедный*, *разверстый*, *алкать*, *чело* уместны в торжественной речи, поэтическом прославлении, но неуместны в хроникальной заметке, в официальном уведомлении и т. п.» [Там же: 110]. «Разговорный стиль» – это обилие носителей стилистического смысла «разговорность», слабая степень интенсивности, «расслоение, разграничение между словами едва намечено: настолько они подвижны и изменчивы в своей

стилевой окраске (в зависимости от контекста)» [Там же]. Для единиц сниженного стилистического яруса характерны градуальные оппозиции.

Д. Менее развернутыми, но столь же глубокими и перспективными являются наблюдения М.В. Панова над синтагматикой стилистической системы: «...для слов с резкой стилистической окрашенностью первостепенную важность имеют парадигматические противопоставления. Именно они и создают эту высокую разность стилистических потенциалов. Для слов же, имеющих слабые стилистические оттенки, важнее чаще всего синтагматические сопоставления» [Там же: 112].

Е. Статья М.В. Панова была написана в начале 1960-х годов, когда лингвистика текста делала первые шаги, но в этой работе содержатся и прозорливые замечания относительно стилистики текста, логически вытекающие из строения стилистической системы. Так, в первом «правиле» М.В. Панова утверждает, что в языке основная часть лексических единиц имеет немаркированный стилистический смысл «норма». «Следовательно, не может существовать естественного языка, устного или письменного, состоящего только из слов высокого или слов разговорного языка, но может встретиться текст целиком из слов нейтрального стиля. Впрочем, такие тексты гораздо более редки, чем предполагается» [Там же: 108]. Стилистическую характеристику текста в целом предлагается рассматривать «как дополнительное сообщение, осложняющее то, что заключено в лексических значениях слов и в их грамматических сцеплениях» [Там же: 113]. Речевые жанры связаны в первую очередь со стилистическими характеристиками, так что они могут быть названы стилистическими жанрами (именно к ним относятся наименования «штилей» у М.В. Ломоносова). Стилистические жанры определены исторически, и задача стилистики современного русского языка состоит в том, чтобы описать эти жанры во всей их полноте.

Значимость лингвистической теории проступает во времени: насколько основные ее положения сохраняют свою силу, насколько они совместимы с новыми знаниями о языке. Именно такова стилистическая концепция М.В. Панова, что определяет весомость вклада этого выдающегося ученого в научную стилистику.

ЛИТЕРАТУРА

Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.

Панов М.В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / Под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 103–136.

Н.Н. Розанова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
ninarozanova13@yandex.ru

ОТ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ГОРОЖАНИНА – К РЕЧЕВОМУ ПОРТРЕТУ ГОРОДА: О ВОЗМОЖНЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

1. М.В. Панов в своем фундаментальном исследовании «История русского литературного произношения XVIII–XX вв.» (М.: Наука, 1990) разработал методы комплексного лингвистического анализа отдельных языковых личностей и создал целую галерею «объемных» фонетических портретов выдающихся ученых, писателей, политических деятелей. Проанализировав таким образом произношение отдельных представителей разных эпох – от Ивана Грозного до Андрея Вознесенского, – автор дает описание литературной нормы в диахроническом аспекте. Разработанные М.В. Пановым принципы создания фонетических портретов послужили методологической базой для многих работ, посвященных изучению индивидуальных и групповых речевых характеристик и явились основой для создания целого направления современной русистики – речевого портретирования личности.

2. Как представляется, разработанные М.В. Пановым принципы анализа черт языковой личности, несущие в себе признаки групповой принадлежности, т.е. характеризующие индивида как представителя социальной, территориальной, возрастной и др. группы, могут быть использованы при создании коллективного речевого портрета современного города.

3. Языковой облик каждого города, его своеобразие формирует вся совокупность городских текстов, которые представляют собой ту естественную речевую среду, в которой и протекает языковое существование современного горожанина. Для создания «объемного» речевого портрета города необходимо исследовать большой массив записей устной речи горожан, отражающих максимально полно все многообразие их повседневных речевых практик.

4. Повседневные речевые практики городского жителя достаточно сложны и многообразны. Для успешной интеграции в городское сообщество ему необходимо усвоить модели поведения, связанные с городским образом жизни, городским этикетом, «общим словарем» горожанина, городскими стереотипами и т. п. Соответственно при комплексном описании речевой жизни современного российского города необходимо учитывать самые разные ситуации, в которых протекает речевое общение горожанина, и разнообразные формы их языкового воплощения. Представляется целесообразным включить в такое описание следующие аспекты речевой жизни горожанина, отражающие многообразие его речевых практик:

- городские стереотипы;
- городские номинации;
- нарративы о родном городе.

В докладе каждый из выделенных аспектов будет рассмотрен подробнее.

Р. И. Розина
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
РГГУ
(Москва, Россия)
rarožina@yandex.ru

РАЗГОВОРНЫЕ ГЛАГОЛЫ ПАДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Выбор темы доклада обусловлен интересом М.В.Панова к русской разговорной речи как к особой подсистеме русского языка. Цель доклада – раскрыть особенности представления различных ситуаций падения русскими разговорными глаголами.

Фундаментальное исследование того, как ситуации падения описываются различными языками мира, представлено статьями Московской группы лексической типологии, опубликованными в сборнике [1]. Основой для сопоставления служат 4 типовые ситуации падения (фреймы): падение с более высокой поверхности на более низкую, потеря вертикальной ориентации, падение-разрушение и открепление. Помимо этого, учитывается ряд параметров: характеристика субъекта предложения, положение субъекта в конечной точке, причина падения и др. [2]. При этом авторами данных работ рассматривалась исключительно лексика литературных языков и, более того, из рассмотрения были исключены глаголы, описывающие падение, сопровождающееся звуком.

Список русских разговорных глаголов падения объемом 25 глаголов был сформирован на основе словарных статей Толкового словаря русской разговорной речи [3]; контексты использования глаголов перепроверялись и дополнялись по Национальному корпусу русского языка. В основу исследования были положены те же 4 фрейма падения, которые использовались для сопоставления глаголов падения литературных языков.

Основная ситуация падения, которую описывают русские разговорные глаголы, - падение с высоты или падение с более высокой на более низкую поверхность. В ряде случаев эта ситуация колексифицируется (то есть называется одним и тем же словом) с ситуацией потери вертикального положения, единственный синтаксический субъект (или Пациенс в терминах семантических ролей) которой – человек, что естественно для разговорной речи с ее сосредоточенностью на мире человека. Наименьшее внимание разговорная речь уделяет падению в результате открепления (единственный пример – *Зеркало **ляпнулось** со стены*); чуть большее – разрушению в результате падения (*Самолет **грохнулся***).

Обязательный (за одним исключением) синтаксический субъект разговорного глагола падения человек. Предмет также может быть субъектом глагола падения (14 случаев из 25), но только наряду с субъектом-человеком. При этом русские разговорные глаголы падения не проводят различия между падением человека и падением предмета: падение как субъекта-человека, так и субъекта-предмета описывается одним словом (*Иван **сверзился** с койки*; *Грузовик **сверзился** с дороги*), т.е. колексифицируется так же, как ситуация падения с высоты и ситуация потери вертикальной ориентации. Эта

особенность разговорных глаголов падения соответствует идее М.В. Панова о диффузности семантики разговорной лексики и одновременно позволяет уточнить, в чем именно состоит диффузность значений данной группы глаголов.

Яркая особенность русских разговорных глаголов падения – включенность в их семантику таких семантических признаков, как боль, что позволяет выразить конструкция с предлогом *о (об)* (*Я здорово грохнулась об асфальт*) и звук (*Мокрое полотенце сочно шмякнулось на пол*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. Спб, 2020, т.1. № 16. 1091 с.
2. Рахилина Е.В., Резникова Т. И., Рыжова Д.А. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем // Acta Linguistica Petropolitana, Спб, 2020, т.16, № 1, с. 9-63.
3. Толковый словарь русской разговорной речи. Под редакцией Л.П. Крысина. Вып. 1- 3 М.: Языки славянской культуры, 2014 – 2020; Вып. 4 (в печати); Вып. 5 (готовится к изданию).

Д.М. Савинов

Институт русского языка им. В.В. Виноградова

(Москва, Россия)

crillon@yandex.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В ДИАЛЕКТНЫХ СИСТЕМАХ

Соотношение нормы и речевого узуса в русском языке не раз становилось объектом рассмотрения. Однако само понятие «норма» трактовалось учеными неоднозначно. Существует узкое и широкое понимание этого термина. Большинство авторов трактуют норму как «совокупность явлений, разрешенных системой языка, отраженных и закрепленных в речи носителей языка и являющихся обязательными для всех владеющих литературным языком в определенный период времени» [Вербицкая 2001: 15].

Однако существует и другой подход к определению термина «норма»: в широком смысле норма – «это стихийно сложившиеся в узусе способы речи, характеризующие данную разновидность языка» [Шмелев 2020: 398]. То есть в диалектных подсистемах национального языка функционируют узуальные нормы: эти «нелитературные» нормы состоят из общепринятых, устоявшихся способов использования местной языковой системы, они не фиксируются письменно и не кодифицируются.

Норме, проявляющейся в диалектном узусе, присуща известная устойчивость, стабильность как основа функционирования всей системы. Этот консерватизм диалектных систем способствует сохранению в них ряда реликтовых черт, например, сохранение в части диалектных систем особой фонемы /ɨ/, противопоставленной /e/;

отсутствие в севернорусских говорах нейтрализации фонем /o/ и /a/ в безударных слогах; наличие в части говоров еканья (эканья), которое исчезло в литературном языке еще в первой половине XX в., и др.

Однако язык как явление социальное находится в постоянном движении. Отсутствие кодификации диалектных норм определяет их высокую динамичность, способствует реализации в речевом узусе различных потенциальных возможностей языковой системы. В качестве примера можно привести процесс унификации типов склонения существительных во мн. ч., который привел «к утрате родовых различий и формированию специфического показателя множественности *-a* в формах Д. мн., Т. мн. и М. мн., а также отчасти И.-В. мн.» [Шульга 2017: 92]. В современном литературном языке в И.-В. п. существительных муж.р. образование форм на *-á* достаточно продуктивно: в одних случаях подобные формы прочно закрепились в литературном языке (*адресá, веерá* и др.); в других случаях форма на *-á* является вариативной и употребляется преимущественно в разговорной или профессиональной речи (*бамперá, дизельá*); наконец, в ряде случаев формы на *-á* характеризуют просторечие и находятся за пределами литературной нормы (например: *инженерá, выговорá* и др.).

Во многих же южнорусских говорах (кроме юго-западных) окончание *-á* широко распространено не только у существительных муж. и ср. р., оно возможно и у существительных жен.р., преимущественно с основой на мягкий согласный: *деревня́, лошадя́, матеря́, яблоня́* и др. [Касаткин (ред.) 2012: 136]. Таким образом, тенденция к преодолению остатков старых родовых различий во мн. ч. в этих говорах проведена более последовательно, чем в литературном языке.

Основная задача при описании частной диалектной системы – вычленив из разговорного узуса ее ключевые языковые элементы, дать структурную характеристику всем существующим вариантам, определить их нормативный статус. В докладе будет показано, что для адекватной интерпретации звуков, отмеченных в узусе частной диалектной системы, необходимо использование инструментально-фонетических методов, которые помогут дать объективную характеристику звуков речи, выявить их значимые признаки и определить место конкретного звука в структуре языка. Необходимо всегда помнить, что соотношение основных аллофонов фонем может иметь диалектную специфику и не совпадать с соответствующим фрагментом литературной системы, а также отличаться от «классических» образцов, описанных в учебных пособиях по диалектологии.

Очевидно, что при сборе и анализе диалектного обязательно нужно учитывать некоторые методики, принятые при обучении иностранному языку, в частности необходимо изучить на конкретных образцах типологию фонетических диалектных различий, а также механизмы восприятия ряда диалектных звукотипов (в аспекте интерференции с перцептивной базой собирателей, говорящих на литературном языке). В качестве удачного примера подобного учебного пособия для диалектологов можно привести звучащую хрестоматию «Севернорусские говоры», где в приложении дан корпус звуковых эталонов, который включает в том числе ударные гласные, «характерные для севернорусских говоров и отличающиеся от “стандартных”, то есть свойственных литературному языку» [Касаткина (ред.) 1991: 242].

ЛИТЕРАТУРА

Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно: пособие по русскому языку. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2001.

Касаткин (ред.) 2012 — Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012.

Касаткина (ред.) 1991 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1. Севернорусские говоры / Отв. ред. Р.Ф. Касаткина [Приложение № 1 к Бюллетеню Фонетического Фонда русского языка]. Москва – Бохум, 1991.

Шмелев А.Д. Норма языковая // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. А.М. Молдован. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 398–400.

Шульга М.В. Грамматические оппозиции в истории морфологии имени. М.: Индрик, 2017.

Ирена Савицка, Татьяна Зиновьева

МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О ФАНТОМАХ ПАНОВА В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ?

Доклад посвящен произношению ауслатных консонантных групп, содержащих плавные сонанты в абсолютном исходе в русском и польском языках, а также фонологической интерпретации звуковых явлений, происходящих в этих группах.

Русский язык является последним славянским языком, в котором исчезли двухвершинные исходы с плавными сонантами. В настоящее время аналогичные процессы начинаются в польском языке. В обоих случаях это приводит к определенным фонологическим и/или морфонологическим изменениям, которые будут рассматриваться в докладе. Для этого, в частности, необходимо сформулировать фонетические отличия между плавным сонантом в так называемой сильной позиции и в позиции, приводящей к фонетическим изменениям, а также определить фонетическое отличие/сходство между так называемым «фантомом Панова» и задними невысокими гласными в безударной позиции.

О. И. Северская

ИРЯ РАН

(Москва, Россия)

oseverskaya@yandex.ru

«СТИХ ГЛУБОКОГО ДЫХАНЬЯ, ЯРКОСТИ, КРУТИЗНЫ»: ИДИОСТИЛЬ М. В. ПАНОВА-ПОЭТА

«Стихи сами пишутся, когда хотят», – говорил о своем творчестве сам М. В. Панов. А судя по его стихам, и мысли о стихосложении приходили, «когда хотели», – в военном стихотворении «Ночь» (1942) сначала: *Медленно вырастает звук порывистый и воющий.* / «Мессершмит»? Или может... нет, не «Фоке-вильф», и тут же приходит на ум строчка Блока, а с ней – размышления: *Думаю о судьбе русского*

свободного стиха: / будущее за ним. И совсем не бескрылый, / не безвольный, вранье: это стих глубокого дыхания, / яркости, крутизны. Блок давно уже это открыл.

Формированию идиостиля Панова способствовали, на что указывает В. И. Новиков, «не только опыт читателя-аналитика, но и практический опыт поэта» [Новиков 1999]. Большая часть его стихов [Панов 1998; 2001] написана верлибром, который наследует метрическому канону Серебряного века [Бахор 2001] – междударные интервалы в диапазоне от одного до трех слогов поддерживаются чередованием звуковых рифм, как, например, в стихотворении «Тень»: *Свежее росистое солнце. / Трава, / пушистозеленая, / под ветром клонится: / туда, / сюда*, где по-разному «рифмуются» звуки [а], [и], [о], [э]. Ритмический стих также присутствует в двух книгах Панова, который использует размерность, «наращивая мощь интонации преодолением барьеров и плотин строгих форм» [Новиков 1999].

Звук, пожалуй, играет в идиостиле Панова важнейшую роль.

Образы описываются в фонологических терминах и поверяются фонетическими законами, как *человек и веник*, которые могут быть *функционально равны*, как *фонема: Ряд позиционно чередовательных звуков, / самых разных, непохожих. / А говорители думают: это все одно, / неразличимое то же* (поэма «Бодуэн де Куртенэ»). Некоторые слова представлены практически транскрипцией, отражающей звучание обыденной речи: *Бутерброт. Регулярно* («Из жизни Фучитурии»), иногда и не вполне грамотной: *Я тихохонько с балкона, / я скорехонько по стенке, / и пинпиндикулярно к ней* («Макушка»). Образным становится и слоговое деление: например, в «Людах края» слоги образуют строки, выстраиваясь в строфе наподобие дома – в *па-/рал-/ле-/ле-/пи-/пед, / пустой бетонный воздух / на сто этажей*.

Поэт-Панов слушает, как информантов, людей: – *Чруфпах... триц... цклинь! / Финуруф! Хстур.../ (Со слезами, со всхлипами... / Сопенье и шмыги носом...)* / – *Успокойся, милый! Ваниан! / Затих. / Палец в рот засунул. Уснул* («Чруфпах...») и природу: *Река ... Рыб / лб мр* («Река»), их звучание, которое и записывает с тщательностью ученого-фонетиста. В его стихах много звукоподражательных фрагментов: *А потом – фпр! – из окошка...* («Макушка»); *Эта книга...как олень... Цок-цок, цок-цок...* («Эта книга...»).

Заумь в идиостиле Панова присутствует, но, справедливо отмечает П. Крючков, в его экспериментальных стихах есть «ясная, акварельная прозрачность, зримость картины, сотворенной языком-памятью» [Крючков 2003]. В книге о русской орфографии «И все-таки она хорошая!» Панов обращает внимание на то, что носителем смысла в слове являются согласные звуки. В стихотворении «В честь А. Е. Крученых» в последней строке связываются с помощью тире две триады согласных: *Гвр – дзр*, в которых можно увидеть слова, складывающиеся в предложение: *Говор – дозор*; да и само стихотворение, состоящее из обрывков слов, представляет собой диалог с ремарками автора, чем-то вроде экспериментов Л. И. Щербы с *глокой куздрой, бокром* и *бокренком*: *Упферлиди кумба* – вряд ли читатель уловит какой-то смысл, кроме грамматического, но первое слово похоже на глагол 2-го лица единственного числа в императиве, а второе – на существительное мужского рода в винительном падеже.

Конгломераты звуков не только грамматизируются, но и семантизируются. Заглавие стихотворения «Чмюхр» Панов снабжает сноской: *К вопросу о семантике*

звука. Грамматическое упражнение, отрабатывающее правописание сочетания согласного с сонорным, превращается в звуковой портрет: *Пишите правильно: / заскоруэзл / облезл / безмозгл / рыхл / хрипл / дряхл / Какой удивительный человек / глянул из этого столбца!*

Важное место в идиостиле Панова занимает паронимическая аттракция, звуковые повторы создают подобие морфем, придавая фрагментам реальности связность: *крупное кружево / из молчаливых теней / и светящихся пятен («Тень»), живые кружева: / это папоротники («Из земли лезут...»)*. Объемность, стереоскопичность картины мира достигается и совмещением двух разнородных признаков предмета в одном эпитете с помощью словосложения: *Трава, / пушистозеленая («Тень»)*.

Излюбленный композиционный прием – градуальное наращение смысла за счет варьирования сем с повтором словообразовательной структуры слова: *Натаскиваю, натягиваю шинель; Счастье? / Выполнить назначенье. / Себя выполнить, / исполнить, / наполнить*. Стоит отметить и композиционную роль постоянно меняющейся точки зрения: от детали к детали, от лица к изнанке, *от себя – туда, а затем к себе – сюда*, от микрокосма к макрокосму, с поступательно возвратным движением точки обзора (так, смена ракурса рассмотрения в одном из текстов моделирует движение самолета по вертикали и по горизонтали).

Что касается жанровых форм, то поэзию Панова можно назвать дневниковой: его стихи имеют признаки «эго-текста» – текста о себе самом, об обстоятельствах жизни самого автора, написанного с субъективной точки зрения и как бы для «внутреннего употребления» [Михеев 2007, с. 6]. Порой стихи напоминают модный сегодня «дневник благодарностей», в «Дожде»: *Что было сегодня хорошо? / Умная книга, / встреча с цаплей, / но лучше всего – / дождь*, в «Человек благодарен»: *Спасибо за счастье, за труд, / за мучения мысли. / Я смог пройти сквозь них... / С рубцами ожогов? / Спасибо*.

Эти и другие черты идиостиля Панова-поэта можно определить подсказанными В. И. Новиковым и П. Крючковым емкими формулами: стихи «отвечают за своего автора» [Новиков 1999], и «звук тянет за собой смысл, а интуиция претворяется в определение» [Крючков 2003]. Это и художественный мир, и филологическое исследование – два в одном.

ЛИТЕРАТУРА

Бахор Т. В. «Счастье? Себя выполнить. Исполнить. Наполнить» (читаем стихи М. В. Панова). // Русский язык, 2001, № 1. URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200100109>.

Крючков П. Книжная полка. М. Панов. Олени навстречу. // Новый мир, 2003, № 9. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2003/9/knizhnaya-polka-pavla-kryuchkova-4.html.

Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX). М.: Водолей-Publ., 2007.

Новиков В. И. Стих первой свежести. // Знамя, 1999, № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/3/mihail-panov-tishina-sneg.html>.

Панов М. В. Тишина. Снег. М.: Carte Blanche, 1998.

Панов М. В. Олени навстречу. Вторая книга стихов. М.: Carte Blanche, 2001.

М.П. Селиванов
Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В.Ломоносова
(Москва, Россия)
selivanov-michele@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФОНЕТИКИ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Современная языковая ситуация характеризуется экспансией заимствованных слов, которые должны быть освоены русским языком. Пришедшие посредством ситуативно-целевого обращения к лексическому фонду другого языка заимствованные слова могут иметь разную звуковую форму.

На сегодняшний день выделяются три способа произношения заимствований.

Первый из них, *русификация*, – полное подчинение заимствования фонетическим законам русского языка. На сегодняшний день русификация кажется всё более осознанным способом произношения: это может быть стремление к языковому пуризму у человека соответственной лингвистической компетенции ([ф']ейк) или намеренная языковая игра («*Не разбираюсь в этих ваших интер[н']етах*»). Русификация слов с нехарактерными для русской фонетической системы звуками в целях языковой экономии в эпоху глобализации, когда иностранная речь транслируется повсеместно, а параметр «приобщённости к иноязычным культурам» более не является чем-то особенным, остаётся неоднозначным вопросом в лингвистике: повторить услышанное всегда легче, чем его изменить ([dʒ]оуль), но повторить можно по-разному ([w]/[в]атсан).

Второй способ произношения, *цитация*, представляет собой условно точное по отношению к оригиналу воспроизведение иностранного слова. Как показывают наблюдения, цитация среди представителей современного «младшего поколения» (условно – рубеж XX-XXI вв.), для кого русский язык является основным в общении, встречается всё реже: сегодня попытка «копирования» отрывка иноязычной речи или отдельного слова отсылает к нобилизации данного явления в конце прошлого века и трактуется скорее в ироничном ключе.

Третий способ произношения, *стилизация*, на сегодняшний день интерпретируется или как «частичное» сохранение оригинальной звуковой оболочки («чужая фонема» у М.Я.Гловинской, «привозные согласные» у М.В.Панова), или помещение русского звука в необычную для него позицию (освобождение от позиционной зависимости у М.В.Панова).

На рубеже XX-XXI вв. в науке наблюдается стремление определить социолингвистические и лингвистические условия выбора того или иного способа произношения заимствованного слова. На основании тенденции выделяется фонетическая подгруппа заимствованных слов, где правила произношения отличаются от правил произношения слов с «русской фонетикой» (ср. *фра[н]чайзинг* и *ко[н']чать*).

Как показывает анализ зарубежных исследований фонетики заимствованных слов, существующая концепция «частичного» сохранения оригинальной звуковой оболочки оказывается под вопросом. Хрестоматийный пример пребывания «l-европейское» в языке первой трети XX века кажется неточностью формулировки: иностранная фонема определяется набором своих аллофонов или обусловленных экстралингвистическими

факторами звуков, – в то время как фонема /l/ в русском языке имела по свидетельству Е.Д.Поливанова диапазон звуков отличный и от русских /л/ и /л'/ и от /l/ в каком-либо из приведенных им языков.

Отдельного внимания сегодня заслуживает вопрос, почему одни иностранные звуки приносили с собой «особенности» артикуляции, в то время как другие (ср. английский [ɹ], французский носовой [ʒ̃]) – именно в русском языке никогда проблем не имели. Из актуальных примеров «особенной» кажется пришедшая из английского /w/ и её реализации: в билабиальном [w] ([w]индоус); лабио-дентальном [β] (нью-[β]ейв); возможном лабиализованном дифтонге (как рефлекс [w]) (в [ʊə]тсәне).

К.Я. Сигал
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)
kjseagal@yandex.ru

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

В начале 1990-х гг., будучи профессором кафедры русского языка МГОПУ, Михаил Викторович Панов неизменно напоминал нам, своим студентам: «Я – научный внук Фортунатова». Общение с М.В. показывало, что за этими словами стояло цельное лингвистическое мировоззрение, положенное в основу научной школы Ф.Ф. Фортунатова, т.е. Московской лингвистической школы (МЛШ). Со студенческих лет помню, с какой завораживающей убедительностью М.В. объяснял всеобъемлющий характер позиционного принципа: от фонетики до синтаксиса и дальше – в текст.

Важно отметить, что идеями МЛШ в те годы была пронизана во многом вся деятельность кафедры русского языка МГОПУ, которой заведовала профессор Е.И. Диброва. В частности, профессор Е.Н. Ширяев строил свой курс синтаксиса на основе идей МЛШ, демонстрируя животворящий потенциал синтаксического учения Ф.Ф. Фортунатова, а в недавнем прошлом – Р.И. Аванесова. В юбилейной статье «МЛШ. 100 лет» М.В. признавал: Е.Н. Ширяев «разрабатывает идеи московского синтаксиса» [Панов 2007: 646].

Е.Н. Ширяев полагал, что основным понятием в синтаксисе МЛШ должно быть признано понятие синтаксической формы (СФ) как единства синтаксического средства и значения, которое этим средством выражается [Ширяев 1990: 118–120]. При этом синтаксис рассматривался как «учение об иерархически упорядоченной системе СФ» [Там же: 120]. Так, в частности, выделялись такие СФ, как СФ связи слов, СФ предикативности, СФ связи предикативных конструкций, коммуникативно-модальная СФ, а также СФ актуального членения и СФ обособления [Там же: 120–125]. О двух последних СФ утверждалось, что «эти формы... являются как бы внешними по отношению к предложению: они модифицируют готовое предложение» [Там же: 125].

М.В. прямо нигде не называл обособление СФ, но уделял этому синтаксическому явлению особое внимание в спецкурсе для будущих учителей-практиков. Ср., например, такое обобщение: «Сказуемое создает предложение, т.е. создает мысль, а обособленное

определение на полпути от номинации к предикативности в построении предложения» [Панов 2014: 191]. Обособление оформляет этот смысловой «сдвиг» с помощью разных средств (о них блестяще рассказывает М.В. на с. 191–192), вследствие чего трактовка обособления как СФ вряд ли может вызвать сомнение. Идея Е.Н. Ширяева о том, что СФ обособления является внешней для предложения, лишь модифицирует его, пока остается только гипотезой.

Подчеркнем главное: СФ обособления обладает природой языкового знака и поэтому может получать эстетическую специализацию (ЭС), т.е. дополнительные эмоционально-смысловые оттенки значения и конструктивно-смысловые функции, в речевой практике писателей и журналистов. ЭС СФ обособления можно наблюдать в функциональном разграничении обособленных и необособленных одноименных второстепенных членов предложения в одном и том же тексте, в композиционно-синтаксической организации повествования, в идиостилевом применении конкретной СФ обособления.

М.В., следуя методологии МЛШ, призывал, в частности, «не растворять закономерности языка в закономерностях... психологии» [Панов 2007: 646]. Однако, как кажется, объяснение механизма ЭС СФ обособления может быть получено благодаря учению Д.Н. Узнадзе об установке, причем без какого бы то ни было отступления от идей московского синтаксиса.

ЛИТЕРАТУРА

Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2007. 848 с.

Панов М.В. Лингвистика и преподавание русского языка в школе. М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014. 272 с.

Ширяев Е.Н. Московская лингвистическая школа и синтаксис // Язык: система и подсистемы. К 70-летию М.В. Панова. М.: ИРЯ АН СССР, 1990. С. 118–129.

Е.С. Скачедубова

ИРЯ РАН

(Москва, Россия)

skakaterina@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ АКЦЕНТУАЦИИ СТРАДАТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ: НОРМА И УЗУС

Как известно, в русском языке есть небольшая группа глаголов, относящихся к непродуктивным классам, которая характеризуется высокой степенью вариативности ударения в формах прошедшего времени. От переходных глаголов этой группы образуются страдательные причастия, которые также отличаются особыми явлениями в области ударения. Рассматриваемые глаголы разделяются на две группы: глаголы с исконно односложной основой (*бы-, ви-, да-, жи-, кля-, ли-, пи-, плы-, я- (ня-)*) и глаголы,

в которых ранее был редуцированный, т. е. исконно двусложные (*бра-, вра-, гна-, дра-, жда-, жра-, зва-, рва-, сла-, стла-, тка-*).

Современные орфоэпические словари фиксируют эту акцентную вариативность, но, во-первых, в различных изданиях нет единообразия кодификации, а во-вторых, зачастую рекомендации расходятся с узусом.

Чтобы определить основные закономерности постановки ударения в полных и кратких формах страдательных причастий, образованных от вышеперечисленных глаголов и их префиксальных производных, была проведена серия экспериментов.

1. Формы причастий, образованных от глаголов с исконно односложной основой

1.1. Полные формы, краткие формы м.р., ср.р. и мн.ч.

Современные орфоэпические словари фиксируют акцентную вариативность в этих формах. Анализ данных, полученных в ходе эксперимента, показал четко проявляющуюся тенденцию к переходу ударения в описываемых формах с префикса / окончания на корень.

1.2. Краткая форма ж.р.

Орфоэпические словари формы кратких страдательных причастий ж.р. рекомендуют произносить с ударением на окончании. Ударения на приставке и на корне имеют различную степень допустимости или запрета.

Проведенный эксперимент выявил тенденцию перехода ударения в формах кратких страдательных причастий ж.р. ед.ч. с флексии на префикс или корень, причем место ударения обычно зависит от конкретной приставки.

2. Формы причастий, образованных от глаголов с исконно двусложной основой

2.1. Полные формы, краткие формы м.р., ср.р. и мн.ч.

В современном русском литературном языке полные формы этих причастий, а также краткие формы ед.ч. м. и ср.р. и мн.ч. имеют нормативное ударение исключительно на префиксе, другие акцентологические варианты в произносительном узусе отсутствуют.

Отдельно следует сказать о причастиях с приставками *пере-* от этой группы глаголов. Орфоэпические словари указывают единственно возможное ударение для полной формы, а также для кратких форм ед.ч. м. и ср.р. и мн.ч. на втором слоге приставки (*пере@вранный*). Данные проведенного эксперимента говорят о том, что ударение в этой приставке переходит на первый слог.

2.1. Краткая форма ж.р.

Современные орфоэпические словари рекомендуют произносить подобные формы с ударением на приставке.

У большинства респондентов зафиксировано произношение, рекомендованное орфоэпическими словарями. Исключением являются формы, образованные от глаголов с приставкой *пере-*: вопреки словарным рекомендациям ударение смещается со второго слога приставки на первый.

Таким образом, в полных формах и кратких формах м.р. и ср.р. и мн.ч. страдательных причастий прошедшего времени, образованных от двух групп глаголов, наблюдаются противоположные акцентологические тенденции: формы причастий,

образованных от некогда односложных глаголов, стремятся к переносу ударения с окончания / префикса на корень, в то время как в аналогичных формах от некогда двусложных глаголов ударение перешло с корня на префикс. В формах кратких причастий ж.р. в обеих группах ударение стремится перейти с окончания: в первой группе на приставку или корень, а во второй – исключительно на приставку. Таким образом, если ранее у причастий, образованных от глаголов с особенностями в ударении, наблюдалась тенденция к актуализации родового противопоставления в формах ед. ч., то на данный момент развития языка в этих формах действует прямо противоположная тенденция выравнивания акцентной парадигмы, что сближает их с причастиями, образованными от глаголов с регулярными акцентными типами.

Соколянский А. А.
Северо-Восточный государственный университет
(Россия, Магадан)
sokol_2001@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ М. В. ПАНОВА

Первоначально фонологические взгляды М. В. Панова были вполне традиционны для Московской фонологической школы (МФШ). В 1952 году М. В. Панов защитил кандидатскую диссертацию «Заударный вокализм современного русского литературного языка». Значительная часть работы была посвящена истории фонологии. В своей диссертации М. В. Панов выступает как убежденный сторонник МФШ, критическая часть его работы посвящена полемике с пониманием фонемы как звукового типа.

В 1953 году М. В. Панов принял активное участие в фонологической дискуссии с заметкой «О значении морфологического критерия для фонологии». Примечательно, что уже здесь М. В. Панов говорит о том, что морфологический критерий важен не сам по себе, а как способ организации позиционной фонологии: «Как видно, без морфологического критерия в фонологии не обойтись» [Панов 1953: 377].

В 60-е годы под влиянием работы Р. И. Аванесова (два ряда фонемных единиц), Н. С. Трубецкого (теория Пражской фонологической школы – ПФШ), Р. О. Якобсона (дихотомическая классификация) формируются новые взгляды М. В. Панова на фонологию. Наиболее полное изложение они получили в монографии, защищенной в качестве докторской диссертации, «Русская фонетика» [Панов 1967]. В этой работе ставится задача синтеза основных идей МФШ и ПФШ. Такой синтез М. В. Панов осуществляет в рамках многоуровневой фонологии. Им выделяется два ряда фонем: синтагмо-фонемы (пражские фонемы) и парадигмо-фонемы (московские фонемы). Функция первых – различение, функция вторых – отождествление. Каждой из этих фонем посвящены отдельные разделы в монографии.

В отличие от Р. И. Аванесова, «встраивающего» сильные и слабые фонемы в единый фонемный ряд, М. В. Панов разделяет два вида фонем, делая синтагмо- и парадигмо-фонемы относительно независимыми друг от друга. Анализируя соотношение двух видов фонем, М. В. Панов задается вопросом: «Может быть, можно

все фонетические закономерности описать в терминах фонетики чередований (фонетической парадигматики) или только в терминах фонетики сочетаний (фонетической синтагматики)?» [Панов 1967: 12]. Ответ такой: «Отдельные фонетические школы пытались это сделать. Опыт этих школ заставляет думать, что прагматическая и синтагматическая фонетика описывает разные стороны языка» [Панов 1967: 12].

Синтагмо-фонология, то есть фонология контрастов, предполагает объединение в одну фонему звуковых единиц, имеющих одинаковый набор дифференциальных признаков. Процедура выделения дифференциальных признаков та же, что и у Н. С. Трубецкого. При этом при анализе гласных М. В. Панов использует *коэффициент различительной силы*. В слове *водá* [вадá] обе гласные характеризуются одним признаком *нижний подъем*, однако М. В. Панов не объединяет их в одну фонему на том основании, что ударный гласный входит в противопоставление, где функционируют 5 единиц, а в первой позиции после твердого согласного только 3. При анализе согласных М. В. Панов не применяет коэффициент различительной силы. При этом: «Фонемы /с⁴/, /с³/ и /с²/... находятся в соответствии. Две фонемы признаются находящимися в соответствии, если признаки одной фонемы полностью входят в характеристику другой» [Панов 1967: 106]. Находящиеся в соответствии фонемы нельзя объединить в одну единицу, так как они не могут находиться в одной позиции. В этом расхождении М. В. Панова и Н. С. Трубецкого. Пытаясь преодолеть обнаруженное противоречие, М. В. Панов делает главной единицей синтагмо-фонологии дифференциальный признак, который называет *субфонемой*, однако с этой позиции он анализирует только сочетания «согласный + согласный», что делает фонологию дифференциальных признаков в его изложении неполной.

Неожиданным становится то, что в основу описания парадигмо-фонем кладется явление нейтрализации: «Разные парадигмо-фонемы участвуют в разных нейтрализациях, и это различие должно быть положено в основу их классификации» [Панов 1967: 216]. Так как аппарат объяснения нейтрализации – признаки – остался в синтагмо-фонологии, то понимание нейтрализации в парадигмо-фонологии оказывается очень простым: «В некоторых позициях несколько парадигмо-фонем (две и больше) совпадают в одном звуке – нейтрализуются» [Панов 1967: 217]. М. В. Панов прекрасно понимал, что характеристика парадигмо-фонем через систему нейтрализаций ущербна: «У нас получилось, что каждая фонема имеет особую характеристику. Но в парадигмо-фонологии это вовсе не является необходимым. Несколько парадигмо-фонем могут иметь одну и ту же характеристику» [Панов 1967: 219]. Получается, что могут быть такие языки, для которых выделение парадигмо-фонем является бессодержательным.

М. В. Панов не был удовлетворен своим фонологическим описанием: «На самом деле у меня теория некрасивая, в смысле том, что она громоздкая» [Панов 2014: 114]. Развитие теории было осуществлено в учебнике «Современный русский язык. Фонетика» (1979). М. В. Панов пошел на полное разделение синтагмо-фонологии и парадигмо-фонологии. Синтагмо-фонема теперь лишается звания фонемы и называется по своей функции – дифференциатор. Два подхода к описанию фонетики сохраняются, но теперь они окончательно независимы друг от друга. М. В. Панов, как воспитанник

МФШ, теперь считает, что фонемами являются только бывшие парадигмо-фонемы. Фонема определяется как ряд позиционно чередующихся звуков языка.

В работе «Позиционная морфология русского языка» (1999) М. В. Панов возвращается к делению на синтагмо- и парадигмо-фонемы. «Вместе парадигматические и синтагматические отношения и составляют систему языка» [Панов 1999: 14]. Очень важной частью данной работы М. В. Панова становится раздел о нейтрализации в синтагматике и парадигматике. В основу нейтрализации в синтагмо-фонологии положен дифференциальный признак, а нейтрализация в парадигмо-фонологии опирается на фонему как на целостность: «Итак, сама процедура анализа парадигматических единиц не способствует их расчленению на признаки» [Панов 1999: 15]. Теорией синтагматической и парадигматической нейтрализации М. В. Панов достраивает то, что не было сделано в 1967 году.

В конечном итоге М. В. Панов настаивает на том, что синтагматическое и парадигматическое описание строятся независимо друг от друга: «В целом парадигматика и синтагматика не могут быть сведены друг к другу. Их следует рассматривать как различные группы закономерностей, необходимых речи. Итак, два различных мира. Они сосуществуют в языке» [Панов 1999: 20].

Несмотря на определенные недостатки фонемной теории М. В. Панова, она остается наиболее удобным плацдармом для развития идей МФШ.

ЛИТЕРАТУРА

Отклики на статью С. К. Шаумяна «Проблема фонемы» // Известия АН СССР, ОЛЯ. – М., 1953. – т. XII, вып. 4. – С. 373–377.

Панов М. В. Лингвистика и преподавание русского языка в школе. – М.: Фонд развития фундаментальных лингвистических исследований, 2014. – 272 с.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. – М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. – 275 с.

Панов М. В. Русская фонетика. – М.: Просвещение, 1967. – 438 с.

Э. Р. Стрейкмане

Городской методический центр Департамента образования города Москвы

(Москва, Россия)

el-streykmane@yandex.ru

ЗВОНІШЬ И ЗВѢНИШЬ — ОШИБКА ИЛИ НОВАЯ НОРМА?

На сегодняшний день нормы постановки ударения в современном русском литературном языке описаны достаточно полно, кодифицированы в различных словарях и справочниках. Одной из «напряженных» точек современной акцентологии является вопрос о месте ударения в глаголах на *-ить*, которым многие приписывают роль «лакмусовой бумажки» при определении степени владения культурой речи.

Сравнительный анализ данных разных современных орфоэпических словарей с точки зрения отражения в них акцентуации глаголов на *-ить* показал, что их

кодификационные рекомендации во многом отличаются друг от друга, а иногда даже вступают в противоречие.

Некоторые глаголы, отмеченные с ударением на окончании (наконечным) в памятниках XVII в., в литературной традиции, уже начиная с конца XVIII в., с таким ударением неизвестны. Уже в XIX веке степень употребительности глаголов с подвижным или неподвижным ударением была различной для каждого из них.

Случаи несовпадения с современным произношением в источниках XVIII–XIX вв. подтверждают, что изменения в ударении глаголов на *-ить* не хаотичны, а определенным образом направлены: в большинстве глаголов происходит переход от неподвижного ударения на окончании, то есть от старшей произносительной нормы, к подвижному, то есть к младшей норме. Этот процесс, начавшись в XVIII веке, к XXI веку распространился на большое число слов, что свидетельствует о его продуктивности.

Не только разночтения, встречающиеся в словарях, но и многочисленные отступления от кодифицированной нормы в узуальном употреблении стали основанием для проведения социолингвистического эксперимента. Как показали его результаты, выбор большинством респондентов в 64 случаях из 100 произносительного варианта с подвижным ударением — младшей нормы — подтверждает на практике, что больше половины из числа выбранных глаголов на *-ить* уже завершили переход от старой акцентологической нормы к новой. В 21 слове, где частотны колебания в выборе произносительного варианта, процесс перехода еще не завершен. Оставшиеся 15 глаголов на *-ить*, в формах которых чаще употребляется вариант с наконечным ударением, в меньшей степени затронуты процессом замены варианта старшей нормы произношения на вариант младшей нормы.

Анализ звучащей речи образованных людей показывает, что в глаголах на *-ить* с точки зрения постановки ударения возможны следующие ситуации: 1) продолжает быть обязательной старая акцентологическая парадигма с неподвижным ударением (например, *облегчить*, *разлучить*); 2) стала единственно возможной новая модель ударения (например, *катить*, *варить*); 3) сосуществуют два варианта нормы — старшая и младшая — с подвижным и неподвижным ударением (например, *перегородить*, *насорить*). В последнем случае соотношение между вариантами может быть различным — от равноправного до преобладания одного из вариантов, различного у разных слов.

А.В. Тер-Аванесова, С.В. Дьяченко
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

ФОНЕТИКА ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ С СЕМИФОНЕМНЫМ ВОКАЛИЗМОМ: ОСНОВЫ, СОДЕРЖАЩИЕ Е- ОБРАЗНЫЕ ФОНЕМЫ

В говоре села Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. различаются фонемы: /e/ < *e, *ь, представленная гласными с ровным началом — [e], и /ê/ < *ě,

представленная дифтонгами типа [ие]. Заимствования в говоре имеют под ударением /ê/ или /e/, причем эти фонемы, как правило, в основах заимствованных слов не варьируют. Заимствования из церковнославянского языка, из русского лит. языка и городского просторечия, из идиш различны по времени вхождения в говор и обнаруживают разные принципы выбора ударных фонем /e/ и /ê/ в соответствии с *e* (ѣ) в языке-источнике. В церковнославянизмах /e/ и /ê/ распределены в соответствии с традицией, истоки которой могут восходить к древнерусскому времени. В личных христианских именах, которые имеют в говоре специфически диалектные формы, и их производных: *Пѣтя, Хвѣдя, Сѣргов день, Андрѣй/Андрѣй, Сергѣй, Марѣя, Евдокѣя*, это распределение, по-видимому, соответствует распределению /e/ и /i/ в украинском языке. В словах с неполногласием выступает /e/: *врѣмя, прѣжде, стрѣдство* и др.

Заимствования из идиш зафиксированы только с /e/: *хѣдер, пѣсики*.

Большая часть нашего материала — слова, вошедшие в говор из русского литературного языка, профессиональных языков, городского просторечия. Последний из названных источников предполагается для старейших заимствований в говор из европейских и некоторых других языков. В XX веке заимствование происходит из лит. языка, в том числе его официальной разновидности, и из профессиональных разновидностей русского языка.

Среди заимствований из русского лит. языка или через его посредство, как более старых, так и более новых, слова с ударными /e/ и /ê/ встречаются примерно с одинаковой частотой, причем варьирование /e/ и /ê/ в одной основе — случай достаточно редкий. Фонетические условия выбора между /e/ и /ê/ сводятся к тому, что всякий *e* лит. языка, перед которым находится твердый согласный и *j*, а также *e* в начале слога, субституируются в говоре Роговатого фонемой /e/, а всякий *e* после задненебных — фонемой /ê/. В соответствии с лит. *e* после парных мягких губных и зубных согласных в говоре Роговатого могут произноситься /e/ и /ê/, причем последняя встречается в большем количестве слов. Такие же принципы выбора /e/ и /ê/, по-видимому, характерны и для слов славянского происхождения, вошедших в говор из литературного языка.

Отдельную группу представляют собой собственные имена, с которыми носители говора познакомились в XX веке. Это фамилии государственных деятелей, названия стран и отдаленных населенных пунктов: *Амѣрика* (наряду с *Амѣрика*), *Брѣжнев, Ёльцын, Лѣнин, Лѣнинград, Тюмѣнь, Тѣрек*, которые произносятся с /e/. Первоначально при выборе огласовки /e/ в таких словах мог сказываться фактор новизны или неосвоенности слова. Возможно, фактором новизны обусловлена фонема /e/ в имени *Глеб*.

Фактор новизны слова и обозначаемой им реалии в XIX–XXI вв., по-видимому, влиял на выбор /e/ носителями «семифонемных» говоров при огласовке слов, заимствованных из литературного языка. С определенного времени на выбор огласовки /e/ мог влиять и «культурный» фактор, а именно связанные между собой представления о том, что ударному *e* в литературном произношении соответствует диалектная фонема /e/, а не /ê/; и что именно фонема /e/ является правильным чтением буквы «е», в то время как фонема /ê/ передается буквой «е» на письме лишь в силу необходимости, поскольку специальной буквы для ее передачи нет в алфавите. Следствием таких

представлений является то, что некоторые люди младшего поколения, получившие образование, осознанно выбирают огласовку /е/ заимствованных слов, если хотят говорить более «литературно».

Напротив, выбор фонемы /ê/ для огласовки ударного слога заимствованных слов обусловлен фонетической близостью ее репрезентантов в говоре Роговатого и дифтонгоида [ʰе] — основного аллофона фонемы /е/ литературного языка. Имеется немало примеров, показывающих, что новые слова заимствовались в говор Роговатого в фонетическом облике, свойственном литературному языку, ср. примеры влияния литературного иканья на произношение и фонемный состав заимствованных слов в говоре Роговатого: *тилихвон, тиливизер, читьре* и др.

Д.Б.Тискин

СПбГУ

(Москва, Россия)

daniel.tiskin@gmail.com

НАБЛЮДЕНИЯ О СОГЛАСОВАНИИ ГЛАГОЛА С ЗАГЛАГОЛЬНЫМ МАТЕРИАЛОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Согласование глагольного сказуемого в числе с выраженным номинативным подлежащим находится в русском языке в зависимости от признака числа и от сочинённости ИГ-подлежащего, что несложно представить как копирование глаголом некоторого признака подлежащей ИГ. Сложнее обстоит дело в случаях, где в заглагольной позиции присутствует включённый в некоторую структуру номинативный материал, с которым, по-видимому, и осуществляется согласование.

В центре нашего внимания будут случаи типа (1)–(2), в которых общее двум клаузам с подлежащими глагольное сказуемое оказывается в позиции, предполагающей передвижение: в (1) *бабушка очкам* без глагола не составляющая, а в (2) употребление *а* показывает, что сочиняются клаузы, а не ИГ с зависимой от вершины предложной группой. Согласование в таких случаях вариативно:

1. **Обрадовалась** бабушка очкам, а сестра колечку и сказала брату: — Ты меня прости, я ведь на тебя подумала, а это галка-воровка. [Б. С. Житков. Галка (1931)]

2. Здесь **появляются** Кутейкин _и с часословом, а Цыфиркин _и с аспидной доскою и грифелем. [Д. И. Фонвизин. Недоросль (1782)]

3. А то гулять вместе отправятся: лебедь ~~отправится~~ по воде, а Соболюк ~~отправится~~ по берегу. [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приемьш (1893)]

Формально (2) слабо отличим от случаев бессоюзия (3), где номинативные ИГ можно отнести к отдельным (эллиптическим) клаузам, однако интонация в них различна; согласование же по ед. ч., как в (1), не объяснить без апелляции к ед. ч. *бабушка* и *сестра*. Аналогичное поведение демонстрируют клаузы с *ни... ни*:

4. Тут не **поможет** ни церковь своими обрядами, ни родственники своим сочувствием, ни свахи своим выбором. [М. М. Пришвин. Дневники (1928)]

5. Что-то развитое в моем понятии для лучшей оценки хорошего, что-то улучшенное во мне самом — такие сокровища, которые не **купают** ни богач за деньги, ни счастливцев счастьем, ни самый гений, худо направленный. [Е. А. Баратынский; *Aganem*]

Попытка объяснить согласование по мн. ч. в (5) наличием элидированного предглагольного материала наталкивается на невозможность этого материала. Таким образом, мы полагаем, что глагол согласуется с подлежащими обеих клауз, из которых выдвигается. Хотя *ни... ни* описывают как дизъюнкцию в сфере действия отрицания (см. обсуждение в Тискин 2019), дизъюнкции способны контролировать согласование по мн. ч. вопреки семантике единственности, как в (5) (см. в Grosz 2015 на немецком материале); ср. (6).

6. На подклет (в горницу или в амбар) молодых **вели** крестная **или** крестный. [Свадьба тюменских старожилков // «Народное творчество», 2004]

Вариативность согласования в (1)–(2), (4)–(5) соответствует вариативности, отмеченной П. Г. Грошем для ряда языков, в т. ч. английского (7), и описываемой им в терминах «множественной доминации» — доминирования сентенциальных проекций двух различных клауз 1 и 2 над одной и той же глагольной группой, причём факультативное согласование по мн. ч. является следствием получения глагольной проекцией двух несовпадающих референциальных индексов подлежащего.

7. [1 Sue's proud that Bill_i _] and [2 Mary's glad that John_j _] **have/has** traveled t_{ij} to Cameroon.

На синхронном уровне мы не предполагаем распространять этот анализ на конструкции, способные иметь предглагольное подлежащее, такие как «биместоименная» типа (*разъехались*) *кто куда* (Кустова 2016) или «дистрибутивная» (Зевахина, Оскольская 2013) в (8), хотя последняя образует с типами (3) и (2) континуум, ср. (9) из речи Интернета.

8. Часть докторов в поисках лучшей жизни подалась **кто** в челноки, **кто** в медицинские кооперативы. [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)]

9. 1,5 года мы жили он в России, я в Англии.

В последнем случае подчинительные отношения никак не обозначены на письме, однако вместо местоимений с семантикой неопределённости, как в (8), выступают ИГ, способные выступать в функции подлежащего независимой клаузы.

ЛИТЕРАТУРА

- Зевахина, Оскольская 2013 — *Зевахина Н. А., Оскольская С. А.* Неопределённые местоимения без показателей неопределённости в русском языке // *Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы*. СПб.: ИЛИ РАН, 2013. С. 18–20.
- Кустова 2016 — *Кустова Г. И.* Дистрибутивные местоименные конструкции типа *кто куда* // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2016»*. М.: РГГУ, 2016. С. 355–369.

Тискин 2019 — *Тискин Д. Б. Ни- и ни... ни: к вопросу о сфере действия // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 212–220.*

Grosz 2015 — *Grosz P. G. Movement and Agreement in Right-Node-Raising Constructions // Syntax. 2015. Vol. 18, no. 1. P. 1–38.*

Н. А. Фатеева

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

nafata@rambler.ru

«ГЛАЗА» В ПОЭТИЧЕСКИХ ПОРТРЕТАХ В. ХЛЕБНИКОВА

М. В. Панов посвятил языку русской поэзии XX века целый лекционный курс [Панов 2017, с. 143-554]. При этом особое внимание он уделял поэтам авангарда, считая, что их главным поэтическим приемом был сдвиг, который он уподобляет функции глаза: «Хлебников, Маяковский, Каменский, Крученых, Асеев, Пастернак, Петровский смотрели на мир через сдвиг. Это был их глаз» [Панов 2000]. Хлебников среди этих поэтов представлял для исследователя главный интерес. В посвященной его поэзии статье «Сочетание несочетаемого» он отмечал, что сдвиг у Хлебникова имеет особую пластическую природу: «У Хлебникова сдвиг служит изображению целостности и текучести мира. Невероятная разномасштабность и качественная несовместимость отдельных частей мира охватывается и объединяется целостным движением» [Там же]. В итоге Панов выделяет Хлебникова из числа поэтов на основе его индивидуального видения мира и наделяя его глаз особой зоркостью: «Хлебников-поэт был необыкновенно дальнозорок. Он умел видеть в жизни то, что не видели другие. У него в поэзии был свой особый глаз, и он называется: сдвиг. С помощью этого глаза Хлебников увидел единство мира и возможность единства людей» [Там же]. Быть может, эта характеристика поэта родилась из своеобразного автопортрета Хлебникова, где он сам называет себя зорким: *Глазами синими увидел зоркий...* Так или иначе, но в своих поэтических портретах и автопортретах Хлебников, объединяя различные сущности в метафоре «глаза», демонстрирует взаимоотражение природы, человека и глубинных законов существования Вселенной.

Интерес Хлебникова к портрету связан и с тем, что он, как и многие другие поэты авангарда, сам пробовал себя в изобразительном творчестве, и в целом считал, что словесный ряд во многом подобен живописному. «Мы хотим, чтобы слово смело пошло за живописью», – писал он. Его ранний автопортрет интересен тем, что на нем огромные глаза выходят за рамки лица во внешний мир, стирая между ними границу и делая самого поэта «ясновидящим» (Р.В. Дуганов). Такие же выходы «за границу» лица отмечаются и во многих поэтических портретах Хлебникова. Для поэта характерен антропоморфный «пейзаж-лик», как это определяет Р.В. Дуганов [1987].

Особенно показателен в этом отношении портрет М. Лермонтова, который представлен одними глазами в стихотворении «На родине красивой смерти – Машуке

...» (1921). Отождествляя свою судьбу с судьбой гонимого Лермонтова, Хлебников как бы растворяет глаза убитого поэта во всей природе, сдвигая границы небесного и земного. Лермонтов становится «сыном земли с глазами неба» и возносится над обычным миром. Рисуя поэтический портрет Лермонтова, Хлебников в одном контексте использует одновременно архаичные старославянские слова *очи*, *чело* и современные *глаза*, *лоб*, таким образом наделяя поэта XIX века свойствами пророка: *На родине красивой смерти – Машуке, / Где дула войскового дым / Обвил холстом пророческие очи, / Большие и прекрасные глаза, / И белый лоб широкой кости, – / Певца прекрасные глаза, / Чело прекрасной кости / К себе на небо взяло небо, / И умер навсегда / Железный стих, облитый горечью и злостью*⁴; и далее: *И в небесах зажглись, как очи, Большие серые глаза*. При этом глаза Лермонтова бессмертны (*Глаза убитого певца / И до сих пор живут не умирая / В туманах гор*) и им молятся (*И до сих пор им молятся, / Глазам, / Во время бури*), так как они похожи на вспышки гроз. Благодаря таким превращениям можно говорить об уподоблении глаз Лермонтова божественному оку.

Как пишет Н. Арлаускайте [электронный ресурс], у Хлебникова портрет часто ограничивается лишь фиксацией глаз. Такой глазной «пейзаж-лик» запечатлен в своеобразном автопортрете *«Мои глаза бредут, как осень, / По лиц чужим полям...»* (1911). Взаимопроникновение природы и человеческих глаз находим и в женском портрете, запечатленном в стихотворении, посвященном В.А. Будберг *«И снова глаза щегольнули / Жемчугом крупным своим»* (1915). В нем воспеваются прекрасные жемчужные глаза, которые обращаются к поэту «очаревной», и в этих глазах одновременно возникает лед: *В глазах: «Певец, иди и грезь!» – / Кроме меня понять кому ж? / И вы, очаревна, внимая, / Блеснете глазами из льда*. Интересен этот текст тем, что у Хлебникова таким же «жемчужным взором» обладает и озеро (этим оно персонифицируется) в стихотворении «Пен Пан» (1915): *И взора озерного жемчуг / Бросает воздушный, могуч меж / Ивы, / Большой, как и вы* (1915). Таким образом, *глаза*, *жемчуг* и *озеро* вовлекаются в один образный ряд, взаимоотражаются друг в друге. В другом же тексте «Три сестры» (1920-21), посвященном сестрам Синяковым, глаза уже напрямую сравниваются с водами озер: *Как воды полных озер / За темными ветками ивы, / Блестели глаза у сестер, / А все они были красивы*.

Что касается поэтических портретов своих коллег-футуристов – Д. Бурлюка и А. Крученых, то в них уже нет такого взаимопроникновения природы и человека. При описании Бурлюка Хлебников сосредоточивается на его «стеклянном глазе», который подобен *мертвому стеклянному шару*, что придает ему особые чары как *кривому оком* художнику. При описании Крученых при всей его мужественной коварности он выделяет девичьи глаза, придающие ему оттенок нежности: *Небранный, небрежный, коварный, / Но девичьи глаза, / Порою нежности полный*.

ЛИТЕРАТУРА

Арлаускайте Н. Филологическая мистагогия: нить Велимира Хлебникова // Электронный ресурс: http://avantgarde.narod.ru/beitraege/bu/na_mistagog.htm

⁴ Аллюзия к стихотворению Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840).

Дуганов Р.В. Рисунки Хлебникова // Панорама искусств 10. М.: Сов. художник, 1987. С. 366–379

Панов М.В. Сочетание несочетаемого // Мир Велимира Хлебникова. Статьи и исследования 1911–1998. М.: «Языки русской культуры», 2000. С. 303–332

Панов М.В. Язык русской поэзии XVIII–XX веков: Курс лекций. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017.

О.Е.Фролова
(Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ПОЭТИКА Д.ХАРМСА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ М.В.ПАНОВА

В своей интерпретации развития поэтического языка М.В.Панов отталкивался от понятия доминанты, которая меняется от эпохи к эпохе: «движение русской поэзии в прошлом — движение от одной системы к другой. <...> Доминантное средство создания поэтического мира у каждого поэта возникает из развития поэзии как искусства, из его самодвижения; возникнув, оно реализует заложенные в нем выразительные возможности» [Панов 2007, т. 2, с. 526]. Для В.Хлебникова доминантой была ассоциация по смежности, или метаморфоза, для В.Маяковского — разделение и монтаж, для обэриутов и Д.Хармса — особое строение пространства. Поэтика группы ОЭРИУ строится таким образом, что в ней «постоянно взаимодействуют два пространственных мира» [Там же, с. 529]. Панов описывает поэтику Хармса так: «Два пространства, два мира сосуществуют вместе — и независимо друг от друга» [Там же, с. 530]. Применительно к поэзии Хармса исследователь предлагает термин *полтергейст*, сочетающий «пластичность и резкость прорыва» [Там же, с. 531].

Поскольку пространство в тексте является результатом а) изображения и б) художественного конструирования, попытаемся продолжить рассуждения М.В.Панова о поэтике Д.Хармса.

Пространство воспринимается зрительно и в первую очередь конструируется графически на уровне строфики и языка. Для Хармса это: а) приемы иконического письма, б) деконструкция графического облика слова, в) нарушение правил орфографии, г) создание новых означающих, за которыми стоят новые неизвестные денотаты.

Взаимодействие строфики и деконструкции слова в примере 1.

(1) *но забыть они могли ли*

Друг про друга? Это вра-
ки!

(2) *иван иванович запнулся*

так немножечко запнулся

за п... п... п... п... п... пнулся.

В третьей строке 2 примера нарушение в движении изображается как заикание в речи выражено пятикратным повторением буквы *п*, разделенным многоточиями.

(3) *бла'-гослови*

о-ко-я'нные

(4) *а' се' го' дня' на' до' во'т ка'к
до' по'с ле' дня' го' ко'в ша*

Деление слова на слоги с дефисами и без — один из любимых приемов Хармса, обыгранный во взрослых и детских стихах (примеры 3, 4). Это может быть своеобразной партитурой для чтения вслух и графический рисунок для чтения про себя.

(5) *улитали пальцами
ка'-за'-ки'*

(6) *ны'не португалия
то'же сапоги
рыжими калёсами
тоже сапоги*

*уранила вырицу
тоже сапоги*

(7) *на берегу стояла сволоч
бросая в воздух мать одну.*

(8) *Остальные в битьве пали*

При написании выделенных слов *улитали*, *калесаами*, *уранила*, *сволоч* Хармс ориентируется на акающее произношение. Топоним *Португалия* написан со строчной буквы. Слова женского рода, заканчивающиеся на шипящий согласный, по правилам русской орфографии пишутся с мягким знаком на конце, написание существительного *битва* в предложном падеже через мягкий знак после *т* обусловлено следованием произносительной норме, при которой зубные смягчаются перед мягкими зубно-губными. Однако данные нарушения открываются не при восприятии стихотворения на слух, а только при его чтении.

Изображаемое пространство организовано как обратимое игровое в детских и необратимое неигровое во взрослых стихах. Конструкция предметов и состав привычных ситуаций нарушены. Пространство расчленяется на элементы и перекombинируется (пример 9). Т.о., денотатам присваиваются новые признаки.

(9) *Тут вошла его жена
С петухом на подбородке*

В деконструкции и трансформации пространства важную роль играют цифры, обозначающие и большие количество, и неполноту целого (10).

(10) *На плечах его висело
Три десятых головы*

Изображая пространство, Хармс следует правилу ЛЕГО, игры, в которой из разных по форме элементов можно собрать любое целое. Составные части могут даже быть семантически опустошены и выражены местоимениями (пример 11).

(11) *Это быть то.
Тут быть там.*

Это то тут там быть. Я. Мы. Бог.

Пространства Хармса проницаемы, легко переходят одной в другое: графическое пространство воспринимается непосредственно зрительно, изображенное нарушает правила логики, причинности и осуществляется в воображении адресата.

Литература:

Панов В.М. Даниил Хармс // Панов В.М. Труды по общему языкознанию и русскому языку. В 2-х т. М., 2007. Т. 2. С. 525-550.

Шапошников В.Н.

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

vladimirshaposhnikoff@yandex.ru

ГРАММАТИКА СУБСТАНТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ. СЛОЖНЫЕ ИМЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Образуются и функционируют в речи сложные именные образования – сочетания двух и более существительных, выступающих как единое целое. Часть их рассматривалась некоторыми исследователями под тем или иным интересующим углом зрения.

Наблюдается активизация и рост этих образований в русском языке в настоящую эпоху. Отмечается большое увеличение их количества (См. и ср.: Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. 2001). Многие из них воспроизводимы и частотны в речи. Нередко происходит замена такими сложными именными образованиями обычных атрибутивно-субстантивных словосочетаний.

Выделяются различные типы структуры субстантивных сочетаний. Они характеризуются в двух аспектах: различные логические типы; различные грамматические типы. Таковы их примеры, составляющие градацию по этим признакам: бизнес-кластер, таргет-группа.; инвалиды-колясочники, иммигранты-нелегалы; стоматолог-хирург, пожарные-десантники, гид-гость; беспилотники-квадрокоптеры; бизнес-тренер, бар-менеджер; водитель-охранник; фасовщики-стикеровщики; музей-мастерская, квартира-студия; колонии-поселения, шар-сюрприз; купон-промокод, бутик-отель; интернет-журналистика, дискурс-внушения; крафт-бумага; бэк-вокал, трейл-забег; шоп-тур, даун-шифтеры; куры-гриль, премиум-бренд; СМИ-иноагенты, IT-журналист; сад-оксюморон, садовник-акклиматизатор... Образуются также многочисленные собственные имена – названия учреждений и т.п.: Ювелир-центр, Райкин Плаза, Полюс-золото...

При этом многообразии и разнофакторности субстантивных сочетаний возникают затруднения грамматического плана, в определении грамматического рода и родовом согласовании с такими образованиями. Наряду с этим отмечаются также составные наименования, в которых компоненты легко меняются местами, что вызывает колебания родовой принадлежности сложения: усадьба-музей/ музей-усадьба, автомат-закусочная/ закусовая-автомат, магазин-пекарня/ пекарня-магазин. Есть трудности в определении грамматического рода этих единиц. Существует родовая вариативность сложных субстантивных образований.

Имеют место трудности определения другой грамматической категории, затруднения в склонении таких образований. Существует вариативность их склонения (матч-реванш, матч-турнир, план-карта).

В этих конструкциях могут стираться грани между грамматическими категориями. Могут стираться грани между собственно определением, выраженным прилагательным, и приложением, выраженным именем существительным. Выступает нерасчлененное употребление компонентов именных сочетаний.

Встречаются сложные наименования, состоящие более чем из двух слов: шарф-капюшон-накидка, пекарня-магазин-кафе, микроскоп-игла-скальпель.

Отдельный тип сложных обозначений образуют пары слов – существительных, не отмеченных и не объединенных какой-либо формально выраженной связью. Появляются сочетания иного графического оформления и соответственной структуры. Они образуют смысловые разновидности: коляска трость, джинсы скинни; кофе бин; мясо гриль, парикмахерская эконом; гранд кафе пекарня; паста бар, абитуриент тест, почта банк, Ресторан Бар; тонар кафе прицеп.

Возникают затруднения в квалифицировании компонентов именных образований, их роли и места и роли и взаимного отношения в составе сложных именных образований, а в результате, определения логико-грамматической структуры и системно-уровневой отнесенности именного сложения (Ср.: Костомаров В.Г. «Изафет» в русском синтаксисе словосочетания? // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996). Это или:

сложное слово и его внутренние компоненты;

существительное с «аналитическим» прилагательным;

существительное с приложением;

слово-компонент, являющееся главным в конструкции, и зависимый компонент;

написание и правописание составных образований и выражаемые им логико-семантические отношения;

раздельно написанные сложные названия и их внутренняя логико-грамматическая структура;

вариантность, разные написания и осмысления названий.

В современном русском языке данный материал находится (как и в английском) в состоянии неустойчивого равновесия, колеблясь в своем содержании и оформлении между известными и новыми сложными единицами.

Шарапова Екатерина Вячеславовна
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
katyasharapik@gmail.com

**НА ПЕРИФЕРИИ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ: МНОГООБРАЗИЕ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ В ПИСЬМАХ Ф. М.
ДОСТОЕВСКОГО**

Интенсификаторы относятся к эмфатическим средствам языка, употребление которых тесно связано с субъективной оценкой. Фонд интенсификаторов постоянно меняется и пополняется, поскольку при частом использовании слова теряют свою экспрессивность и требуют замены на новые, более выразительные средства. В то же время интенсификаторы – это средства выражения онтологической категории большого количества, которое объединяет такие категории лексики как большое количество, большой размер, длительность действия и др. При этом надо иметь в виду, что любые обозначения количества обязательно в большей или меньшей степени включают субъективную оценку [Сепир 1985]. Интенсификаторы также могут характеризовать не интенсивность ситуации в целом, а интенсивность отдельных ее аспектов, сохраняя, таким образом, качественное значение (*исступленный, свирепый, яростный*).

Поэтому интенсификация, оценка, значения большого количества, размера и некоторые другие категории пересекаются, а значения отдельных слов связаны между собой регулярными метонимическими отношениями [Кустова 2011; Рахилина, Рыжова 2019]. Это приводит к тому, что зона лексических интенсификаторов оказывается потенциально почти безграничной. Она выходит далеко за пределы специальных обозначений степени типа *очень, весьма, слишком, чрезвычайно* и др. [НОСС], идиоматических обозначений степени (Magn'ов) типа *жгучий (брюнет)* или *проливной (дождь)* [Мельчук 1999] и интенсификаторов, образующихся по регулярным моделям (*горячий, острый, впечатляющий, потрясающий, нестерпимый, неудержимый*) [Кустова 2011].

В письмах Ф. М. Достоевского мы выделяем несколько групп слов, которые регулярно выступают как показатели высокой степени, сохраняя при этом значение определенного качества, оценки или параметра действия – в большей или меньшей степени в разных контекстах. Семантика высокой степени содержится в значении таких слов в виде импликации и чаще всего специально не отмечается в словарях. Часто это приводит к тому, что в конкретных употреблениях слову невозможно дать однозначную интерпретацию – определенно отнести его к интенсификаторам или исключить из этой категории слов.

В качестве примера рассмотрим здесь группу слов, которые приобретают значение высокой степени через временные аспекты значения.

Прилагательные *вечный, бесконечный, неизменный, неувядаемый* могут выступать (в определенных контекстах) как интенсификаторы. Однако они обозначают не интенсивность чувства сама по себе, а предельно большую длительность чувства, действия, состояния (при том, что сами эти лексемы не обязательно обозначают время, ср. *бесконечный, неувядаемый*). Значение интенсивности появляется как следствие очень большой длительности:

Благодарность русского к тому, кто в эпоху несчастья покрыл грозную оборону Севастополя вечной, неувядаемой славой, — понятна.

Это своего рода бесконечное недоразумение с обеих сторон, которое чем далее идет, тем более запутывается.

Благодарю за то, друг Миша, мой неизменный друг, что ты завязал с «Русским словом» сношения и так мастерски обделал всё дело. 1

Наречия *беспрерывно, беспрестанно, поминутно* указывают на непрерывность действия, чувства, состояния и приобретают значение высокой степени как следствие непрерывности:

Но быть невеждой сознательно, по своей воле, отстать от своего поколения, быть ниже и хуже других и, не имея образования, не понимать, стало быть, того, что кругом происходит — и беспрерывно чувствовать это — вот что скверно и ужасно будет.

Кто-то в Томске нуждается в жене и, узнав, что в Кузнецке есть вдова, еще довольно молодая и, по отзывам, интересная, через кузнецких кумушек (гадин, которые ее обижают беспрестанно) предложил ей свою руку.

Я мамаше больше всех писал, поминутно писал.

Не обладая гиперболой или внутренней формой, которую заключают в себе, например, *вечно* или *поминутно, постоянно* или *долго* уже не настолько легко приобретает функцию интенсификатора, указывая скорее на конкретный параметр действия, однако в экспрессивном контексте также может быть интерпретировано как интенсификатор, ср.:

Не вини меня: я человек больной, постоянно больной, а дела в последнее время навалили на себя столько, что едва расхлебал.

Рядом с моим N в d'Alger, дверь об дверь, живут два богатых жиды, мать и ее сын, 25-летний жиденок, — и отравляют мне жизнь: с утра до ночи говорят друг с другом, громко, долго, беспрерывно, ни читать, ни писать не дают.

Регулярное употребление определенных лексем в функции интенсификаторов характеризует идиостиль Ф. М. Достоевского, но не является уникальным явлением и одновременно отражает динамику семантических переходов в языке в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Кустова 2011 – Кустова Г.И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (MAGN'ы прилагательные) // Слово и язык. Сб. статей в честь 80-летия акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 256-268.

Мельчук 1999 – Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, Синтаксис. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1999.

НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. руководством акад. Ю.Д. Апресяна. М.-Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004.

Рахилина, Рыжова 2019 – *Славный корабль – омулевая бочка...* К микро-истории семантических переходов. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. XX. 2019. С. 241-255.

Сепир 1985 – Сепир Э. Градуирование. Семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 43-78.

О. А. Шарыкина
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
oka_2311@mail.ru

О ПОРЯДКЕ ЗНАЧЕНИЙ В СЛОВАРНЫХ СТАТЬЯХ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ»)

М.В. Панова по праву можно считать родоначальником направления в русистике, которое начало изучать разговорную речь как самостоятельную подсистему литературного языка. Его исследования были продолжены в работах под руководством Е.А. Земской. И только в первые десятилетия XXI в. издаются первые толковые словари, в которых представлена разговорная лексика, прежде всего это «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В.В. Химики и «Толковый словарь русской разговорной речи» под ред. Л.П. Крысина.

Одной из характерных черт разговорной лексики является многозначность. В «Толковом словаре русской разговорной речи» (далее – ТСРР) – описано большое количество многозначных слов. Лидерами среди них являются, безусловно, глаголы (ср. *тянуть* – 21 значение, *пройтись* – 9 значений, *рубить* – 6 значений), а также частицы (ср. *ну* – 11 значений, *так* – 11 значений, *типа* – 6 значений) и междометия (ср. *ку-ку* – 5 значений, *м-м* – 5 значений, *ой* – 4 значения). Описание подобных слов, как правило, связано с определенными трудностями. Одной из них является порядок расположения в словарной статье значений многозначных слов.

Стоит отметить, что вопрос о структуре словарной статьи многозначных слов очень непрост. В частности, ему посвящена работа Ю.Д. Апресяна, размещенная в Предисловии к «Новому Большому англо-русскому словарю» (1993)⁵. В ней указывается на множество иногда даже противоречащих друг другу факторов, влияющих на расстановку значений многозначного слова.

Как правило, в словарных статьях ТСРР применяется принцип расположения значений от прямого к переносным (как это делается и в толковых словарях кодифицированного языка), от конкретного к менее конкретным или даже отвлеченным. В то же время специфика представленной в ТСРР разговорной лексики во многих случаях требует индивидуального подхода к каждому многозначному слову. Например, прямое значение слова может не быть разговорным и, следовательно, не отобразиться в ТСРР (ср. *скворечник* в прямом значении – ‘искусственное гнездовье для мелких птиц’ – в ТСРР не представлено, описаны только следующие разговорные употребления: 1) о небольшом деревянном, неосновательно построенном доме, неказистой постройке; 2) милицейская или полицейская будка; 3) деревянный туалет во дворе загородного дома; 4) голова; 5) ширинка на брюках мужчины)⁶. При этом зачастую возникает вопрос: какое значение должно быть на первом месте – то, которое ближе к прямому, непереносному,

⁵ Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х т. / Под общ. рук. Э. М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. – М., Рус.яз., 1993.

⁶ Толкования из словарной статьи А.Р. Пестовой.

или самое употребительное. В ТСРР этот вопрос решается по-разному. На структуру словарной статьи многозначного слова могут влиять следующие факторы:

- стилистическая окраска слова: напр., значения, сопровождающиеся пометой «сниж.»⁷, как правило, располагаются после значений, не имеющих каких-л. стилистических помет; ср. в статье СМЕКАТЬ первое значение – «догадываться о чём-л., обдумывая, перебирая в уме различные варианты чего-л.» – без стилистической пометы, а второе и третье значения – «быть сведущим, обладать знаниями и умениями в чём-л.» и «достать, найти, устроить что-л. (еду, ночлег и т.п.)» – имеют помету «сниж.»;

- принадлежность к каким-л. подсистемам данной разновидности языка, например, сленг или жаргон: ср. в словарной статье разговорного глагола РУБИТЬ первое значение «прямо и резко высказывать что-л.» не имеет стилистической пометы, 2-4 значения – «быстро и с аппетитом есть», «значительно сокращать, уменьшать», «хорошо разбираться в чём-л.», «с азартом играть во что-л.» – сопровождаются пометой *сленг*. А б значение «*то же, что валить*¹ (во 2 знач.)» (ср. *препод рубит студентов на экзамене*) имеет помету *молод.* (молодёжный жаргон);

- в некоторых случаях учитывается и специфичное управление, которое может возникать у слов в определённых значениях: ср. в статье ТУФТА только в б-м значении – «о ситуации, когда что-л. не работает, не действует, не получается» – появляется управление *с чем* (*туфта с машиной, с записью куда-л.* и т.п.);

- употребительность в речевой практике носителей языка: например, является ли данное значение устаревшим или уходящим (ср. в статье СВОРОТИТЬ первое и второе значение – «прилагая усилия или под воздействием стихийного бедствия сдвинуть с места что-л. тяжелое, громоздкое» и «свалить, сдвинуть что-л. в сторону, при этом обычно повредив или разрушив» – не имеют стилистических помет, на третье место помещено значение с пометой «устар.»⁸ – «двигаясь, повернуть в сторону»⁹).

Безусловно, одним из самых важных и при этом самых спорных факторов, влияющих на порядок значений многозначного слова, является употребительность. В ТСРР самое употребительное значение не всегда оказывается первым в словарной статье. Это прежде всего обусловлено его удаленностью от основного (прямого) значения слова и теми факторами, которые были указаны выше.

⁷ Стилистически сниженное значение слова.

⁸ Устаревшее значение слова.

⁹ Толкования из словарной статьи Л.П. Крысина.

Л. Л. Шестакова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
lara.shestakova@mail.ru

**«ЭПИТЕТ ПОЗВОЛЯЕТ ВИДЕТЬ МИР ДИАЛЕКТИЧЕСКИ»:
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ М.В. ПАНОВА ОБ ЭПИТЕТЕ В ПРИЛОЖЕНИИ К ПОЭЗИИ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

В принадлежащей М.В. Панову концепции поэзии как «саморазвивающейся сущности» особое место принадлежит эпитету. «Эпитет не есть нечто механически данное в тексте, – писал Панов, – эпитет есть средство видеть мир и строить поэтический мир. Эпитет позволяет видеть мир диалектически...» [Панов 2017: 87]. Уподобляя далее эпитет прибору, ученый добавлял: «...а какой прибор? Тот, который называется “глаз”. Это глаза, с помощью которых виден мир» [Там же: 88].

В изучении эпитета как выразительного средства можно двигаться в разных направлениях: от выбранного эпитета – выявляя слова, с которыми он сочетается, или, напротив, от слова, к которому поэты «подбирают» эпитеты. Мы применяем, с опорой на пановскую трактовку эпитета, второй подход, используя в качестве «определяемого объекта» слово *вечность*. Очевидно, что такой выбор при рассмотрении языка поэзии Серебряного века неслучаен. С одной стороны, это слово принадлежит абстрактной лексике, составляющей значительный массив словаря поэзии рубежа XIX–XX вв. (в первую очередь словаря символизма [Кожевникова 1986: 9–12]). С другой стороны, само это слово-понятие – семантически емкое, самодостаточное, в поэзии часто выступает без уточняющих элементов, поэтому особенно интересно выяснить, какими эпитетами поэты его наделяют. Основным источником примеров стали словари языка поэзии, в первую очередь [СЯРП I], и материалы поэтического подкорпуса НКРЯ. Сразу отметим, что семантика слова *вечность* в поэтических контекстах соотносима с определениями, данными в толковых словарях и в философских энциклопедиях: ‘время, не имеющее начала и конца, нескончаемая длительность’ и ‘вневременность чего-л., его независимость от времени’; кроме того, *вечность* упоминается поэтами для обозначения загробного мира и неба. Понятно, что эти смыслы иногда совмещаются и строго разграничить их трудно.

Анализ примеров с эпитетами-прилагательными обнаруживает видение поэтами разных сторон вечности в ее диалектике. Символистское восприятие этой сущности просматривается в использовании эпитетов *туманная* (Блок, Лохвицкая, Набоков), *темная* (Мережковский, В. Иванов, Кириллов), также *черная* (Лохвицкая). Из других цветов для характеристики вечности поэты выбирают контрастные по коннотациям – контекстно негативный *синий*: *И винные змеи сплетутся в одну бесконечность, Поднимут, закрутят и бросят ненужную клетку В бездонную пропасть, в какую-то синюю вечность* (Блок) – и позитивно-светлый *бирюзовый*: *Глаза к небесам подними: с тобой бирюзовая Вечность* (А. Белый).

Экспликации божественного, небесного начала вечности служат прилагательные *божественная* (Цветаева), *звездная* (Балтрушайтис), неумиротворимости, нескончаемости

– прилагательные *нетленная* (Кузьмина-Караваева), *неизменная* (Платонов), усиливающие семантику определяемого слова. Такому усилению служит и его соединение с однокоренным прилагательным: *вечная вечность* (В. Иванов, Кнут).

Обращают на себя внимание эпитеты с семантикой времени, контрастные по отношению к нескончаемой вечности. Ср.: *вечность мгновенная* (Брюсов, В. Иванов) и *минутная* (Кузмин).

Иногда поэты наделяют вечность сразу несколькими эпитетами, по-разному ее характеризующими; см., к примеру: *Так Древо тайное растет душой одной Из влажной Вечности глубокой* (В. Иванов), *Над головою Вечностью старинной, бездонно-темной, разверзалась пропасть* (А. Белый).

Многочисленны эпитеты, связывающие вечность с загробным миром. В этом случае *вечность тихая* (Случевский), *глубокая* (Фофанов), *холодная* (Верховский), *сырая* (Ладинский), *загробная* (Барт), *похоронная* (В. Иванов), но также *светлая* (Бальмонт), *светлая и строгая* (Верховский), *гостеприимная* (Н. Светлов).

Большой и интересный пласт составляют эпитеты, олицетворяющие вечность. Антропоморфное ее восприятие объединяет поэтов разных направлений. Ср.: *вечность безмолвная (стоит на часах)* (Федоров), *сонная вечность дохнула* (Случевский), *безглазая вечность* (Лохвицкая), *сердитая* (А. Белый), *растерзанная* (Зенкевич), *угрюмая* (Саша Черный), *ветренная* (Тарловский) и т. д.

Внимания заслуживают и другие аспекты темы, в частности смена определений к слову-понятию *вечность* в рамках одного поэтического текста. Некоторые из таких текстов будут рассмотрены в докладе.

ЛИТЕРАТУРА

Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986.

Панов М.В. Язык русской поэзии XVIII–XX веков: Курс лекций / Сост., подг. текста и примеч. Т.Ф. Нещумовой; предисл. М.Л. Каленчук. М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

СЯРП I – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I: А–В / Сост.: Григорьев В.П. (отв. ред.), Шестакова Л.Л., Бакеркина В.В., Гик А.В., Колодяжная Л.И., Реутт Т.Е., Фатеева Н.А. М.: Языки славянской культуры, 2001.

К.М. Шилихина
(Воронеж, Россия)

Воронежский государственный университет

МЕТАКОММУНИКАЦИЯ КАК ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ АНТИНОМИЙ ГОВОРЯЩЕГО И СЛУШАЮЩЕГО, УЗУСА И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Среди антиномий, благодаря которым развивается язык, М.В. Панов первой назвал антиномию говорящего и слушающего: говорящий стремится упростить выражение мысли, в то время как слушатель заинтересован в упрощении восприятия

сказанного. И еще: «В интересах говорящего пользоваться всем привычным для него словарем, независимо от его общеупотребительности; слушатель «не принимает» некоторых слишком индивидуальных словоупотреблений» [Панов 2007, с. 17].

Второй в списке антиномий является антиномия узуса и возможностей языковой системы. В понимании М.В. Панова, узус накладывает ограничения на употребление потенциально возможных языковых средств, «удобных» для говорящего, и ему постоянно приходится преодолевать эти ограничения.

В реальности говорящему и слушающему приходится находить способы преодоления этих антиномий. Одним из таких способов является метакоммуникация – использование языковых средств, регулирующих и возможность использования разнообразных языковых средств, в том числе выходящих за пределы языковой нормы и узуса, что соответствует интересам говорящего, и процесс понимания, что удовлетворяет интересы адресата. В самом общем виде метакоммуникация – это использование дополнительных языковых средств, которые необходимы для управления пониманием или контроля за способом выражения мысли. Метакоммуникация осуществляется параллельно с собственно речевой деятельностью, она оказывается как бы «вплетена» в неё.

Список метакоммуникативных средств достаточно широк; в данной работе мы рассмотрим только метакоммуникативные маркеры «если можно так сказать» и «если можно так выразиться».

Согласно данным основного подкорпуса НКРЯ, обе конструкции появились в письменной речи во второй половине 19-го века, причем «если можно так сказать» употребляется в три раза реже конструкции «если можно так выразиться». Возможно, это связано с тем, что конструкция «если можно так выразиться» является указателем на индивидуальную особенность речи говорящего, в отличие от более нейтральной «если можно так сказать».

Конструкция «если можно так сказать» появляется рядом с необычной номинацией, выходящей за пределы и языковой нормы, и узуса:

*Зазу – царский советник и нянь, **если можно так сказать**.*

*Мне кажется / что иногда я достаточно жесткие решения принимал. Это всегда очень больно / это всегда очень **страдательно** / **если можно так сказать**.*

Вторая группа употреблений конструкции «если можно так сказать» связана с использованием метафорической номинации, которая нередко маркируется кавычками:

*Сейчас я хочу насытить «единицу времени» множеством **«единиц пространства»**, **если можно так сказать**.*

Конструкция «если можно так выразиться» в письменной речи также используется для маркирования неожиданной метафорической номинации:

*«В таких случаях, – писал В. Бехтерев, – внешние впечатления проникают в психику уже не с «парадного входа», а, **если можно так выразиться**, с «заднего крыльца», ведущего непосредственно во внутренние её покои».*

Еще одной причиной употребления конструкции «если можно так выразиться» может стать необычная лексическая сочетаемость:

*Словом, **если можно так выразиться**, перед нами – «махровый» социум.*

*У неё, **если можно так выразиться**, было этическое чувство правописания.*

Юрий Луценко сидит, если можно так выразиться, рационально: пишет письма на волю, общается с украинскими политиками, что-то предлагает...

Обе рассматриваемые конструкции, с одной стороны, позволяют говорящему использовать языковые средства, выходящие за пределы нормы и узуса. С другой стороны, они предупреждают адресата о появлении неожиданного элемента, понимание которого требует дополнительных усилий. Таким образом, метакоммуникативные элементы можно считать своеобразным компромиссом, позволяющим участникам коммуникации преодолевать антиномии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.2. – Москва: Языки славянской культуры, 2007. – 848 с.

А.Д. Шмелев

(Москва, Россия)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

shmelev.alexei@gmail.com

КОДИФИКАЦИЯ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ: СООТНОШЕНИЕ ПРЕСКРИПЦИИ И ДЕСКРИПЦИИ

Принято считать, что изучение узуса относится к сфере дескрипции, тогда как кодификация языковых норм носит прескриптивный характер. В особенности это относится к кодификации правописания, для которого изучение письменного узуса вообще отходит на задний план (исследование особенностей неграмотного письма может носить вспомогательный характер – напр., для выявления особенностей фонетической системы прежних состояний языка, когда у нас нет непосредственного доступа к звучащей речи).

Однако любая прескрипция в области правописания должна быть принята пишущим сообществом. В тоталитарных государствах возможно насильственное навязывание норм правописания; однако в свободном обществе оно обречено на неудачу, и об этом ясно свидетельствует то, что попытки минимального изменения норм правописания немецкого и французского языков в 1990-е удались лишь частично.

На что же может опираться кодификация правописания? По-видимому, когда норма уже устоялась, любые попытки ее изменения будут наталкиваться на сопротивление образованного сообщества. В противном случае встает вопрос об основаниях кодификации.

Таким основанием не может быть узус как таковой: понятно, что в узусе неграмотные написания могут встречаться чаще грамотных. Но нельзя опираться и на «грамотное» письмо, т. е. письменный узус образованных носителей языка. Так, в письменных текстах образованных носителей языка (в частности, в практике печати) массовым стало неразличение частиц *не* и *ни* (с явным преимуществом *не*). Однако пишущее сообщество в целом не готово признать это новой орфографической «нормой»,

и в большинстве случаев грамотный человек, допустивший такую ошибку, готов признать это ошибкой, если ему на нее укажут.

Существенным оказывается не узус, а представления грамотных носителей языка о нормах правописания. Если некоторое написание воспринимается как правильное многими грамотными носителями языка или даже большинством, то не следует а priori отвергать его на том основании, что оно противоречит рекомендациям словарей и справочников. Как мы знаем, в реальной практике кодификации бывают случаи, когда по недосмотру кодификаторов буквальное применение сформулированного ими «правила» приводит к тому, что будет выбрано заведомо неправильное написание. Помимо этого, в определенных случаях грамотные носители языка готовы настаивать на некотором написании, которое противоречит представлениям кодификаторов. Так, многие грамотные люди не только пишут слова *речовка* и *мелочовка* с буквой *ё* после *ч* (*речёвка* и *мелочёвка*), но и настаивают на правильности такого написания, даже когда узнают, что правила орфографии предписывают использовать букву *о*.

Таким образом, в области правописания, как и в других случаях кодификации языковых норм, прескрипция должна опираться на дескрипцию. Необходимо выявить и описать мнение образованных носителей языка по поводу спорного написания, после чего принимать обоснованное орфографическое решение. Если мнения образованных носителей языка расходятся, то, возможно, кодификаторы должны отказаться от жестких требований и ограничиться мягкими рекомендациями; отклонение от таких рекомендаций не будет считаться орфографической ошибкой. О том, что в правописании в определенных случаях целесообразно допустить вариативность, давая рекомендацию, но допуская и иное написание, со всей ясностью (правда, по несколько иному поводу) писал М. В. Панов (Труды по общему языкознанию и русскому языку, т. 1, 2004: 553).

Отметим, что для успешной кодификации правописания необходимо, чтобы кодификаторы пользовались авторитетом, причем не только в России, но и во всем ареале использования русского языка. Понятно, что необходимый авторитет не возникает сам по себе; его залогом может служить научная обоснованность принимаемых решений и готовность к открытому обсуждению возникающих при этом проблем.

Т.В. Шмелева

(В. Новгород, Россия)

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

szmiel@mail.ru

ХИАТУС КАК ФЕНОМЕН СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ПИСЬМА

Идея парадигматики / синтагматики как организующего начала системы пронизывает концепцию русской фонетики Михаила Викторовича Панова. Однако в практике преподавания этой дисциплины в университете предпочтение отдается парадигме как основе фонемы. Между тем для интерпретации фонетических явлений

русского языка оказывается важным такое явление синтагматики русских звуков, как хиатус.

В плане фонетической синтагматики его можно было представить как минус-явление, не характерное для русской фонетической системы и вошедшее в произносительную практику с иноязычной лексикой [Крысин 2004; Касаткина 2007]. В истории русского языка ряд фактов осмысливается в аспекте преодоления хиатуса, что достигается применением трех приемов: элиминация одного из гласных; вставка протетических консонант [в] или [j]; замещением одного из гласных тем же [j] [Шмелева 2017].

Орфоэпия современного литературного языка предполагает умение произносить хиатус, что означает «легализацию» этого явления синтагматики, которая стала результатов произношения массы иноязычной лексики. А это, в свою очередь, привело к тому, что произносительные варианты с преодолением хиатуса – [кЛкáвъ], [фијáлкъ], [т'áтр] и т.п. – стали квалифицироваться как просторечные. Отражение такого произношения можно найти в медиатекстах, где оно используется для характеристики героя: ... *этот человек – делец, его «милльон» не родовой, а приобретенный на финансовых операциях* (К. Анкудинов // Лит. газета. 31.07–6.08.2019).

Однако такое произношение распространено шире, чем можно предположить, свидетельства чего предоставляет ошибки в письменной речи, которые фиксируются не только в школьной практике, напр., *мозайка* [Денисова 2017], но и медийной, как, напр., в тексте новгородской интернет-газеты «Ваши новости»: ... *региональный минздрав вынужден был возместить стоймость лекарств* (20.12.2019). Обнаруживаются такие написания и в Фейсбуке: *Это все не алигархи, а бизнесмены. Они бизнесуют в России, а мильярды в Лондоне складывают* (9.08.2019); *Нашлись «лишние» полмилльярда на квартиру внучку* (12.08.2019); *Вместо того, чтобы разработать дидактический матерьял для всех предметов ...* (30.08.2019). Нельзя сказать, что такие ошибки не замечаются грамотными людьми; так, в Фейсбуке после поста под заголовком «Музей телевидения и радио. В джунглях на севере Тайланда» стоит комментарий: «Текст, автор которого пишет «Тайланд», читать не хочется уже поэтому» (13.08.2019). Тем не менее ошибочное написание этого топонима распространено не только соцсетях, но и на биллбордах турагентств.

Таким образом, в изучении хиатуса в современной русской речи необходимо учитывать не только орфоэпические наблюдения, но и данные письма, которые говорят о том, что хиатус не настолько освоен, чтобы не видеть в нем лингвистической и орфоэпической проблемы.

1. Денисова Э.С. Орфографические варианты и выбор их написания в школьной практике (на материале лексикографических источников) // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 3 (11). 2017. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30458925>

2. Касаткина Р.Ф. Почему Лянúд звучит лучше, чем ляпáрд (к проблеме реализации хиатусов в речи) // Язык в движении. К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М., 2007. С. 241-247.

3. Крысин Л.П. Новые иноязычные аналитические прилагательные и явление хиатуса // Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 203-207.

4. Шмелева Т.В. Хиатус в истории русского языка и современной произносительной практике // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 1 (9). 2017. URL: www.novsu.ru/filt/1271598; <https://elibrary.ru/item.asp?id=29005969>

М. В. Шульга

(Москва, Россия)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

shoulga@mail.ru

О ПРИНЦИПАХ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Отправной точкой нашего доклада являются неоднократные обращения М.В. Панова к проблеме принципов морфологического описания [Панов 2004/1971; Панов 1999].

Мы остановимся на морфологическом явлении, в научных описаниях которого присутствует множество факторов, или не имеющих непосредственного отношения к морфологии или вступающих с морфологией в прямое противоречие.

Речь идет о форме именительного падежа множественного числа на *-á* типа *городá*, о собственно морфологической функции окончания *-á*.

В описательном (синхроническом) аспекте исследователи указывают на слоговую и акцентную структуру форм на *-á*, отмечают их стилистическую маркированность, связь с профессиональной лексикой, с заимствованными словами, с разграничением разных значений слова; выявляют ограничения, связанные с производностью основы, с мягкостью согласного в исходе основы существительного.

В диахроническом развитии инноваций на *-á* исследователи усматривают внешнее влияние остаточных форм двойственного числа или роль количественных конструкций, влияние форм существительных среднего рода на формы существительных мужского рода; влияние ударных флексий *-ám*, *-ámi*, *-áx* в парадигме множественного числа; предполагают унификацию ударного гласного элемента *-á* во флексиях парадигмы множественного числа у тех существительных, которые имеют подвижное ударение.

Во множестве синхронических и диахронических концепций, более или менее успешно описывающих языковой материал, не сформулировано главное - морфологическая функция данной морфологической формы в системе языка. Кроме того, особое недоумение исследователя (и в историческом, и в синхроническом аспекте) должна бы вызывать связь флексии *-á* с мужским грамматическим родом, поскольку формы множественного числа по роду не охарактеризованы.

М.В. Панов призывал отказаться от «агрессивной диахроничности», от «диахронической пелены» на глазах, указывал на необходимость в описании

современных морфологических явлений видеть их новые связи [Панов 2004/1971: 137]. Нам представляется, что рассматриваемая проблема это тот случай (довольно редкий), когда именно «новые и прочные связи» позволяют понять место явления и в современной морфологической системе, и в его становлении.

Наш доклад посвящен попытке морфологической интерпретации флексии *-á* в системе языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Панов М.В.* Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Школа “ЯРК”, 1999. 276 с.
2. *Панов М.В.* Об аналитических прилагательных // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / Под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. – М., 2004.